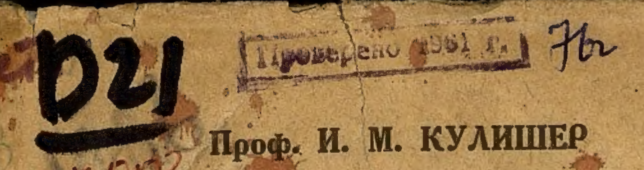

Проф. И. М. КУЛИШЕР

ОЧЕРК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
"СЕЯТЕЛЬ"
Е. В. ВЫСОЦКОГО
ЛЕНИНГРАД
1925

Ленинградский гублит № 1386. Тираж [illegible]

2-я Типография 1-й Артшколы, имени Красного Октября, пр. Майорова, № [illegible]

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Зачатки настоящей книги относятся к тому времени, когда автор, готовясь, за границей к чтению курса истории экономического быта в СПБ. Университете (к которому приступил в 1905 г.), между прочим, делал выписки из древних авторов, касающиеся различных сторон хозяйственной жизни классической древности. В то время, однако, как другие части подготовленного тогда курса появились затем в печати и, неоднократно перерабатываемые, переиздавались (см. Лекции по истории экономического быта Зап. Европы, изд. 6-ое, т. I и II), отделы, относящиеся к первобытному хозяйственному строю и к экономической жизни древних народов, хотя также каждый раз дополняемые, до сих пор не увидели света.

Впрочем, то, что имелось у автора, сводилось к указанным выпискам из древних классиков, расположенным по различным вопросам, к которым затем присоединялись и надписи. Поэтому, когда изд. „Огни“ в 1921 г. обратилось к автору с предложением написать для одной из его серий историю экономического развития древности, то оказалось необходимым проделать еще большую работу сводки и обработки имевшегося материала, как и перевода последнего на русский язык. Автор в первую очередь приступил к Греции эпохи независимости. Однако, вскоре изд. „Огни“ прекратило свою деятельность и книга

выйти не могла. Впоследствии же, будучи занят другими своими сочинениями, автор лишен был возможности вернуться к прерванной работе и только теперь удалось закончить ее и представить на суд читающей публики.

Задачей автора являлось дать вполне об'ективную, без всяких прикрас, картину экономической жизни древней Греции, подтверждая всякое положение свое имеющимся фактическим материалом. Исходя из единства процесса хозяйственного развития у всех народов, мы все же должны каждый раз ставить себе вопрос, до какой ступени дошло хозяйство той или другой изучаемой нами страны, в данном случае древней Греции, и если при разрешении этой проблемы приходится на ряду с твердо обоснованными положениями высказывать и такие взгляды, которые не могут быть вполне подтверждены находящимся в нашем распоряжении материалом, то мы обязаны это обстоятельство в достаточной мере оттенить, указав на то, что это не более, как предположение; поскольку же данных вовсе нет, единственно возможный ответ:—ignoramus (мы не знаем). К сожалению, эти принципы в применении в особенности к экономической истории древности соблюдались до сих пор весьма мало и нередко получались, вследствие этого, вместо прочного знания — совершенно фантастические построения.

Первоначально сделанные в подлинниках выписки автор частью заменил имеющимися на русском языке переводами, частью же, поскольку таких переводов не оказалось, или они не удачны (или автор не мог их достать), автор, переводя их на русский язык, в большинстве случаев сверял с переводами, существующими на других современных языках. Иногда, впрочем, и это не представлялось возможным, за отсутствием вообще переводов (или невозможности разыскать их), и в этих случаях могут, конечно, встретиться погрешности в пе-

редаче. Равным образом и подстрочные ссылки на соответствующие места в сочинениях древних (или на нумерацию надписей в сборниках) могут в том или ином случае оказаться неточными, так как эти ссылки были сделаны много лет тому назад и не всегда их удавалось проверить. За такого рода дефекты, если бы они обнаружились (автор надеется, что их немного), автор заранее извиняется перед читателем и за указание их будет весьма благодарен. В интересах читателя, обычно незнакомого с греческим языком, при передаче терминов последние напечатаны латинскими буквами.

Февраль 1925 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Территория.—Население[1]).

I.

Нейман и Партш в своей «физической географии Греции, уделяющей особое внимание древности», указывают на различные особенности климата, почвы и рельефа древней Греции, отразившиеся на культурной истории ее.

Прежде всего Греция вдоль и поперек изрезана горами. Имеется, в сущности, одна лишь долина—Фессалийская. Все остальные минимальных размеров, не более 2—2½ миль в длину и 1—1½ миль в ширину. Прочая поверхность покрыта горами. Отсюда разорванность и рассеянность греческого народа в политическом отношении, склонность каждого племени к самостоятельности и отделенности от всех других, многочисленность отдельных государств, слабая связь между ними, трудность совместных военных действий и ранняя гибель их независимости. Но отсюда и интенсивная жизнь этих греческих общин, разбросанных среди гор, стремление каждой опередить всех других, приложение всех усилий к использованию тех небольших пространств, которые оставляли им горные хребты, высокая культура разбросанных среди последних долин, которой не достигли самые благословенные уголки земного шара[2]).

---

[1]) Neumann-Partsch. Physikalische Geographie von Griechenland mit besonderer Rücksicht auf das Altertum. 1885. Letronne. Mémoire sur la population de l' Attique. Acad. des Inscriptions. Nouv. Série. VI. Houssaie. Mémoire sur le nombre des citoyens d'Athènes au V siècle. Ann. de l'associat. 1882. Gernet L'approvisionnement d'Athènes en blé aù V et aù IV-e siècles. Mélanges d'histoire ancienne. 1909. Wallons. Histoire de l'ésclavage. 2 éd. T. I. Boeckh. Die Staatshaushaltung der Athener. 3 Aufli. 1886. Ed. Meyer. s. v. Bevölkerungwesen (Altertum). Handwört. der Staatswiss. 3. Aufl. B. II. Beloch. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. 1886.

[2]) Neumann-Partsch. p. 152.

Другая характерная особенность—господство моря и глубокое внедрение его в континент. Эта роль моря выражается в выравнивающей температуре, в однообразном климате. Контрасты исчезают и на протяжении 35—41^{0} сев. широты на берегах и островах создается почти одинаковая теплота; при средней температуре Эллады в $17^1/_2$^{0}, даже в отдаленных частях Эгейского моря отклонения составляют не более $1^1/_2$—$2^1/_2$^{0}, в Ионическом еще меньше. Благодаря этому, на всем протяжении Греции и омывающих ее морей эллин себя чувствовал одинаково хорошо, везде была его родина, колонизация могла быстро подвигаться вперед, распространение греков, их культуры, их влияния могло совершаться в широких размерах, охватывая все берега и острова Эллады.

Но оно могло пойти и дальше. Усеянное островами и островками, море давало греку ряд промежуточных пунктов, станций. Переходя от одной к другой и не оставляя нигде из виду родины, он подвигался к Малой Азии, так же, как, возвращаясь из Черного моря и проходя через Геллеспонт, мореплаватель уже видел перед собой возвышающийся на горизонте Афон—он был уже вблизи родины.

Ни один пункт Пелопонеса не отдален более 7 миль от моря, ни один пункт Средней Греции—более 8 миль, ни один пункт Эпира и Фессалии—более 14 миль. Это богатство бухт, глубоко врезывающихся в континент, и обилие островов, разбросанных среди морей, должно было рано вызвать, хотя бы из любопытства, стремление попасть в близлежащие местности, перебраться на соседние острова. Они находились тут же рядом, на пространстве 5 миль от любого острова,—ведь имелись другие острова или берега—цель лежала перед глазами. А острова к тому же гористые, так что они ясно видны на этом расстоянии, в особенности при прозрачном воздухе. Мореплаватель нигде не оказывался в безбрежном море, везде его манили к себе берега, и в несколько часов он мог их достигнуть.

В этом сближении соседних племен, в этой возможности узнать у рядом живущих то или другое, что самому неизвестно, подражать, заимствовать, упомянутые авторы усматривают нечто гораздо более важное в смысле культурного развития, чем в сношениях греков с египтянами или финикиянами при гораздо большей отдаленности этих народов как географически, так и в отношении техники и культуры, а следовательно, при малой доступности их грекам, сложности и непонятности для них египетских и финикийских произведений [1]).

---

[1]) Neumann-Partsch. p. 127 сл.

Но в то же время Нейман и Партш подчеркивают и те огромные затруднения, которые представлялись мореплавателям, в виду сильных ветров и подводных рифов, отсутствия прикрытых бухт и удобных гаваней. Таков весь запад и юг Греции, за исключением лишь Коринфийского и Тафийского заливов. И в северной части, и у мыса Хаймериона, как и у западного побережья Пелопонеса, в Мессенском и Лаконском заливах—везде сильные течения, юго-западные опасные для мореплавателя ветры, бедность в защищенных местах для стоянки кораблей; особенно опасным, в виду бурь, считался мыс Малея, при входе в Эгейское море. Но и последнее не отличалось особенной гостеприимностью. Восточные берега Фессалии, Эвбеи, Лаконии, Арголиса изобиловали подводными скалами и мелями и грозили гибелью отважному пловцу, и только Саронский и отчасти Эвбейский заливы—в сущности одно юго-восточное побережье Эллады поощряло судоходство [1]).

Таким образом, с одной стороны, близкие цели манили к себе грека, заставляли его переплывать на соседние острова и берега, а, с другой стороны, море пугало его, удерживало от плаванья. Ему приходилось ограничиваться тихими бухтами, не удаляясь за пределы их, и только после продолжительного опыта, знакомства с морем он мог решиться на более крупные задачи. Быть может,—прибавим от себя — этим объясняется тот факт, что колонизация Греции и Малой Азии совершилась сравнительно очень рано, тогда как морская торговля—как мы увидим ниже—значительного развития не достигла во всю эпоху независимости Греции. На отдельные немногократные плавания с целью создания новых поселений греки могли решиться, частые же сношения между различными берегами, как этого требует торговый обмен, встречали слишком много естественных препятствий. Море им всегда казалось чем-то страшным и опасным.

Наконец, характерную черту Греции составляет ее сухой климат, летняя жара, отсутствие дождей в это время, наиболее резко чувствующееся в Афинах и в Аттике вообще, как и во всей восточной части Греции, тогда как в западных областях большая лесистость и большое количество выпадающих осадков смягчали летний зной. Испарения так велики, что речки и ручьи высыхают, и даже то небольшое количество влаги, которое искусственно создано, исчезает. Весна и осень гораздо богаче водя-

---

[1]) Neumann-Partsh. p. 138—46.

ными осадками, но и в эти времена года они не распределяются сколько-нибудь равномерно, а выражаются в проливных дождях, смывающих на горах верхний наиболее плодородный почвенный слой и обнажающих горы [1]). Не орошая землю, вода на несколько часов наполняет пересохшие русла ручьев или просачивается через скалы, как сквозь сито, и теряется для почвы.

Этот недостаток воды вызвал особенно любовное отношение греков к «священной влаге». Мертвецу дается пожелание на дорогу иметь свежую воду и ставится в гробницу кувшин с водой. Источники высоко ценятся, ирригация широко производится. Последующее обеднение некогда плодородной страны —результат прекращения забот о распределении и сохранении влаги, изсякания прежних водоемов [2]).

Климатические условия отражались не только на фауне и флоре, на преобладании растительности и видов животных, мирящихся с сухой почвой и недостатком влаги, но и на крайней ограниченности потребностей населения. Высокая температура вызывала умеренность в пище—бедный афинянин довольствовался похлебкой из ячменной муки, немногими оливками, фигами или луковицами, тогда как мясо редко появлялось на его столе [3]).

II.

Сколько насчитывалось населения в Греции в различные эпохи? В таком виде на этот вопрос обыкновенно вообще не дается ответа. Пытаются исчислить население одной только Аттики приблизительно в IV ст. (в эпоху расцвета). Бек определяет его в 500 тысяч, из них 135 тыс. свободных и 365 тыс. рабов. Исходят из сообщений древних авторов о количестве полноправных граждан; оно колеблется между 20 и 30 тыс. Так, при распределении хлеба в 445 г., по Филокору, оказалось 14.240 афинян и 4.760 неправильно себя показавших таковыми. Во время Пелопонесской войны число их, очевидно, увеличилось, ибо по Фукидиду, имелось 13 тыс. гоплитов и сверх того в запасе 16 тыс. граждан и неполноправных. В первой речи против Аристогитона, приписываемой Демосфену, также указано около 20 тыс. граждан. При

[1]) Б. Л. Богаевский (Очерк земледелия Афин, 1915 г., стр. 55) указывает на то, что суть именно не в недостаточности осадков, а в крайне неравномерном их распределении.

[2]) Neumann-Partsch. p. 28 сл., 65 сл., 81 сл.

[3]) Ibid. p. 40—41.

делении имущества Дифила, равнявшегося 160 талантам, на долю каждого гражданина пришлось 50 драхм, так что получается 19.200 граждан. Наконец, в 309 году при Дмитрии Фалернском был произведен подсчет населения и оказалось, по словам Ктесикла, приводимым в сборнике Афинея (других сведений об этом нет), 21 тыс. граждан, 10 тыс. неполноправных и 400 тыс. рабов. Считая число взрослых граждан и неполноправных за четвертую часть населения, получаем 84 тыс. граждан обоего пола и всех возрастов и 40 тысяч неполноправных. Что же касается рабов, то при таком подсчете оказалось бы их целых $1^1/_2$ миллиона. Этого чересчур много даже для тех, кто считает Аттику не менее населенной, чем современные западноевропейские страны. Но так как какую-нибудь цифру все же надо взять, то исходят из того ни на чем не основанного предположения, что здесь указано общее их количество, а не только число отцов семейств. Таким образом, получается общая цифра населения Аттики в 524 тыс. (Валлон ее определяет в 580 тыс., Сен-Кроа в 640 тыс.), Бек считает достаточным и 500 тысяч человек. Из этих 500 тыс. 240 тыс. Бек относит на город Афины и 260 тыс. на прочие местности Аттики [1]). Но мыслима ли такая цифра?

Если считать в городе 10 тыс. домов, то при 240 тыс. на дом придется в среднем 24 человека. Эти 10 тыс. взяты из указания Ксенофонта, что в Афинах больше 10 тыс. домов [2]). Однако, оно ровно ничего не доказывает. Он просто хотел сказать, что их много—целая мириада, но вовсе не думал определять числа. Мало того, согласно тому же Ксенофонту, семья в 14 человек (в доме проживала обыкновенно одна семья) считалась весьма большой, выше средней. Так что и 140 тысяч было бы много, у Бека же взято целых 240 тысяч. Он ссылается, правда, на то, что были «фабрики» с большим числом рабов, а в районе, где проживали рабы, работавшие в рудниках, население было весьма густое. Между тем—как мы увидим ниже—все эти разговоры о крупных предприятиях в Афинах и о сотнях работавших в них рабов ни на чем не основаны. Что же касается рабов в рудниках, то большое количество их выводится из того, что неизвестный современник Ксенофонта советует афинскому государству покупать рабов для эксплоатации рудников за соб-

[1]) Boeckh. Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. von Fraenkel. B I 1886. p. 42 сл.
[2]) Xenophon. Memorabilia. II, 7. 2. III, 6. 14.

ственный счет, указывая на то, что при 10 тысячах рабов казна выручит 100 талантов. К этому он прибавляет, что их могло бы работать в рудниках еще гораздо больше; это может подтвердить всякий, кто помнит, сколько доставил сбор с рабов до событий при Декелее [1]. Фукидид же сообщает, что при Декелее бежало 20 тыс. рабов [2]. Бек находит, что это указание относительно казенных рабов в рудниках странно и весьма неясно, почему он признает невозможным с ним считаться [3]. Но одно, во всяком случае, вытекает из рассуждений этого автора—то, что для него и 10 тысяч рабов составляют огромную цифру. Самое сокращение их во время Декелейской войны составляло, как мы видим, всего 20 тысяч. А у Бека и других авторов речь идет о 400 тысячах. Очевидно, эта последняя цифра до крайности преувеличена, и ни о каких 500 тыс. (а тем более 600) населения в Аттике говорить не приходится.

Насколько бездоказательны и произвольны все такого рода вычисления, можно видеть из подсчетов того же Бека относительно хлеба, производимого в Аттике, и хлеба, привозимого туда. Они должны в то же время служить поверкой предположенной им цифры населения. Бек принимает за исходную точку указанных 400 (365) тысяч рабов и одну сорок восьмую медимна (медимн = ок. 100 ф.) ячменя в день для каждого, для свободных же, в виду лучшей пищи, потребляемой ими, несколько больше. Все это, конечно, ничем не доказанные цифры. Получается круглой цифрой 3.400.000 медимн, необходимых населению, кроме семян для посева. Демосфен же сообщает, что привозимые из Понта 400 тыс. мед. равны всему прочему привозу [4], так что всего импорт равняется 800 тыс. мед. Но Бек, ссылаясь на неточность указаний Демосфена, считает возможным—без каких бы то ни было к тому оснований—увеличить эту цифру до 1 мил. Следовательно, Аттика должна была производить остальные 2.400.000 мед. Такой урожай он считает вполне возможным, хотя и признает, что в Аттике были нередки голые скалы. Но он находит, что там, где каменистая почва была смешана с землей, мог возделываться ячмень; остальное уже добавляло человеческое умение [5]. Принимая урожай в сам - семь, он получает площадь

[1] De vectigal. (Peri poron) 4. 24—25.
[2] Thykydides. VII. 27.
[3] Boeckh-Fränkel. I. p. 51.
[4] Demosthenes. XXI. C. Leptin. 31.
[5] Boeckh-Fränkel. I. p. 97—103.

в миллион плетрон; они дают 2.800.000 медимн, из коих 400 тыс. мед. идет на посев, а остальное, именно необходимые 2.400.000 мед., на потребление.

Казалось бы, все обстоит прекрасно; счет вполне сходится. Сомнение у Бека вызывает, однако, другая речь Демосфена—против Фениппа. Там оказывается, что в имении последнего, принимаемом в 3.200 плетр. (плетр. = $^1/_9$ десят.), урожай не превышал 1.000 медимн ячменя, так что на плетр. приходится всего $^1/_3$ медимна, а не свыше $2^1/_2$ мед., как в приведенном расчете, т. е. почти в восемь раз меньше, чем принимает Бек. Если даже иметь в виду, что в этом имении имелись виноградники и лес, то все же во столько раз повышать цифру урожайности едва ли допустимо. В результате Бек считает свой вывод не невозможным, но в то же время допускает, что весь расчет может оказаться и ошибочным.

Во всяком случае нельзя не отметить, что—как видно из всего изложенного—Аттика не могла производить 2.400.000 мед., а тем более 2.600.000, если взять привоз, согласно Демосфену, в 800 тыс. мед. Следовательно, цифра населения в 500 тыс. чрезмерно велика — именно этим расчетом подтверждается полная ее неправильность. Если считать даже в три раза больший урожай, чем в имении Фениппа, т. е. по 1 мед. на плетр., то получится на 1 милл. плетр. 1 милл. мед., а за вычетом седьмой части на посев, 850 тыс. мед., т. е. втрое меньше того, что имеется у Бека; а вместе с привозом в 800 тыс. мед. всего окажется 1.550.000 мед. вместо 3.400.000; стало быть, и население получим не в 500 тыс., а в два раза меньше, т. е. в 250 тыс. человек. Конечно, и этот вывод совершенно не обоснован, и мы менее всего настаиваем на нем, но он свидетельствует о том, как резко меняются цифры, если изменить то или другое из произвольно взятых предположений.

Подобные же попытки исчислить цифру населения для Аттики делали и другие авторы — Валлон, Летроннь, Гуссе, Белох, Франкотт, Эдуард Мейер. Они исходили из той же цифры привоза в 800 тыс. медимн, получающейся на основании речи Демосфена против Лептина, брали 7 мед. на душу населения и седьмую часть урожая на посев, но самый урожай уже определяли на основании одной надписи 329 г. до Р. Х. (найденной Фукаром). Из последней видно, что урожай Аттики в этом году составил 363 тыс. мед. ржи и $41^1/_2$ тыс. мед. пшеницы. Считая

7 мед. на душу населения и вычтя известную долю на обсем
полей, получаем вместе с привозом пропитание для 175
жителей (а не для 500 тыс., как у Бека и других ав
Если принять численность свободного населения в 100
то получится 75 тыс. рабов (а не 400 тыс.). Таковы вычи
Белоха для середины IV ст., а для эпохи Александра Ма
ского 116 тыс. граждан, 58 тыс. метеков и 100 тыс. рабо
что в обоих случаях рабов оказывается меньше, чем сво
(у Летронна 100—120 тыс. рабов, у Валлона 201 тыс.
у Франкотта 75—150 тыс. рабов, но низшую цифру он с
более правильной). Эд. Мейер насчитывает в 431 г. 170
свободного населения и 100—150 тыс. рабов. При этом у
на долю Афин и Пирея приходится 100 тыс. жителей,
170 человек на гектар или столько же, сколько насчиты
в Берлине с его многоэтажными домами в конце XI
а между тем в Афинах почти каждый гражданин имел со
ный (одноэтажный) дом, причем имелось много незастро
пространства и даже сносились дома в целях разбивки са

Очевидно, даже цифра населения в 175—200 тыс. для
слишком велика, но она хоть, по крайней мере, находится
вествии с сообщением Демосфена о привозе хлеба и с над
открытой Фукаром, и только оказывается чрезмерно высок
сравнению с площадью Аттики. Но совершенно не допустим
действия новейшего исследователя Жерне, который вновь
щается к цифре Ктесикла в 400 тыс. рабов и, следовател
550—600 тыс. всего населения Аттики. Так как, согласно
нутой надписи, урожай Аттики составлял 400 тыс. медимн
привоз должен был быть не менее 3 милл. медимн. вместо 80
указанных у Демосфена. Получается, казалось бы, резкое нес
ствие. Но автора это нисколько не смущает. Пора покончить
ворит он—с этой фразой Демосфена, которую сотни раз повт
Не по Демосфену надо определять потребность Афин в х
на основании этой потребности (которой мы не знаем!) надо
рять Демосфена. Столь же легко и просто Жерне обходит
гое затруднение. Получается 200—230 жителей на кв. кил.
густота Бельгии в начале XX ст., страны наиболее густо
ленной во всей Европе. Такая цифра, возможная лишь пр
витии крупной промышленности, при высокой технике и т. д

[1]) Wallon. I. p. 478. Letronne Mém. Nouv. Ser. VI. Francotte. L'i
dans la Grèce ancienne I. p. 186. Ed. Meyer. Handwört. II. p. 905. Beloc

о словам — «нисколько не пугает» [1]). Однако, не только эта
і, но и гораздо более умеренная в 175—200 тыс., повидимому,
о преувеличена; насчитывали же прежде по 50—100 тыс. жи-
в средневековых городах, тогда как после нахождения дей-
ельных данных о населении (переписей) они свелись до 4—5,
ішем случае до 8—10 тысяч.

Абсурдности вывода относительно населения Аттики не при-
ся удивляться, когда все предположения построены на песке—
естно, сколько производила Аттика (урожай 309 г. может
случайным), неизвестно, сколько потреблялось в те времена
на душу населения, неизвестно, сколько нужно было для
а.

От приводимого Афинеем сообщения Ктесикла о налично-
Аттике 400 тыс. рабов все эти авторы (Белох, Мейер, Ле-
ь, Валлон), как и до них ряд других (Клинтон, Джон)—в
ие от Бека, Бюксеншютца и Жерне—уже отказались, признав
цифру недостоверной. Но и цитируемые тем же Афинеем слова
ч, согласно которым в Коринфе насчитывалось 40 мириад
400 тысяч) рабов, и слова Аристотеля, что в Эгине имелось
ириад (т. е. 470 тысяч) рабов—отвергаются всеми упомяну-
исследователями. Однако, нисколько не большей правдопо-
стью отличаются и обычно выводимые цифры рабов (илотов)
кедемонии. Геродот разсказывает, что в битве при Платее на
ого (свободного) спартанца приходилось 7 илотов, и у него же
м, что количество способных носить оружие спартанцев равно
8 тыс. Соединив и то и другое, получили 56 тыс. взрослых
в. Но для этого необходимо было исходить из предположе-
что соотношение между спартанцами и илотами, вообще, было
ю такое же, как в войске, т. е. как 1 : 7; между тем, именно
овершенно не установлено. Обойдя же это затруднение, уже
дно было на основании соотношения между взрослым насе-
м и населением вообще получить общую цифру илотов: Клин-
е принимает в 170 тыс., Валлон в 220 тыс., Мюллер в 224
но Бюксеншютц справедливо признает все эти вычисления
астическими [2]).

Если перейдем от рабов к свободным, к полноправным
янам, то столкнемся с вычислениями, исходящими из раз-

[1]) Gernet. Mélanges. p. 273 сл. 292—93. 299—300.
[2]) Clinton. Fasti. Hellen. p. 421. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griech. um. p. 138 сл.

личных сообщений Фукидида, Ксенофонта, Полибия. Но и их цифры далеко не всегда достоверны, а главное не содержат общего числа населения, а ограничиваются перечислением воинов различных категорий. Но что нам может дать указание Фукидида на то, что в начале Пелопонесской войны Афины выставили 13 тыс. гоплитов и еще 16 тыс. имелось запасных [1]) или утверждение Аристотеля, что 20 тыс. человек питалось в Афинах на казенной службе в качестве войска, судей, стражи и т. д.? Вилламовиц-Меллендорф считает бесцельным оперировать «статистическими вероятными расчетами» и указывает на то, что определить на основании таких цифр долю стариков, нетрудоспособных, детей, женщин «никакими учеными приемами немыслимо». Но количество взрослого мужского населения он все же считает возможным исчислить, находя, что оно было при Перикле не менее 60 тыс. (полноправных граждан). По его мнению, этому соответствует приведенное выше (из Афинея) указание на 21 тысячу афинских граждан при Дмитрии Фалерском (в 312 году), так что число их сократилось бы за эти 120 лет на две трети; свои владения Афины ведь успели потерять, много населения эмигрировало, для доступа в число полноправных граждан нужно было удовлетворять различным стеснительным условиям. Наконец, по словам того же Вилламовица, указанным 60 тысячам граждан времен Перикла не противоречит также упомянутое уже указание на то, что приблизительно в то же время (445—44 г.) 14.240 афинянам выдавался хлеб от государства, а 4.760 проданы были в рабство, хотя он сам и сознает, что получается весьма подозрительная круглая цифра в 19 тыс. Кроме того, говорит он, нельзя получателей хлеба отождествлять с гражданами — Клеон и Софокл и ареопагиты едва ли побежали в Одеон с мешками, получатели составили, вероятно, не более четверти взрослых граждан [2]).

В противоположность готовности Вилламовица ограничиться вычислением одних лишь полноправных афинских граждан, Белох, напротив, совершил покушение на выяснение численности всего населения на протяжении не одной только Аттики, а всей древней Греции. Для Греции в начале Пелопонесской войны (431 г.), за исключением Эпира, Македонии и острова Крита, у него получилось 2.250.000 жителей, в том числе 850 тыс. рабов (Эдуард

[1]) Thukydid II. 13 и 31.
[2]) Willamowitz-Moellendorf. Aristoteles und Athen. 1893. B. II. p. 201—09.

Мейер повышает эту цифру до 3 милл.)[1]. Но что послужило основанием для этого вывода? Всего только сообщения Фукидида и Ксенофонта (цифры Геродота признаны недостаточно достоверными) о численности войск, участвовавших в Пелопонесской войне. Насколько произвольны полученные при таких условиях выводы — ясно само собой.

Если для средневековых городов имеются первичные записи относительно переписанного в определенном году населения (хотя бы известных кварталов города или только совершеннолетнего населения), если для различных территорий этой эпохи мы находим, по крайней мере, подсчеты числа домов или очагов — то для древнего мира и таких сведений не сохранилось. Весьма возможно, что, напр., в Афинах существовали списки мужского населения, подлежавшего военной службе, как и плательщиков податей; быть может, при Александре Македонском, который велел измерить дороги в Азии и определить высоту гор, были произведены и переписи в подвластных ему областях. Но во всяком случае от всего этого до нас ничего не дошло. Мы знаем лишь одно — что мы не знаем цифры населения ни Греции в целом, ни отдельных частей ее. Как бы то ни было — как видно из предыдущего — наличность большого количества рабов ничем не доказана, как и не установлено совершенно превышение рабского населения над свободным. Напротив, многие из приведенных авторов признают, что рабов было меньше, чем свободных. Это обстоятельство весьма существенно — мы к нему еще вернемся.

---

[1]) Beloch. Bevölkerung etc. См. также возражение Seek в Jahrbücher für Nationalökonomie. III. Folge B. XIII и там же ответ Белоха. Ed. Meyer. Handwort. l. c.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рабство *).

Геродот утверждает, что первоначально Греция рабства не знала, рабов не было ни в Афинах, ни в других местностях, почему сыновья и дочери афинян в те времена вынуждены были сами ходить за водой [1]. Но у Гомера рабы имеются. У Одиссея насчитывалось свыше 100 рабов, в том числе 50 женщин, работающих во дворце его, цифра, впрочем, небольшая, если иметь в виду, что Одиссей имел 72 стада овец, коз и свиней. Немногочисленность рабов в эту отдаленную эпоху об'ясняется, повидимому, тем, что при военных столкновениях мужчин не брали в плен, а убивали, и только женщин уводили с собой. Илиада и Одиссея много дают примеров тому, что мужчин опасались брать

*) Литература. Wallon. Histoire de l'ésclavage dans l'antiquité. 2 éd. 1879. T. I. (L'ésclavage en Orient et en Grèce). Desjardin. L'ésclavage dans l'antiquité. 1857. St John. The Hellenes. Vol. III. Ingram. A History of Slavery and Serfdom. 1895. Keiffer. L'ésclavage à Athènes et à Rome. 1896. Tourmagne. Histoire de l'ésclavage ancienne et moderne. 1880. Ebeling. Die Sklaverei von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. 1889. Schück. Ueber die Sklaverei bei den Griechen. 1875. Ed. Meyer. Die Sklaverei im Altertum. 1898. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Altertume. 1869 (B. I. Kap. 3), Blümner. Griechische Privataltertümer. 3 Aufl. 1882. §§ 12—13. (Hermann. Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. B. IV) Becker. Charlikles. Bilder altgriechischer Sitte. Neu bearb. von Göll. 1878. B. III. (Excurs zur 7. Szene). Schoemann. Griechische Altertümer. 4 Aufl. von Lipsius. 1897. B. I. (III. A. 1. C. b. 1). Gilbert. Handbuch der griechischen Staatsaltertümer. 1881. (B. I. p. 31 сл. 163 сл. B. II. p. 287 сл.) Guiraud. La propriété foncière en Grèce. 1895. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. 1900. (Ch. VII—IX). Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. 1900. T. I. (L. I. Ch. V—VII). Thalheim. s. v. Duloi. (Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie). Beauchet-Chapot. s. v. Servi. Daremberg-Saglio-Pottier. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. IV. 2. 1908. p. 1260 сл. Grünberg. s. v. Sclaverei (Handwört. der Staatswiss. 3 Aufl. B. VI). Beauchet. Histoire du droit privé de la république Athénienne. T. II.

[1]) Herodot, VI, 137.

в плен, оставлять в живых. Это еще та наиболее ранняя эпоха, когда решаются обращать в рабство только женщин—они менее опасные враги, да и служат не только рабочей силой, но и в качестве наложниц. Ахилл убил мужа Бризеиды и троих братьев ее и город разрушил и только ее взял себе, желая сделать своей женой [1].

Это—читаем в «Илиаде»—угрожает всякому народу, «чей приступом город берется»:

> Мужи убиты оружьем, дома превращаются в пепел,
> Дети уводятся в плен и пышноодетые жены.

Одиссей рассказывает, как он, отплыв от Трои, попал в град киконов Измар.

> Град мы разрушили, жителей всех истребили,
> Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много.

А в вымышленном рассказе о себе Одиссей говорит, что его спутники

> Грабить поля плодоносные жителей мирных Египта
> Бросились, начали жен похищать и детей малолетних,
> Зверски мужей убивая.

Лишь мало-по-малу отношение к побежденным мужчинам изменяется и их начинают обращать в рабство, пользоваться их рабочей силой или же отпускать за выкуп. Первые шаги в этом направлении мы наблюдаем уже у Гомера. Отдельные воины попадают в плен и возвращаются обратно за выкуп. Так было с Ликаоном, сыном Приама, которого взял в плен Ахиллес; о даровании им жизни молят и другие троянцы, обещая богатый выкуп.

Такие пленники продаются в рабство. Появляется купля-продажа рабов. О подобном случае говорится в Одиссее: «Или, оставшись у стада быков и один, ты схвачен морским был разбойником, он же тебя здесь и продал». Рабыня, которая увезла Евмея, когда он был еще мальчиком, сама была похищена пиратами и продана в рабство; и Евриклею отец Одиссея, Лаерт, купил за 20 быков, а рабыня, прислуживающая Навзикае, Евримедуза, была увезена феаками из Епира и подарена царю Алкиною [2]. Эти случаи существенны в том смысле, что здесь мы встречаем новые способы обращения в рабство—похищение людей пиратами и куплю-продажу рабов, находим, следовательно, рабов не только взятых в плен на войне, но и купленных.

[1]) Илиада. Пер. Минского. XIX. 291 сл.

[2]) Илиада. VI. 46. IX. 593. X. 378. XI. 105. XX. 187. XXI. 35. 77. Одиссея. (Пер. Жуковского). VII. 9. XIV. 263. XV. 386. 427. 450. 483.

Но это лишь первые шаги. И впоследствии нередко мужчин попрежнему убивают, только женщин и детей обращают в рабство. Так поступают еще во время Пелопонесской войны и македоняне при взятии Платеи (в 427 г.) и афиняне с жителями македонского города Скиона (в 421 г.) и с населением завоеванного ими острова Мелоса: взрослых мужчин казнили, женщин и детей обратили в рабство. Город же Платею македоняне уничтожили, афиняне землю скионов передали платейцам, а Мелос сами заняли. Так же жестоко афиняне решили поступить с жителями отпавших от них Митилен (в 427 г.), но затем изменили свое первоначальное намерение [1]. Геродот рассказывает, что Герон сиракузский переселил жителей Мегары в Сиракузы, при чем поступил весьма своеобразно: богатых, вызвавших войну против него, он сделал гражданами, низшие же классы населения, которые неповинны были в войне и не ждали от него ничего дурного, он, наоборот, продал в рабство в другие страны [2].

На ряду с уничтожением пленных мужчин или выдачей их за выкуп мы находим, следовательно, и такие случаи, когда их оставляют в живых, но они теряют свободу и вынуждены работать на более счастливых победителей. Так, Поликрат самосский, одержав победу над жителями Лемоса, взял их в плен и заставил копать ров вокруг укреплений Самоса [3], а сиракузские пленные были помещены афинянами в пирейские каменоломни; но они проломили стену и ночью бежали в Декелею и в Мегару [4].

Однако такой образ действия по отношению к грекам считался неправильным. Платон находит, что греки должны щадить греческие племена, не должны порабощать другие греческие город и обращать других греков в рабство [5]. Действительно, нам известно, что либо пленников выменивали, как это сделали, напр., афиняне после взятия города Тороны (в 422 г.), обменяв «мужа на мужа» [6], либо еще чаще—как это уже было во времена Гомера—отпускали их за выкуп. Так поступили, напр., во время Пелопонесской войны афиняне с жителями города Нисеи на острове Мегаре: по договору, заключенному при сдаче, каждый должен

---

[1]) Thukydid. III. 36. 50. 68. V. 32. 116. См. также Isocrates. Panegyrikos. 29.
[2]) Herodot. VII. 156.
[3]) Ibid. III. 39.
[4]) Xenophon. Hellenika. I. 2. 14.
[5]) Platon. Respubl. (Polit.) 469. B—C.
[6]) Thukydid. V. 3.

был выкупаться за определенную сумму [1]). У пелопонесцев, по словам Геродота, существовала даже определенная такса в 2 мины с человека. Такой выкуп и афиняне взяли с халкидиян, при чем десятую часть его пожертвовали на сооружение из бронзы колесницы с четверкой лошадей для храма Афины [2]). Во время войн с Филиппом Македонским взятые в плен афиняне освобождались за плату в размере от 3 до 5 мин с человека, а Димитрий Полиоркет заключил с жителями Родоса договор, согласно которому взятые в плен свободные люди выдаются за выкуп в 10 мин, а рабы за 5 мин [3]).

При таких условиях рабов-греков не могло быть много, тем более, что и продажа в рабство за долги была, по крайней мере, в Афинах, рано упразднена (отмена ее приписывается Сейсахтии Солона) [4]). Напротив, варвары, т. е. иностранцы, считались вполне пригодными для того, чтобы служить грекам в качестве рабов. «Эллинам прилично властвовать над варварами, а не варварам над эллинами,—говорит Еврипид,—потому что варвары рабы, а эллины свободные» [5]). Аристотель поясняет это изречение: «варвар и раб по природе своей одно и то же» [6]).

О том, что в Грецию привозились рабы-варвары—нам сообщают различные авторы—и Ксенофонт, у которого говорится, что люди, занимающиеся разными промыслами (приготовлением муки и хлеба, выделкой одежд), покупают варваров и заставляют их выполнять разные работы, и Демосфен, сообщающий, что от варваров рабы привозятся в Грецию[7]). Геродот рассказывает, что фракийцы продают своих детей в другие страны. Гермипп, цитируемый в сборнике Афинея, упоминает о Пафлагонии, специальностью которой является доставлять рабов в Афины. У Аристофана встречаются афинские стражники, именуемые скифами—рабы, привезенные преимущественно от скифов [8]). Это подтверждается и позднейшим историком—Страбоном. «Рабы, находившиеся в Афинах,—говорит он,—назывались либо по имени племен, к которым принадлежали, как-то: Лид, т. е. лидянин, или Сир, т. е. сириец, или же по именам, которые являлись общеупотребительными у соответствующих народов, как, напр.,

[1]) Thukydid. IV. 69.
[2]) Herodot. VI. 79. V. 77.
[3]) Polybios. VI. 58. Diodor. XX. 84, 6.
[4]) Plutarch. Solon. 15. Solon. V. 24.
[5]) Euripides. Iphigenia Aul. 1400.
[6]) Aristoteles. Polit. I. 1.
[7]) Xenophon. Memorab. II. 7, 6. Demosth. XXI. 48.
[8]) Herodot. V. 6. Athenaios. I. 27. Aristophan. Acharn. 54.

Манес или Мида—фригийцы, Тибий—пафлагонцы [1]). Следовательно, в Афинах имелись рабы из Лидии, Сирии, Фригии, Пафлагонии.

По словам Феопомпа, цитируемым Афинеем, впервые стали приобретать рабов жители Хиоса, чем—прибавляет Афиней—они вызвали гнев богов, и боги их покарали: как рассказывает Нимфодор Сиракузанский, рабы против них восстали и опустошили их города. При этом Феопомп подчеркивает, что еще раньше, чем на Хиосе, рабы существовали в Фессалии и Лакедемонии, но там это были покоренные народы (пенесты и илоты), здесь же купленные варвары [2]).

Торговля рабами в Греции вообще процветала. Паноний из Хиоса занимался этим промыслом, при чем оскоплял мальчиков и продавал их в Сардесе и Эфесе. «Жадные торговцы» из Фессалии производили эту торговлю «живыми душами» [3]). Из черноморских гаваней, куда кочевники доставляли рабов для продажи, известен был Танаид, из греческих—Делос, но уже раньше оживленная торговля рабами производилась в Афинах, где для продажи их существовали особые места на рынке (ряды—kykloi) и самая продажа производилась в определенные сроки—в начале каждого месяца (в новолуние) [4]).

О том, какую роль играли рабы в жизни греков, мы узнаем из «Характеров» Теофраста. Изображая типы различных людей, Теофраст каждый раз для характеристики того или иного типа считает нужным определить его отношение к рабам. Упоминается прежде всего о купле-продаже и об отдаче в наймы рабов. Тип, именуемый «всем недовольный», после долгих приставаний к продавцу, сумел дешево купить раба и все же потом заявляет: неужели же я купил дешево что-либо порядочное? Другой тип «алчный», совершая путешествие со знакомыми, пользуется их рабами, своего же он отдает в наймы, но полученную за него плату и не думает вносить в общую кассу. А когда раб приносит ему заработанные деньги медью, он этим еще не довольствуется, хочет большего, требует себе еще лаж (разницу по сравнению с серебром). У него находим и другие данные, касающиеся рабов. Раба бьют; присутствуя при этом, «бестактный» считает нужным рассказать, что один из его рабов повесился, когда его так наказывали. У Тео-

[1]) Strabo. Geographika. VII. 3, 12.
[2]) Athenaios. VI (Cap. 6). 265 C—E.
[3]) Herodot. VIII. 105. Aristophan. Plutos. 521.
[4]) Strabo. XI. 2, 3. XIV. 5, 2. Hesychios. Gloss. (s. v. kykloi). Aristoph. Equit. (Hipp). 43.

фраста раб повсюду сопровождает господина. «Недоверчивый» отличается тем, что приказывает сопровождающему его рабу итти не сзади, а спереди, чтобы следить за ним, а то он еще убежит по дороге. Раб отправляется с господином в театр, где «льстец» берет подушку у раба и подкладывает ее под сиденье патрона, в баню, где «алчный» заявляет, что принесенное рабом масло, якобы, негодное и мажется поэтому чужим маслом, в лавку, где «хвастун» накупает вещей на целых два таланта, а затем ругает раба, что он не взял денег с собой. Раб несет вещи господина—«алчный» наваливает на него такую ношу, что тот едва в состоянии ее снести, а кормит его из рук вон плохо. Раб отправляется с господином в плаванье, на войну. «Трусливый», находясь на море и опасаясь крушения судна, снимает с себя хитон и передает его рабу, очевидно, чтобы ему удобнее было плавать. Во время сражения он еще посылает раба предварительно посмотреть, где находится неприятель. Раб закупает продукты и заготовляет их на зиму, он же ведет счет расходам. «Недоверчивый» посылает раба за покупками на рынок, а вслед за ним отправляет еще и второго раба, чтобы тот выследил, сколько первый заплатил. «Медленный в разговорах и действиях» зимою, т. е. в самое неподходящее для заготовки овощей время, попрекает раба тем, что тот не купил огурцов. «Гордый», расчитываясь с кем-либо, велит рабу все подсчитать и занести итог, для себя самого он находит, очевидно, такого рода действия «неподходящими». Наконец, «алчный» доходит до того, что когда рабы его находят на улице несколько медных монет, то он считает возможным требовать и своей доли, прибавляя: дары Гермеса общи для всех, а «скряга» своей жене, к тому же принесшей ему приданое, не покупает рабыни, а нанимает лишь на рынке прислужницу для сопровождения ее—это считалось, очевидно, верхом бесстыдства [1]).

У Диона Хрисостома (Златоуста), автора позднейшего времени, один из собеседников доказывает другому, что он раб. В подтверждение этого первый ссылается на то, что его кормит его господин, что он сопровождает последнего, что он выполняет то, что тот приказывает, в случае же неповиновения, подвергается побоям [2]). Это, следовательно, характерные признаки раба. Прежде всего, как мы видели из Теофраста, раб всюду следует за своим господином.

[1]) Theophrast. Charakteres. II. 11. IV. 6. XII. 12. XIV. 9. XVII. 6. XVIII. 2, 8. XXII. 10. XXIII. 8. XXV. 2, 4. XXX. 7, 8, 15. 17.
[2]) Dio Chrysostom. XV. 18 (210). (О рабстве и свободе. II).

У Гомера только Пенелопа, Елена или Андромаха появляются в сопровождении рабынь, всегда двух «прекрасноволосых» служанок [1]), но отнюдь не простые люди. По словам Тимея (в сборнике Афинея), у локров владение рабами—Аристотель, утверждает он, на этот счет ошибается—недозволено законами, у фокеян же это разрешено лишь в самое последнее время, и впервые жена Филомела, завоевавшего Дельфы, имела двух следовавших за ней рабынь; это было в половине IV ст. [2]). Но в Афинах этот обычай установился, повидимому, гораздо раньше, ибо о нем идет речь уже у Аристофана, Ксенофонта и Платона. У первого раб, следующий за господином, является чем-то безусловно необходимым, ибо Проксагора, желая уничтожить неравенство, богатство и бедность, намерена устранить такое положение, когда у одного много земли, а у другого нет даже столько, сколько нужно для могилы, когда один владеет толпой рабов, а у другого нет даже одного сопровождающего его раба [3]). Но обычно выходили с гораздо большим количеством прислужников и прислужниц. У Ксенофонта хорошие флейтисты водят с собою большое число рабов, у Махона (в сборнике Афинея) гетера Гнатайнион, отправляясь во время панегирий в Пирей на свидание с каким-то иностранным купцом, берет с собой всего трех ослов, трех прислужниц и одну мамку, но такая свита названа очень небольшой [4]). Когда жена полководца Фокиона выходила в сопровождении всего одной рабыни, то это обращало на себя всеобщее внимание; в театре актер, исполнявший женскую роль, потребовал себе большую свиту, но ему напомнили об этом достопримечательном событии [5]). Демосфен, впрочем, порицает Майдия за то, что тот с тремя или четырьмя рабами расхаживает по рынку, а расточительность Аполлодора, сына известного банкира Пасиона, у него выражается в том, что тот имеет, на ряду с законной женой, двух куртизанок и что его повсюду сопровождают три молодых раба [6]).

На ряду с такой бесполезной растратой человеческих сил мы находим и производительный труд рабов в домашнем хозяйстве. Об этих работах постоянно упоминается у древних авторов. Наиболее подробно о них трактуется у Ксенофонта. Там читаем

[1]) Илиада. III. 143. XXII. 450. 461. Одиссея. XVI. 413.
[2]) Athen. VI (18). 264. C. D.
[3]) Aristophan. Ecclesiaz. 593.
[4]) Xenophon. Memorabil. VII. 2.
[5]) Plutarch. Phokion. 19.
[6]) Demosthen. Meidias. 157 сл. Phormion. 45.

о рабах, заведующих полевыми работами, стадами, кладовыми, о том, что одни слуги работают в доме, другие вне дома; они прядут шерсть, выделывают платье, заготовляют продукты; есть специальные рабы, посылаемые на рынок за покупками (agorastes). Из среды рабынь выбирается ключница, самая умеренная в смысле пищи, напитков и сна, а также в смысле мужчин, такая, которая сумела бы взыскивать за плохую работу с других рабов и которая обнаруживала бы услужливость и желание этим путем добиться милости своих господ [1]). Особенное внимание изображаемый Ксенофонтом Исхомах обращает на выбор подходящего управляющего (epitropos), который заведует полевыми работами. «Где ты достаешь нужных тебе приказчиков?—спрашивает собеседник Исхомаха, Сократ.—Разузнаешь ли ты, где имеется такой человек, и в случае надобности покупаешь его, вроде того, как ты приобретаешь плотников, или же ты сам стараешься создать нужных тебе людей». «Разумеется сам»,—отвечает Исхомах. К приказчику он пред'являет те же требования в смысле умеренности, как и к ключнице, и так же, как и в отношении последней, расчитывает на усердие с его стороны, «уделяя ему часть тех благ, которые ему самому даруют боги». Но кроме того, приказчик должен знать, как выполнять различные работы, иначе от него будет не больше пользы, чем от того врача, «который посещает больного и утром и вечером, но не знает, как его лечить». Наконец, приказчик должен уметь управлять прочими рабами, наказывая нерадивых и поощряя усердных, подобно тому, как «молодых щенков учат бегать кругом, прыгать и т. д., давая им то, чего они хотят, когда они слушаются, и раздавая удары, когда они не выполняют приказаний». Исхомах и сам содействует в этом приказчикам; верхнее платье (гиматион) и башмаки выделываются в его хозяйстве разных сортов, чтобы лучшие из них давать лишь наиболее усердным, ибо хорошие работники перестанут ревностно работать, если увидят, что одинаково с ними вознаграждаются те, которые не желают так же хорошо трудиться. Но, конечно, Исхомах признает, что для того, чтобы всему этому научить других, надо все это знать и понимать самому, для неумелого же хозяина это невозможно,—это все равно, что самому не уметь играть, а других обучать музыке.

«Экономика» Ксенофонта рисует нам роль рабов и отношение к ним в благоустроенном хозяйстве. На них возложены все работы,

[1]) Xenophon. Memorabil. I. 5, 2. Oekonom. VII. 6. 35—36. VIII. 22. IX. 11—13

как и самое управление хозяйством, хотя во главе последнего стоит сам хозяин, обучающий их, поощряющий, желающий внушить им доверие к себе. «Мы приучали ее (ключницу) иметь в виду наши интересы, участвовать в наших радостях и горестях». Об'ясняя своей жене ее обязанности, Исхомах прибавляет, что одна из этих обязанностей, быть может, покажется ей неприятной— в случае болезни кого-либо из слуг необходимо позаботиться об уходе за ним. «Клянусь Зевсом,—отвечает жена—для меня это будет самая приятная обязанность, особенно если за этот уход они будут платить мне признательностью и преданностью»[1]). Рабы являются здесь членами семьи, отношение между ними и хозяевами покоится на взаимном доверии, на доброжелательных чувствах.

Но вот и другая картина в дополнение к первой. У Диона Хрисостома изображен известный киник Диоген, по дороге из Коринфа в Афины встречающий знакомого, у которого бежал сопровождавший его раб. Диоген выспрашивает этого знакомого, «подобно врачу, который хочет дать больному совет»,—выспрашивает его с пристрастием. Тот жалуется: он ничего дурного не сделал рабу, жилось рабу у него хорошо, и раб все же оказался столь дурным. Диоген как будто только и ждал этого.—Что же—набрасывается он на своего собеседника—признавая его дурным, ты отыскиваешь его, очевидно, для того, чтобы он наносил тебе ущерб. Станет ли кто-нибудь разыскивать плохую собаку, если она сбежала? Напротив, ее еще прогоняют, если она возвращается. А тут люди, вместо того, чтобы быть довольными, что они освободились от дурного человека, еще несчастны, обращаются к другим за помощью, совершают сами путешествия, тратят много денег, чтобы словить его. Между тем, кто приносит больше вреда, злые собаки или дурные люди?—Собеседник смущенно отвечает на это, что Диоген, конечно, прав, но, что ему трудно отказаться от чувства мести по отношению к человеку, который без всякого основания его покинул, никаких рабских обязанностей не выполнял, а жил у него в доме, не работая и только сопровождал его повсюду.—Прекрасно—возмущается Диоген—значит ты ему не причинил никакого зла, когда держал его в доме, ничему не обучал и не давал работы, и превращал его в настоящего бездельника. Быть может, ты думаешь, что портить человека есть небольшое

[1]) Xenophon. Oikon. VII. 37. IX. 12. XII. 3. 6—7. 13—18. XIII. 8 сл. XIV. 2 сл.

зло, и что он не должен избегать тебя как своего величайшего и опаснейшего врага?

— Но что мне делать?—спрашивает собеседник,—у меня нет другого слуги.—А что бы ты сделал, если бы у тебя не было сапог, а те, которые ты имеешь, тебе жали бы ногу и натирали ее до боли? Разве ты не снял бы их немедленно и не ходил бы босиком? А если бы они сами спали с ноги, разве ты вновь прикрепил бы их и зашнуровал бы ногу? Подобно тому, как часто легче ходить без сапог, чем в плохих сапогах, так многие удобнее и приятнее живут без слуг, чем те, у кого имеется их целая куча. Разве ты не видишь, сколько неудобств причиняют богачам их рабы? Одному приходится ухаживать за ними во время болезни и для этого нужны врачи и сиделки, ибо сами они большей частью легкомысленны и относятся к своему здоровью безразлично, отчасти из-за невоздержности, отчасти потому, что думают, если с ними что-либо случится, то это нанесет вред не им самим, а их господину; другим приходится их ежедневно наказывать или связывать, приходится гнаться за ними, когда они бежали... Теперь тебе нужно добывать пропитание только для одного человека, а не для двух, как прежде, и тебе приходится заботиться только о своем здоровьи, а не ухаживать еще за другим, если он заболеет. Когда ты уезжаешь из дому, тебе не нужно бояться того, что он у тебя что-нибудь похитит, а когда ты спишь, тебе нечего опасаться, что бодрствующий раб причинит тебе какое-нибудь зло... Если у тебя есть жена, то она прежде не заботилась о тебе, ибо она видела, что в доме есть слуга... Теперь она и сама не будет ходить без дела и будет лучше заботиться о тебе.

— Но я беден, Диоген—молит он о пощаде,—и если бы оказалось, что его не следует держать, я мог бы его продать. —Диоген еще более возмущен.—Неужели же тебе не стыдно обмануть покупателя, всучая ему плохой товар? Допустим, обман удастся и тот не заметит, что это негодный человек—у тебя ведь будут новые заботы, что делать с вырученными деньгами? Ты купишь, пожалуй, другого, который окажется еще хуже, если нападешь на продавца, который еще бессовестнее тебя.

Противник совершенно разбит и уничтожен.

В результате владелец раба доведен до того, что он уже готов отказаться от него, разве, что тот сам попадется ему в руки. Но и это решение отнюдь не удовлетворяет Диогена.—Именем Зевса,—восклицает он—это все равно, как если бы ты сказал: лошадь, которая кусается и бьет копытами, я не буду искать, но если я

найду ее, то пускай она меня кусает и бьет.—Собеседник совершенно сдается и готов бросить всякую мысль о рабе [1]).

Из этого диалога, в котором выражается отрицательное отношение к рабству у Диогена, одного из немногих противников этого института в Греции, узнаем, что в греческом доме не все обстояло так гладко и благополучно, как может показаться при чтении Ксенофонта и описываемого им хозяйства Исхомаха. Рабы покидали своих господ, спасаясь от них бегством, их приходилось преследовать и для этой цели совершать путешествия, обращаться к друзьям, жившим в других местах, за помощью по розысканию беглых. Мы знаем из Лукиана, что о таких беглых рабах об'являлось на рынке при помощи надписи на доске или устного оповещения, при чем за доставку беглецов нередко обещали награду. Имелись и особые лица, которые этими оповещениями на рынке занимались [2]), а в эпоху Александра Македонского некий Антиген из Родоса даже учредил страхование владельцев от побега рабов, при чем ему уплачивалось 8 драхм за каждого раба, и в случае бегства раба, он обязывался вернуть его или возместить стоимость; но затея его оказалась обманом, ибо он положил деньги в карман и своих обязательств не выполнил [3]).

Из приведенных цитат видно и другое—видно, что отношение между господином и его рабами было далеко не всегда хорошее, и первому приходилось опасаться насилий со стороны последних, что самое лечение их не только вытекало из человеколюбия, как это может показаться из приведенных слов Исхомаха и в особенности его жены, но являлось нередко просто последствием желания сохранить их жизнь и трудоспособность как рабочей силы, наконец, что рабов иногда жестоко наказывали, подвергая их побоям и держанию в оковах. О последнем, как и о клеймении их (stigmatia, клейменный—estigmenos), мы узнаем и из других источников [4]).

О том, как плохо приходилось нередко рабам, поучает нас в одной из своих сценок (мим) Геронд, автор III ст. до Р. Х. В сценке «Ревнивая» героиня, нервная, страстная, неспособная себя сдерживать женщина, Битинна, питающая страсть к своему любовнику—рабу Гастрону, воспылала сильнейшим гневом, подо-

---

[1]) Dio Chrysostom. X. 9–16 (Диоген или о слугах). 143—47.
[2]) Dio Chrysostom. VII (Euboeikos) 123 (123).
[3]) См. Becker-Göll. Charikles I. 3 5. III. 43.
[4]) Diphilos y Athenaios. VI (2). 225 B. Aristhophan. Aves (Ornith.) 760.

зревая его в измене. Она ему высказывает это прямо и резко в лицо и его оправдания только еще больше раздражают ее. Она зовет другого раба Пиррия и приказывает ему связать Гастрона, отвести его и дать ему тысячу ударов по спине и столько же по животу. Несчастный пытается действовать другим способом—он готов признать свою вину и просить о пощаде: «я человек, погрешил, но прости на этот раз, если я еще раз это повторю, то можешь делать со мной, что угодно». Слуги медлят исполнить приказание, надеясь на благополучный исход. Но Битинна непоколебима, она повторяет свое распоряжение и требует выполнения его в точности, иначе Пиррий сам «заплатит капиталом с процентами»,—«чтобы Гастрон чувствовал, что он раб; я за него заплатила три мины, будь проклят тот день». Гастрона уводят. Но едва это совершилось, как Битинна меняет свое решение и посылает служанку вернуть Гастрона. Однако, гнев ее вовсе не сменился милостью—она желает изменить наказание, даже усилить его—наложить ему клеймо на лбу, как беглому. Служанка Кидилла все же надеется вымолить ему пощаду—она молит Битинну именем ее дочери и будущих внуков. Сначала Битинна непоколебима,—«не раздражайте меня, а то я убегу из дому. Ведь всякая женщина могла бы после этого плевать мне в лицо». Но, повидимому, гнев ее прошел, ибо достаточно Кидилле напомнить, что сегодня праздник—и страшный приказ отменяется; это напоминание являлось, очевидно, лишь поводом. Хотя Битинна и намекает Гастрону, что после праздника наступит и его праздник, т. е. наказание лишь отложено, но, повидимому, это лишь слова—буря пронеслась, хотя человеческая жизнь висела на волоске.

Вот еще пример жестокого обращения с рабами. Диоген Лаертий рассказывает о философе кинике Бионе из Борисфена, что на вопрос Антигона, кто он, откуда, где и кем рожден, он ответил весьма цинично следующее: «Мой отец был вольноотпущенник, который нос обтирал локтем (желая указать на то, что он торговал соленой рыбой), лица у него не было, а только надпись на лице, знак жестокости его господина, моя мать была женщиной достойной такого человека—из публичного дома. За утайку таможенных сборов отец со своей семьей был продан в рабство, меня купил один оратор, так как я был красивый молодой человек, и после смерти оставил мне все свое состояние; я сжег все его сочинения, отправился в Афины и стал философом» [1]).

[1]) Diogenes Laertios. IV. 46–47. (IV. 7, 1).

Напротив, Платон считает правильным не позволять себе ничего дурного по отношению к рабам, не обижать их: именно в отношениях к людям, которых может всякий обидеть, выражается истинная справедливость. Но в то же время, он допускает наказания для рабов—не следует ограничиваться одними увещаниями, как по отношению к людям свободным. Словом, он придерживается принципа—строгость, но справедливость [1]).

В том же сочинении Диогена Лаертия о жизни и учениях известных философов находим оставленные ими духовные завещания, в которых они распоряжаются на ряду с прочим имуществом и своими рабами. Получается представление о том, каково было обычное число рабов у греков. Платон в своем завещании определяет: «Артемиду освобождаю, Тихона, Биктаса, Аполлониада, Диониса—оставляю рабами». В завещании Аристотеля читаем следующее. Дочь его должна получить талант серебра и трех рабынь, а если она пожелает, то и девочку, которая у нее находится, и мальчика Пиррея. Амбракасу даруется свобода, равным образом Тахону, когда его дочь будет выдана замуж, а также Филону и Олимпию и его сыну. Ни один из прислуживавших завещателю мальчиков не подлежит продаже, а следует пользоваться их трудом, когда же они станут старше, то, сообразно заслугам, дать им свободу. Упоминается еще об одной рабыне. Имеется, следовательно, помимо детей (число их неизвестно) четверо женщин и четверо мужчин—последние все получают свободу. В завещании Теофраста идет речь о восьми рабах-мужчинах и одной женщине, при чем из первых трое немедленно освобождаются, а двое, проработав еще четыре года, если за ними не окажется никакой вины, один подлежит продаже, прочие переходят к наследникам. «Помпилу же и Фрептасу, которые уже давно освобождены, и которые нам принесли много пользы, остается все, что они от нас получили, или сами приобрели, вместе с теми 2.000 драхм, которые я теперь поручаю Гиппарху им выплатить. О том, чтобы после нашей смерти с храмом, памятниками, садами, галлереей было поступлено так, как указано в завещании, должен заботиться Помпил, живущий там, и он должен за всем этим смотреть, как до сих пор: содержать его должны владельцы». Стратон дарует свободу четырем рабам; одного взрослого раба и двух мальчиков оставляет наследниками, впрочем, мальчиков могло быть и больше. У Ликона имелось двенадцать рабов, десять мужчин

---

[1]) Platon. Leges (Nomoi). 777 D. E.

и две женщины, из них только одна рабыня не получает свободы. «Из моих слуг—читаем в завещании—уже давно отпущенный на волю Деметрий освобождается от уплаты выкупа, кроме того, я завещаю ему 5 мин, одно верхнее и одно нижнее платье, чтобы он мог жить хорошо,—много он натерпелся у меня. Кархедонянина Критона также освобождаю от выкупа и даю ему 4 мины. Микроса освобождаю, Ликон должен еще 6 лет содержать и обучать его. Хариса освобождаю, Ликон обязан его кормить, ему даю две мины и свои книги. Вольноотпущенник Сирос получает 4 мины и Менодору и освобождается от суммы, которую он мне должен. Отпускаю на свободу также мать Микроса, а по истечении двух лет службы, также Ноемона, Диона, Феона, Евфранора и Агафона, а носильщика (паланкина) Офелиона и Посидониона через четыре года». Наконец, Эпикур освобождает 4 рабов (из них одну женщину), но сколько их всего было у него, неизвестно [1]).

Платон в виде примера приводит человека, имеющего 50 и более слуг. В городе такому человеку нечего опасаться своих многочисленных рабов, ибо он находится под охраной законов, но если бы, предположим, кто-либо из богов переселил его вместе со слугами в пустыню, то ему пришлось бы опасаться за свою жизнь и по этой причине заискивать перед ними и льстить им [2]). Мы не знаем, является ли этот пример реальным, или же Платон берет особенно большое количество рабов, чтобы показать, какие благодеяния доставляет государство. Из всех приведенных выше примеров видно, что в действительности число их было несравненно меньше.

В приведенных завещаниях обнаруживаются столь же теплые отношения к рабам, как в хозяйстве Исхомаха. Душеприказчику дается распоряжение содержать и обучать рабов, им оставлено наследство, они отпускаются на свободу без выкупа, им прощаются долги. Таким образом рабы находятся на положении членов семьи; с ними хотя и обращаются нередко весьма жестоко, как, впрочем, и с прочими домочадцами, но все же между ними и господами нет еще резкой отделяющей их пропасти. Даже история с Битинной и ее любовником-рабом, при всей жестокости госпожи, все же свидетельствует о близости между господами и рабами; чувства, вызываемые ревностью к рабу, говорят лишь в пользу этого.

[1]) Diogen. Laert. III. 42. V (1), 13—15. (2), 51—55. (3), 62—63. (4), 72—73 X. 21.

[2]) Platon. Polit. 578. E. 579. A.

Раб во всяком случае еще не стал товаром, объектом производственной эксплоатации. Он товар для работорговца, но не для покупателя. Покупатель использует раба для личных услуг или для работ в домашнем (натуральном) хозяйстве, но не для промысла. О последнем ни у одного из приведенных авторов нет речи. Да и самое число рабов—как мы видим—весьма невелико. Обычно, повидимому, афинянин имел одного, много двух рабов, но и при значительном богатстве число их не превышало, как мы видим, нескольких человек.

Из тех же данных мы можем усмотреть, что рабам не трудно было приобрести свободу—и в этом отношении, следовательно, не было резкой грани между ними и свободными греками.

Освобождение рабов совершалось обыкновенно публично, в особенности в храмах, где и составлялся договор о правах и обязанностях сторон. Из надписей мы можем усмотреть, что рабы передаются богу, что означало освобождение их. В одних случаях владелец посвящал своего раба божеству и освобождал его от всякой иной власти, а чтобы это постановление имело силу, раб отдавался на будущее время под покровительство жрецов, которые обязаны были наказывать за всякое покушение на его свободу. Такая форма посвящения встречается в надписях храмов Сераписа в Орхомене, Афины в Давлисе, Асклепия в Стирисе и др. [1]). Другая форма состояла в акте торжественной продажи раба, в силу которого право на него передавалось божеству, на основании уплаты известной суммы, которая являлась выкупом. Фукар и Вешер открыли около 500 надписей в Дельфах, в которых упоминается такая продажа. Среди освобожденных (исключая детей) оказывается 282 женщины и всего 178 мужчин [2]). То представление, которое получается на основании приведенных духовных завещаний о сильном преобладании мужского пола над женским, оказывается, таким образом, неправильным. Приходится исходить, повидимому, скорее из обратного предположения, хотя определенно установить что-либо в этом отношении не представляется возможным, действительного распределения рабов по полу мы все-таки не знаем.

Из надписей видно, с какими формальностями совершался акт продажи (отпущения на волю)—они должны были гарантиро-

[1]) B. C. H. (Bulletin de Correspondance Hellenique). 1884. 53 Brit. Mus. Inscr. № 139. 306—14. См. Foucart. s. v. Apeleutheroi (Daremberg-Saglio. Dictionn. des antiquitès etc. I).

[2]) Wescher-Foucart. Inscriptions requeillies à Delphes. 1863. Foucart Memoire sur l'affranchissement des esclaves par forme de vente à une divinité. 1867.

вать ему свободу. Хозяина раба, являвшегося вместе с последним, встречали в храме два жреца и в присутствии сенаторов и свидетелей вручали ему выкуп. Продавец доставлял одного или нескольких поручителей, которые гарантировали действительность сделки и обязывались охранять раба от всякого, кто попытался бы лишить его свободы. В случае невыполнения этой обязанности продавцом или его поручителями, против них мог быть возбужден иск от имени божества, и они могли быть присуждены к пене, равной полуторному размеру выкупной суммы. Акт продажи, засвидетельствованный жрецами, сенаторами и иными свидетелями, передавался на хранение одному из граждан, указанному в самом акте, а копия вырезывалась на стене храма. Это давало право, как рабу, так и тем, кого он призовет на помощь, силой противодействовать всякому покушению на свободу раба—божество им предоставляло это право. Но в то же время, давая рабу свободу, прежний хозяин сохранял за собой право пользоваться его услугами в течение известного количества лет или даже во время всей жизни. Вольноотпущенник, следовательно, не получал полной свободы—прежний владелец мог его карать за непослушание, хотя и не мог продать его третьему лицу.

В других надписях, найденных в Дельфах Оссулье, как и в надписях, обнаруженных Вешером и Фукаром, нередко точно указаны обязанности вольноотпущенника. В одном случае он обязан сопровождать своего бывшего хозяина во время его путешествия в Египет, в другом—воспитать двоих детей, в третьем—будучи прежде рабом врача, помогать последнему и впредь в течение 5 лет при исполнении им своей профессии. Наиболее же часто встречается обязанность вольноотпущенника заботиться о своем патроне на старости и устроить ему достойное погребение. Вольноотпущенник может, впрочем, отказаться служить патрону до истечения установленного срока, но в этом случае обязан найти себе заместителя или купить себе свободу уплатой дополнительной суммы. Обычно имеется и исключительное право патрона на наследство вольноотпущенника, а иногда и его детей, если они не оставят после себя потомства. В виду возможных споров по поводу выполнения договора, устанавливается суд или третейские судьи, к которым стороны могут обратиться [1]).

[1]) B. C. H. V. p. 406 сл. См. также Reinach-Newton. Traité d'épigraphie grecque 1885. p. 117 сл.

Связь между рабом и господином, таким образом, и при освобождении раба не прекращалась—он не выходил вполне из состава семьи, вольноотпущенник продолжал находиться попрежнему под покровительством своего бывшего господина.

Эти патриархальные отношения между хозяином и рабом должны были исчезнуть с нарождением крупной промышленности, когда раб превращался в объект наживы, когда взгляд на него как на полезного помощника, хотя и не родного по крови, сменялся взглядом на него, как на рабочую силу, предназначенную для возможно большей, совершенно бесконтрольной, эксплоатации. При этих условиях менялось отношение к рабу, создавалась все более и более глубокая социальная пропасть между свободными и рабами.

Однако, история Греции этого второго фазиса в истории рабства в чистом его виде, повидимому, не знала, ибо—как мы увидим ниже—именно существование крупных предприятий, работающих для широкого рынка, ничем не доказано. Первые шаги в смысле развития рабства в указанном направлении, конечно, делались. На ряду с множеством мелких ремесленных и крестьянских хозяйств, обходившихся без всякого рабского труда, вероятно, наиболее многочисленных, имелись и такие, которые пользовались рабочей силой рабов, но это были все же в огромном большинстве случаев ремесленники и крестьяне, т. е., мелкие производители, прилагавшие свой труд и лишь в дополнение к этому эксплоатировавшие и своих немногих рабов для тех же производственных целей. Взаимоотношений, построенных на голой эксплоатации и взгляда на раба, как на товар, при таких условиях по общему правилу еще возникнуть не могло.

До сих пор речь шла о покупных рабах, главным образом, варварах. Им древние противополагают другое несвободное население, потомков покоренных племен. Последние попрежнему сидят на земле, обязаны доставлять своим новым господам известную часть жатвы, но в то же время не подлежат продаже за пределы страны, во многих случаях составляют собственность государства, а не частных лиц. Современные исследователи приравнивают их нередко к крепостным.

Так, в сборнике Афинея приводится из Посидония, что мариандины (на острове Крите) покорены гераклеотами и обязались служить им вечно, под условием, что победители будут снабжать их всем, необходимым для жизни, и не будут продавать их за пре-

делы Гераклеи. По словам Эфора, на острове Крите имелись несвободные под именем клеротов, название (kleros—жребий) происходит от того, что распределение их производилось по жребию. Эфор же рассказывает для характеристики положения этих клеротов, что в Кидонии, на основании старинных законов и обычаев, существовало празднество, к которому с самого основания государства свободные не допускались, и что свобода этих рабов была столь велика, что они позволяли себе даже бить свободных. Эти клероты, по Каллистрату (у того же Афинея), покорены во время войны и поселены на земельных участках. Сосикрат (так же у Афинея) отличает от этих клеротов или амфамиотов (покоренных земледельцев, принадлежащих частным лицам) другой вид рабства на Крите, именуемый «mnoia», при котором рабы составляют собственность государства.

У Афинея сообщаются и взгляды Досиада, Феопомпа, Филократа и Архемаха относительно несвободного населения Фессалии, именуемого пенестами. И пенесты «не были от природы и от рождения рабами», и они подчинились победителям, под условием, что они не могут быть убиты господином и не подлежат вывозу за пределы страны; они обязуются обрабатывать землю своего хозяина и доставлять ему ежегодно доход. Архемах к этому прибавляет, что пенесты прежде именовались менестами (Афиней это слово выводит от «manedo», равнозначущее средневековой manus mortua) и что многие из них впоследствии были богаче своих господ [1]).

Этими данными из известного сборника Афинея, усердно делавшего выписки из всевозможных древних авторов, в сущности исчерпывается почти все, что нам известно, если не считать сообщений некоторых авторов позднейшего времени (Страбона, Поллукса) о положении этой категории несвободного населения в различных частях Греции. Больше материала находим относительно несвободных в Лакедемонии илотов (heilotes), название которых одни производят от города Гелоса, другие от «helein» (т. е. взятые в плен), третьи от «helos» (болото)—жители болотистых низменностей Еврота. Страбон так рассказывает о положении илотов. Гелеи, владевшие городом Гелом, подняли восстание и были побеждены и объявлены рабами, причем, однако, господин не мог ни освободить такого раба, ни продать его за пределы Лаконии. Илоты—прибавляет он—являлись общественными рабами, им были отведены особые жилища

[1]) Athen. VI (18). 263. D-F. 264. A—B.

и назначены специальные занятия [1]). Поллукс изображает их положение словами: «среднее место между свободными и рабами занимают илоты в Лакедемонии», а Павсаний называет их «duloi tu koinu» [2]), т. е. общими рабами, принадлежащими государству, а не отдельным лицам. Этим и объяснялось их посредствующее положение—формально они рабами в полном смысле не были, в действительности же положение их было рабское, ибо, по словам Плутарха, тот, кто утверждает, что в Спарте свободные пользуются высшей мерой свободы, рабы же находятся в полном рабстве, правильно определяет существо дела—тяжелое положение илотов в Лакедемонии. Впрочем бесчеловечное отношение к рабам, по мнению того же Плутарха, установилось не с самого начала, а лишь со времени сильного землетрясения, во время которого илоты восстали, говорят, вместе с мессенцами, в конец разорили страну и довели государство до гибели. Жестокость Плутарх усматривает в обычае, именуемом krypteia—время от времени спартанское правительство посылало за город молодых людей, которые днем скрывались, ночью же выходили на дорогу и убивали попадавшихся им илотов, часто умерщвляя самых сильных и здоровых из них. Плутарх далее цитирует слова Аристотеля, что эфоры при вступлении своем в должность объявляют илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не совершая преступления. Он же приводит случай, сообщаемый Фукидидом, когда спартанцы во время Пелопонесской войны выбрали самых храбрых из илотов, надели им на голову венки, как бы желая отпустить их на волю, и водили их по храмам, а вскоре после этого все эти илоты, в числе свыше двух тысяч, бесследно исчезли—были истреблены [3]). Из Фукидида, как и из Ксенофонта, мы узнаем, что лакедомоняне, вообще, не доверяли илотам; при заключении союза с афинянами в 421 г. последние обязуются, в случае восстания рабов, всячески оказывать помощь спартанцам. В заговоре царя Павсания во время Пелопонесской войны участвовали илоты, которым он обещал свободу и права граждан, если они помогут ему произвести переворот. Заговору Кинадона (вскоре после Пелопонесской войны) сочувствовали и все илоты и неполноправные граждане, периеки; по рассказам доносчика, они так отзывались о спартиатах, что казалось бы готовы были бы съесть их живыми [4]).

[1]) Strabo. VIII. 54.
[2]) Pollux. Onomastikon. III. 83. Pausanias. Periegesis. III. 20.
[3]) Plutarch. Vitae. Lykurgos. 27—28. Aristot. Polit. Thukydid. IV. 80.
[4]) Thukydid. V. 23. I.. 132. Xenophon. Hellenika. III. 3,6.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сельское хозяйство [1]).

I.

Песнопения древнейшей Эллады, известные нам под собирательным именем Гомера, эти песни, звучавшие повсюду, где раздавался эллинский язык и об'единявшие незримыми нитями греков в одно культурное целое,—они дают и экономисту ответ на первый встающий пред ним вопрос: кем были древнейшие эллины, скотоводами или земледельцами? К шедеврам поэзии всех времен и народов принадлежит знаменитый щит Ахиллеса, который поэт создает пред нами, выделывает тут же на наших глазах. Раскопки показали, что такого щита никогда не было, но певец комбинировал живую фантазию с пластическими изображениями, которые он видел, напр., на стенах храмов или дворцов, а главное взял их — это особенно ценно для нас — из действительности, из реальной жизни. И на поставленный нами вопрос эта жизнь отве-

[1]) Литература. Wiskemann. Die antike Landwirtschaft und das von Thuenensche Gesetz. 1859. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Altertume. 1869 (B. I, 1. B. II, 2). Blümner. Die griechischen Privataltertümer. 3. Aufl. 1882. §§ 15--16. (Hermann. Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. IV). Wachsmuth. Die Stadt Athen im Altertum. B. II. 1890. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien. 6 Aufl. von Schrader. 1894. Koch. Die Bäume und Sfräucher des alten Griechenlands. 2. A. 1884. Keller. Tiere des klassischen Altertums in kulturhistorischer Beziehung. 1887. Neumann-Partsch. Physikalische Geographie von Griechenland mit besonderer Rücksicht auf das Altertum. 1885. (Cap. V). Sorlin-Dorigny. s. v. Rustica res. (Daremberg-Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. IV, 2. 1909). Olck. s. V. Ackerbau (Pauly-Wissowa. Realencyclopädie der klass. Altertumswiss). Его же. s. v. Dünger (там же).

чает:—скотоводство и земледелие существовали одновременно, уже древнейшие эллины знали и то и другое.

Дальше представил он стадо большое быков крутрогих.
Он их из золота чистого и частью из олова сделал —
С громким мычаньем коровы из хлева стремились на выгон
Подле реки звонкоструйной, вблизи камышей шелестящих.
Четверо шло золотых пастухов, провожая то стадо.
Девять за ними вослед бежало собак резвоногих...
Далее славный Гефест хромоногий представил обширный
Пастбищный луг средь долины и стадо овец белорунных
Вместе с загоном и хлевом и крытыми к ним шалашами...
Дальше он тучный участок разрыхленной нови представил,
Трижды распаханный плугом, обширный. И пахарей много,
Идя по всем направленьям, ярёмными правят волами...
Дальше представил он ниву с обильной, высокою жатвой.
Всюду жнецы там стояли и острыми жали серпами.
На земь в огромном числе полосами ложатся колосья, -
Сзади вязальщики крепко в снопы их соломою вяжут.
Трое вязальщиков стали поодаль от прочих. За ними
Дети сбирают колосья, чредою подносят в охапках
И подают торопливо. Перед бороздою хозяин,
Радуясь сердцем, безмолвный, стоит, опираясь на посох.
Дальше из золота сделал он дивный большой виноградник,
Сладким плодом отягченный; висели в нем черные гроздья,
Ветви держались кругом на серебряных длинных подпорах [1]).

Здесь, с одной стороны—стада быков и овец, хлева, выгоны, пастухи, собаки, а с другой стороны — пахари с волами, жнецы и сноповязальщики, виноградник и виноградари. Следовательно, скотоводство не предшествовало земледелию, как еще недавно утверждали. Илиада и Одиссея относятся ведь к древнейшей эпохе X—VIII ст., и Илиада (в главных частях своих) старше Одиссеи. И то и другое развивалось одновременно.

У Гомера сплошь и рядом герои сами же пасут стада. От Анхиза, «берегшего стада», Афродита родила Энея, которого Ахилл «отогнал от стада». Тот же Ахилл взял в плен сыновей Приама Иса и Антифа, «пасших овец на прогалинах Иды». Сын Лаомедона Вуколион с «Нимфою, пастухом находясь близ овец, сочетался» [2]).

Поэт любовно изображает богатство своих «богоравных» героев, постоянно подчеркивая обилие у них скота. Тиэст, «овцами богатый», Имбрий, «конями богатый», люди, «быками богатые» [3]). Имущество Одиссея состоит на континенте из 12 стад быков и по 12 стад овец, свиней и коз; на Итаке находится 11 стад коз и 12 стад свиней [4]). Но родина Одиссея — скалистый остров Итака

[1]) Илиада. XVIII. 541—43. 550—57. 573—78. 587—89. 561—63.
[2]) Там же. V. 313. XX. 188. XI. 106. VI. 25.
[3]) Там же. II. 106. XIII. 171. IX. 154.
[4]) Одиссея. XIV. 13. 100—05.

бедна почвой, богатство его сводится к одному скоту. Напротив, Тидей, отец Диомеда, владеет в Аргосе не только стадами, но и «обширным участком тучной земли, окруженной густыми рядами деревьев». Сарпедон обращается к Главку:

Мы отчего подле Ксанфа богатым владеем наделом,
И виноградником славным, и пашней, ячмень приносящей.

Этолийские старцы обещают Мелеагру

Лучший участок земли, они выбрать ему разрешили
Мер в пятьдесят, позволяя одну половину нарезать
Средь виноградных садов, а другую средь пахоти цельной.

Ахиллес спрашивает Энея:

Или участок земли, и садами и пашней богатый,
Больший, чем прочим, тебе отведут во владенье троянцы,
Если меня умертвишь? [1]).

Во всех этих случаях имеется только пашня и виноградник, о стадах ничего не говорится. Наконец, тот же Ахилл, упрекая в «безстыдстве» Агамемнона—того, «кто по наглости взора похож на собаку», рассказывает, что пред ним троянцы ни в чем неповинны: «не отгоняли моего табуна или стада, также посевов моих не топтали они в плодородной Фтии» [2]). Он владел, следовательно, и стадами и пахотями — захват первых и уничтожение вторых являлись, как мы видим, причиною войн в те времена.

Герои Гомера обильно заклинают богам быков (гекатомба значит сто—быков) и овец, но при этом не забывают и себя; только «жирные бедра быков сожигают громовержцу Зевесу», мясо же они «рассекают» для себя. Женихи «беззаконные» Пенелопы усердно «убавляют, пируя», стада Одиссея; им ежедневно доставляется жирнейший боров и лучшая коза, но из этого, конечно, еще не следует, что и масса населения питалась мясом — вопрос об этом остается открытым [3]).

На старинных сосудах еще до-гомеровской эпохи изображена «охота на дикого быка» и тут же «бык побежденный и прирученный». Роль он играл большую в домашнем хозяйстве и в обмене. Пашущий бык (bus aroter) часто встречается; у Гезиода, дом, жена и бык составляют основу хозяйства [4]). При отсутствии собствен-

[1]) Илиада. XIV. 122. XII. 313. IX. 578. XX. 184. I. 154
[2]) Там же. I. 154—56.
[3]) Илиада. XI. 773. 776. Одиссея. XIV. 19. 106. 108.
[4]) Hesiod. Opera et dies (Erga kai Hemerai. 405.

ного быка приходится обращаться к соседу, но можно получить и отказ:

Слово не трудно сказать: «одолжи мне волов и телегу»,
Но и ответить не трудно: «волы мои заняты делом» [1]).

«He hamaxa ton bun», телега везет быка—гласит поговорка, т. е. вверх ногами. Бык в качестве помощника человека в трудах его так же неуязвим, как и последний. «Не трогай пашущего быка» — изречение Пифагора; быка, тащущего плуг, нельзя приносить в жертву, ибо и он земледелец и разделяет труды человека [2]).

Но большую роль бык играл и в обмене. За вино, привезенное из Лемноса, греки платят у Гомера «кто железом, кто яркою медью, кто же бычачьими шкурами, кто и самими быками». Ифидамас уплачивает за жену 100 быков и обещает ей еще 1.000 коз и овец. Взятый Ахиллом в плен, сын Приама Ликаон освобождается за 100 быков от продажи в рабство и возвращается обратно в Трою. Так что быки служат платой за товары, они являются брачным даром, они же и выкупом. Но быки и мерило ценности—к числу их сводится всякий иной предмет, как к чему-то определенному, установленному, как к общему знаменателю.

Разум в то время похитил Зевес олимпиец у Главка,
Ибо оружьем своим поменялся он с сыном Тидея,
Дал золотое и медное взял, сто быков дал за девять [3]).

С волом разделяет труды мул — «полуосел» (hemionos), как его называли; на его спину взваливают поклажу; царевну Навзикаю «везут крепконогие мулы», и мулам даже, «глубокую новь подымая плугом тяжелым, всегда пред волами дают предпочтенье». Мул именуется «жителем гор» (oreus или ureus), и, действительно, он, «по тропинке крутой ниспускаясь, тащит с вершины гор иль брус корабельный иль балку»; нарубив на горах «густоверхие дубы», воины взвалили их мулам на спины, и животные, «меряя землю ногами, чащей кустов пробирались, желая вернуться в долину». Приам, отправляясь с выкупом к Ахиллу, впрягает в повозку мулов твердокопытных [4]). Впоследствии, как сообщает (в V ст.) Пиндар, мулу оказан большой почет допущением его на олимпий-

[1]) Hesiod. Opera. 453. (Пер. Ф. Ф. Зелинского, изд. Огни).
[2]) Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere. p. 39.
[3]) Илиада. VI. 234—36. VII. 473—74. XI. 244—45. XXI. 79.
[4]) Илиада. XXIII. 14. XVII. 742. Одиссея VII. 2

ские игры. Пиндар слагает оду в честь Псаумиса, победителя в беге колесниц, запряженных мулами [1]).

Напротив, осел, повидимому, первоначально отсутствует. Гомер упоминает о нем лишь один единственный раз, да и то в сравнении «громадного роста» Аякса, которого «копьями гнали» троянцы, подобно тому, как дети прогоняют осла, «когда он уже насытился пищей»:

Точно беспечный осел, проходя близ засеянной пашни,
Сходит с дороги и щиплет зеленый посев, не взирая
На понуканья детей, что колотят его, окружая,
Палки ломают на нем—но ничтожны их детские силы [2]).

Но из этого сравнения с ослом благородного «храбрейшего мужа» видно, что это животное в те времена еще не пользовалось дурной славой — подчеркивается лишь неспособность детей справиться с ним. У Гезиода осел не встречается вовсе. Позже, у Архилоха и Тиртея осел уже фигурирует в качестве домашнего животного [3]), но на первый план выдвигают его «афродические» свойства, охотное посещение им кобылиц (для отправляемых к ним ослов существовал даже особый термин — mychlos), так что он рассматривался в качестве животного, служащего не для перевозки тяжестей, а для разведения мулов (племенной скот). Для этой цели даже посылали кобыл из Элиды в Аркадию; ослы в Аркадии очень ценились [4]). В одной из речей Демосфена встречается в имении 6 ослов, которыми пользуются для доставки из леса срубленных деревьев [5]). Только у Аристофана встречаем сравнение—ленив, как осел [6]). С этого времени, очевидно, идут обидные для осла сравнения.

С отдаленнейших времен разводились овцы—повидимому, древнейшее домашнее животное индогерманских народов. Их шерсть нужна была не только для одежды, но и в качестве тетивы для лука [7]). Но обращались с овцами в те времена жестоко—их не стригли, а вырывали у них шерсть руками («peko»—выдергивать, выщипывать шерсть); Анакреон в VI ст. впервые упоминает о ножницах. «Probata» означало первоначально мелкий скот вообще, но стало позже наименованием овец, как наиболее распространен-

[1]) Pindar., Olymp. V. 7.
[2]) Илиада. XI. 558—62. Hehn (Kulturpflanzen. 6. A. p. 131) считает это позднейшей вставкой, по смыслу противоречащей предшествующим стихам.
[3]) Archiloch. Fragm. 97. Tyrteius. Fragm. VI.
[4]) Herodot. IV. 30. Strabo. VIII. 8, 1.
[5]) Demosthen. Phainipp. 7.
[6]) Aristophan. Aves (Ornithes). 1327.
[7]) Илиада. XIII. 716.

ного вида его, так же, как «poimen» значит и пастух вообще, и специально пасущий овец.

Шерсть являлась для греков почти единственным веществом, из которого выделывалась одежда, и поэтому разведению овец придавалось большое значение. Есть ли шерсть мягче, чем производимая в Аттике,—читаем в сборнике Афинея—есть ли цари могущественнее, чем у мидян и бактров, есть ли человек мудрее Сократа? [1]) Филохор и Андротион (приведено там же) сообщают, что в Аттике существовал старинный закон, запрещавший резать овцу прежде, чем она была острижена и ягнилась [2]). Стада овец издавна разводились в Малой Азии, и греческие колонисты, поселившись там, занялись овцеводством, в особенности, жители Милета — шерсть их стад славилась своим высоким качеством [3]). Поликрат, по словам Алексиса, выписывал в Самос овец из обоих упомянутых мест—из Аттики и Милета [4]).

Стада коз паслись даже в самых скудных пищей, богом обиженных, местностях. Коза давала молоко, а из него выделывали сыр; им угощала в палатке Нестора героев Гекамеда, «прекрасноволосая дева»: «козьего сыра она над прамнейским вином наскоблила теркою медной, а сверху обсыпала белой крупою» [5]). Впоследствии в Аттике одна из четырех древних фил именовалась «eigikoreis», т. е. питающая коз [6]).

Свиное мясо греки очень любили уже в ранние времена (в эпоху Гомера) и свиноводством они, как и прочие европейские народы, отличались от индогерманских племен передней Азии, не разводящих свиней; у египтян свиньи, по Геродоту, имелись, но считались нечистыми животными. Платон же впоследствии рассматривает свинопасов в качестве необходимого элемента населения, без которого государство обойтись не может; они стоят рядом с воспитателями и поварами [7]). Нередко—как сообщает Ксенофонт—мельники вскармливали свиней и коров отбросами [8]). В комедии Аристофана Гермес, перечисляя всех членов семьи—

---

[1]) Athen. V (Cap. XIX). 219 A.
[2]) Там же. IX (4). 375 C.
[3]) Amphis у Athen. XV (13). 691 A.
[4]) Alexis у Athen. XII (10). 540 D.
[5]) Илиада. XI. 639—40.
[6]) Aristoph. Nubes. 71.
[7]) Platon. Polit. 373 C.
[8]) Xenophon. Memorab. II. 7, 6.

мужа, жену, детей, слуг, включает и собаку и свинью в качестве необходимых принадлежностей дома [1]).

Наконец, лошадь арийцы, повидимому, знали еще в диком состоянии. У Гомера мы встречаем ее на каждом шагу во время сражений, но только не верховую лошадь, а запряженную в колесницу—заимствованный у народов Востока способ сражаться. Ни один бой не обходился без колесниц с «цельнокопытными, пышногривыми» конями; на колесницах герои рвутся в «кровавую сечу» и «губят друг друга». Олимпийские и истмические игры славились конскими ристалищами—на Коринф отправлялся Ивик («Ивиковы журавли») «зреть бег коней и бой певцов». Но лошадь служила только для войны и для спорта; ее также приносили в жертву богам. Для хозяйственных же целей ею не пользовались, как это было и у других народов в ранние эпохи культуры—для этого был бык и мул. Кавалерия на колесницах или позже верхом (но без седла—древние его не знали) решала бой, она же доставляла власть богатой аристократии, ибо для содержания лошади и для ухода за нею нужны были средства. «Поэтому-то — утверждает Аристотель—там, где условия местности удобны для верховой езды, имеются благоприятные данные для создания мощной олигархии»; и действительно—указывает он—ссылаясь на Халкис, Эретрию, Магнет (на Меандре) и города передней Азии, олигархия в прежнее время имела место у всех городов, обладавших значительной конницей [2]). В афинском же войске конница была невелика—в Марафонской битве ее совсем не было, в битве при Коринфе 394 г. до Р. Х. насчитывалось 600 всадников [3]). В Лакедемонии она, повидимому, вообще отсутствовала, если так можно понимать слова Фукидида, что лакедемоняне в этом году против своего обыкновения выставили 400 всадников [4]); в битве при Левктрах их конница была в весьма плохом состоянии; несравненно выше стояли фиванские всадники [5]).

Но в тех же Афинах имелись любители лошадей, тратившие на них крупные суммы. «На лошадей—читаем в одной из речей Исея—ты не истратил своего состояния, ибо никогда у тебя не было лошади дороже 3 мин.» [6]). Напротив, в «Облаках» Аристофана сын

[1]) Aristoph. Plut. 1106.
[2]) Aristot. Polit. VI. 4, 3.
[3]) Herodot. VI. 112. Xenophon. Hellen. IV. 2, 17.
[4]) Thukydid. IV. 55.
[5]) Xenophon. Hellen. IV. 4, 10.
[6]) Isaias. De Dicaeogen. hered. 43.

крестьянина спускает большие деньги на лошадей и вводит отца в крупные долги. Долг Стрепсиада ростовщику Пасию составляет 12 мин [1]); если это стоимость лошади, то сумма получается вчетверо больше стоимости простой лошади, указанной у Исея.

Тот же Ксенофонт в другом (приписываемом ему) специальном сочинении: «О коннице»—дает целый ряд советов относительно покупки лошади, выезживания и обучения ее, забот о здоровьи и содержании ее, чистки лошади, взнуздания ее, посадки всадника, упражнений разного рода (спускаться вниз, перепрыгивать ров, взбираться на крутизну), обращения с лошадью и т. д. Он утверждает, что «состоять в коннице должны люди, возвышающиеся богатствами и в значительной степени участвующие в городских делах». Однако, такой молодой человек не станет сам воспитывать лошадь, а «отдаст жеребенка на сторону, но при этом, как и при отдаче в науку мальчика, нужно письменно обозначить, что должен знать конь по возвращении» [2]). Очевидно, коневодство и воспитание верховых лошадей практиковалось. Ксенофонт советует поступать с лошадью умело и обдуманно, не побоями и ударами, не жестокостью, а ласково, понимая ее, делая ей приятное в награду за исполнение приказаний. Тогда она «не только будет любить человека, но и тосковать по нем». «Бесполезны—говорит он—неповинующиеся слуги и солдаты, неповинующийся же конь не только бесполезен, но часто просто предатель» [3]). «Никогда не следует поступать с лошадью под влиянием гнева», а в то же время следует помнить, что горячность у лошади то же, что гнев у человека, и подобно тому, как человек не может быть доведен до гнева, если его не огорчить словом или делом, так точно не явится гнев у горячей лошади, если ее ничем не затронуть. Поэтому, «садясь на лошадь, нужно смотреть, чтобы чем-либо не сделать ей больно, а усевшись, пробыть спокойно, и затем, кроткими знаками побуждая к движению, из медленного хода переходить к быстрому», ибо «лошадь смущается от неожиданного» [4]). Для того, чтобы лошадь имела красивый вид, «не следует тянуть за поводья, шпорить или бить плетью», а надо предоставить лошади делать то, что ей самой приятно, принять «такой вид, каким она наиболее гордится»—когда конь бежит к кобылам, он с гордостью вытяги-

[1]) Aristophan. Nubes. 20.
[2]) Xenophon. Hippik. II. 1—2.
[3]) Ibid. III. 6.
[4]) Ibid. V. 13. IX. 24.

вает шею, выгибает голову, хвост подымает вверх. Принуждать лошадь к красивым движениям все равно, «как если бы кто стал стегать или шпорить танцора» [1]). Все сочинение проникнуто гуманностью, любовью к лошади и основано, повидимому, на большом и продолжительном опыте; оно свидетельствует о том, какой интерес проявлялся к коневодству в древней Греции.

Пастбища, в особенности в древнейшее время, имелись в изобилии. Для скота было много простора, но пускать стада гулять на свободе было далеко не безопасно — их подстерегали и люди и хищные животные. В Илиаде Нестор рассказывает, как во время одного лишь столкновения с элеянами из-за угона волов—

Стад пятьдесят мы быков и не меньше свиней отогнали,
Столько ж овечьих отар и раздольно пасущихся козьих,
И полтораста еще лошадей светлогривых отбили,
Все кобылиц, и бежали за многими вслед жеребята.

В Илиаде нередко упоминается лев, «на горах возращенный, мяса лишенный давно и гонимый безтрепетным сердцем тучных спроведать овец». На щите Ахиллеса изображено, как «вдруг средь передних коров два бестрепетных льва появились» и как они, «на быке разодрав огромную шкуру, черную кровь его пьют и жадно глотают утробу». Ахилл отвечает Гектору, что «нет договорных союзов у хищного льва с человеком, мирного нет соглашенья меж волком и слабым ягненком» [2]). Очевидно, в те времена, львы еще водились в Элладе, но впоследствии они почти повсюду исчезли. Геродот сообщает о нападениях львов на слонов, находившихся в войске Ксеркса, и о львах, встречающихся в некоторых, однако лишь отдаленных, местностях Греции — Абдере и Акарнании (об этом упоминает и Аристотель) [3]). Тигр же был еще в 300 г. до Р. Х. совершенной новинкой для греков, когда Селевк (Никатор) его прислал афинянам, как рассказывает Филемон [4]).

Но не знали греки долго и птиц. В отличие от стад домашних животных, птичьего двора у них почти не было. О петухе сообщает впервые Феогнид, живший в половине VI ст. в эпоху распространения власти персов над Малой Азией. Быть может, от персов он и попал в Грецию. Именует же Аристофан петуха «мидянином» и даже (быть может, впрочем, речь идет о павлине)

[1]) Xenophon. Hippik. XI. 1—5. XI. 6.
[2]) Илиада. XI. 678. XII. 299. XVII. 61. XVIII. 579. 582—83. XXII. 62—63.
[3]) Herodot. VII. 125—26.
[4]) Athen. XIII (6). 590. A.

персом [1]). У Эсхила и Пиндара петух уже появляется под «гордым» именем «alektor» — сравнение с блестящим янтарем. Позже производили название его от «lektron» — ложе, и получалось вполне подходящее для петуха название «незнающего покоя», «никогда не спящего». Впоследствии петушиные бои являлись общим развлечением у греков. Пиндар сравнивает бесславную жизнь у родного очага с борьбой петуха на своем дворе, а Эсхил междуусобную войну с петушиной дракой. В Афинах, по словам Элиана, такие бои даже производились ежегодно со времен Фемистокла [2]). Как велика была страсть афинян к боям петухов, как и перепелов, (ortygomania), можно видеть из слов Платона—«лучше желал бы иметь друга; чем прекраснейшего перепела или петуха» [3]).

Гуси встречаются уже у Гомера, но только не в Илиаде, а в более поздней Одиссее и то лишь один раз. Пенелопа держит 20 домашних гусей, но, повидимому, больше для удовольствия («видеть люблю, как они на воде, полоскаясь, играют»), как и вообще древние любили гуся, как смышленную и чуткую птицу. Характерную черту «лебедей длинношеих» испускать в воздухе крик («с криком садятся на землю») подметили уже гомеровские греки. Ахилл, гонящийся за Гектором, сравнивается с соколом нагорным, преследующим «горлицу, робкую сердцем» [4]). Очень поздно появились павлины—в Афинах, повидимому, не ранее V ст. Комик Антифан рассказывает, что прежде вызывало удивление, если человек имел одного павлина, теперь же они встречаются чаще, чем перепелы. Разве не безумие, спрашивает Анаксандрид, тратить на разведение павлинов деньги, на которые можно было бы купить статуи? [5]). Голуби были изображены на «дивно прекрасном» кубке Нестора—«ручки имел он четыре и около каждой паслися горлицы две золотые» [6]). Повидимому, поэт и здесь изобразил виденное им—золотой кубок с сидящими на нем голубями найден в Микенах, он воспроизводит мотив о том, как доверчиво подлетают к пьющему вино человеку голуби. У греков они были посвящены Афродите, как у семитов—богине Астарте (Истаре).

[1]) Theognis. 864. Aristoph. Aves. 483. 707. 883.
[2]) Pindar. Olymp. XII. 14. Aeschyl. Eumenid. 848. Aelian. Var. hist. II. 28б.
[3]) Platon. Lysis. 211 E. Ср. о петушиных боях Becker-Göll. Charikles. I. 133 сл. Beckmann. Beyträge zur Geschichte der Erfindungen. B. V. T. 3. 1804. VII. p. 446 сл.
[4]) Одисс. II. 463. Илиада. XXII. 140.
[5]) Athen. XIX (20). 654 E. 655 A. Там же. 654 E.–655 B. и другие авторы о павлинах.
[6]) Илиада. XI. 634.

II.

Некогда Эллада была покрыта густыми лесами, обширными пастбищами, среди которых терялись заброшенные там и сям в этом море зелени островки пахотной земли. Но постепенно прогалины расширялись, топор человека расчищал девственные леса и открывал простор плугу; пастух уходил в горы и освобождал долины хлебопашцу. Действительно, как сообщает в IV ст. Платон, «в горах, где еще недавно рубили огромные стволы для постройки домов, в настоящее время гнездятся одни лишь пчелы», а в другом месте у него же читаем по поводу острова Крита, что ели и сосны там невысокого качества, кипарисы редки, пихт и платанов мало [1]). В связи с уничтожением лесов находятся вероятно, и жалобы его на то, что усиленные дожди, ничем не сдерживаемые, смыли почву, и у нее, как после болезни, сплыло все, что было тучного и мягкого, и осталось одно лишь тощее тело. В прежнее же время дождевая вода не исчезала бесследно, а, спускаясь с высот в низменности, создавала обильные потоки из ручьев и рек, от которых и ныне сохранились воспоминания в виде священных изображений там, где были некогда воды.

Быть может, утверждения об обезлесеньи Греции и преувеличены, ибо в надписях и в контрактах об аренде земель упоминается о лесах, да и «История растений» ученика Аристотеля Теофраста производит такое впечатление, что в различных местностях, в том числе и в только что упомянутом Крите, леса еще не успели исчезнуть. Но характерно, что, если не считать некоторых островов, то лесистыми являлись в IV ст., судя по Теофрасту, только возвышенности — горы Парнасские, Олимпийские, Пелион, Осса, тогда как он же жалуется на то, что в прибрежных местностях мало уже оставалось мест, где бы имелись леса для кораблестроения [2]). Горный хребет Каллидрома во время Персидских войн был еще покрыт лесами; как рассказывает Геродот, Ксерксу пришлось отправить третью часть войска на рубку их, чтобы персы могли перейти через горы, — но, очевидно, леса от этого должны были сильно поредеть. У него же мы узнаем, что когда Эфиалт проводил персов горной тропинкой в тыл Леониду и грекам, занявшим проход у Фермопил (в 480 г.), то они шли густым дубовым лесом, почему стоявшие на страже фокеяне заме-

[1]) Platon. Kritias. 111 B—D. Leges. 705 C.
[2]) Theophrast. Hist. plant IV. 5.

тили врагов лишь тогда, когда они достигли вершины горы [1]). И беотийские горы лишь постепенно лишились своих лесов: в эпоху Павсания (во II ст. после Р. Х.) на северо-западном склоне Птоя еще водились в большом количестве дикие кабаны, так что он был еще покрыт во всяком случае густым кустарником [2]). Тот же Павсаний сообщает, что на Парнассе еще охотятся не только на диких кабанов, но и на медведей, тогда как о горах Гиметта он рассказывает только, что там водятся пчелы, там леса уже были вырублены [3]). Но за Гиметтом, повидимому, последовал и Парнасс, который являлся ближайшим лесом для Афин, сильно используемым на нужды города. Еще больше он страдал, надо полагать, от ахарнян, которые занимались выжиганьем угля; Аристофан именует их угольщиками, ходящими по Афинам и выкрикивающими: «купите углей» [4]).

Наконец, лесам наносили ущерб и пасущиеся в них животные, в особенности козы, которые обгрызали молодые поросли и препятствовали росту нового леса. В одной из комедий Еврипида выступает хор коз и рассказывает о своих преступлениях, о многочисленных видах деревьев и кустарников, ветки и листья которых ими были так основательно уничтожены, что дальше расти они уже не могли. «И на это—прибавляет Партш—спокойно смотрели и не думали прекращать разрушений. Так это было всегда в Греции, так это в значительной мере происходит там еще и теперь» [5]). Только в отдаленных местностях Евбеи еще тянулись обширные леса, где, вдали от городских поселений и городской культуры, пастухи пасли свои стада коров и овец. «Под высокими, стройными деревьями — читаем у Диона Хрисостома (в I ст. до Р. Х.) — расстилались прекрасные луга, покрытые все лето ковром цветов, и скоту не приходилось далеко искать пастбищ. Стада паслись зимою в долинах, летом в горах, где имелось много чистой воды и в то же время не было бурных потоков, так что скот мог безопасно ходить; долины были окружены со всех сторон лесами [6]).

В гористые местности отодвинулось скотоводство. Если уже у Гомера «над вершиной горы» «южный ветер туман разливает,

[1]) Herodot. VII. 131. 218.
[2]) Pausan. IX. 23.
[3]) Ibid. I. 32.
[4]) Aristophan. Acharn. 34. 332.
[5]) Neumann-Partsch. p. 365.
[6]) Dio Chrysostom. VII (Euboicos). 13—15.

что пастуху неприятен, а вору желаннее ночи»[1]), а Аполлон, будучи по решению Зевса отдан на службу царю Лаомедону, пас «тяжелых быков криворогих на высотах лесистых богатой лощинами Иды», то еще более подчеркивается впоследствии Еврипидом и Софоклом, что «пастух—житель гор, питающийся молоком»[2]), он проводит все теплое время года на вершинах Киферона, и только осенью спускается вниз в долины[3]). В «Облаках» Аристофана мать крестьянка пророчит младенцу, что, выростя, он в колеснице и в пурпурной мантии отправится в Афины, тогда как отец желает, чтобы он, подобно отцу, пас коз на вершинах Фаллея в пастушеской одежде[4]).

На освобожденных от лесов и покинутых стадами пространствах появился плуг, и земля стала приносить плоды, питая посевы грудью своих полей; поля ее высились и округлялись словно женские груди, наливаясь питательными соками. Землю греки сравнивали с женщиной, подчеркивая, что в беременности и родах женщина подражает земле, а не наоборот (Платон); говорили, что земля принимает семя, прикрывает его своим покровом, и охраняет его, выращивая зародыши посевов, а во время жатвы она испытывает чувство матери, у которой отнимают детей[5]).

Зачатки земледелия относятся уже к древнейшему времени. В Микенах найдены ячменные зерна, как и бронзовые серпы и украшения из светло-желтого камня, имеющие вид ячменного зерна. К древнейшим божествам греков принадлежала Деметра, богиня земледельческого труда и хлебного поля—символ возрождения хлеба, божество землепашества и земледелия»[6]). Из этого, как и из нахождения хлебных зерен в сосудах до-гомеровской эпохи, видно, к какому отдаленному времени относится знакомство греков с хлебопашеством. По Одиссее и приписываемой Гезиоду «Теогонии» прекрасная Деметра прибыла с благословенного острова Крита, где она сочеталась на поле, три раза вспаханном, с героем - сеятелем Иазоном и родила

[1]) Илиада III. 10.
[2]) Euripid. Electra, 169.
[3]) Sophocl. Oedip. basil. 1134.
[4]) Aristophan. Nubes. 68—73.
[5]) Богаевский. Земля и почва в землед. представлен. древн. Греции. 1912, стр. 12 сл.
[6]) Зелинский. Соперники христианства. 1907. Стр. 9.

плутоса, т. е. богатство, плутоса, который всякого может сделать богатым,—она родила зерно, дала урожай [1]).

Самое имя Деметры одни производят от ге-метер, т. е. земля-мать, другие (частицу «де») от названия ячменя — «deai». (у Гомера «zeiai»). Это совпадало бы с предположением и древних и современных авторов, что первый вид хлебного зерна составлял ячмень. При жертвоприношениях и гаданиях Зевсу и Афине греки «разбрасывают ячмень крупнозерный». Священный напиток Деметры они изготовляют из ячменной муки, венки ей плетут из ячменных колосьев. Новобрачная, входя в дом мужа, приносит с собой меру ячменя, а при рождении ребенка дает жрице Афины меру ячменя и пшеницы и обол. Как сообщает Пиндар, победители на элевзинских состязаниях получали в награду ячменное зерно—в воспоминание ячменного дара Деметры. А в то же время гомеровский гимн Деметре, повествуя о гневе богини, говорит, что она спрятала в земле все посевы и ячмень не мог пробиваться на свет. Во всяком случае, когда греческий земледелец смотрел на зеленеющие хлебные всходы, когда пред ним расстилалось волнующееся ячменное поле с легким фиолетовым отливом или волновались созревшие золотые колосья, он видел пред собой светлый лик матери поля — Деметры. Деметра, впрочем, почитается и матерью пшеничных полей, хотя последние в Аттике, напр., имелись лишь в немногих местах. Но пшеница, а также полба, старше ржи и овса — последние хлеба появились у индо-европейских народов значительно позже [2]).

На старинных вазах изображены женщины, размалывающие хлеб в ступке, о деревянной ступе говорит и Гезиод, относящийся к VII веку, хотя речь и идет о простом крестьянском хозяйстве, где не имелось рабов и где хозяин сам занимался размалываньем зерна [3]). Напротив, в более ранней, повидимому, Одиссее, в крупных царских хозяйствах имеются уже ручные мельницы, приводимые в движение рабынями: у феакского царя Алкиноя этой тяжелой работой занято 50 рабынь, в доме Пенелопы работало 12 рабынь с раннего утра и до поздней ночи, а одна даже в ночное время. «Камень, огромный как жернов», является в Илиаде

[1]) Одисс. V. 127. Hesiod. Theogon. 969—74.
[2]) Богаевский. Земледельческая религия Афин. 1916. Стр. 112 сл. Его же. Очерк землед. Афин, 38—39.
[3]) Hesiod. Opera. 423.

обычным сравнением—герои такими камнями бросают друг в друга, на ряду с метаньем «длиннотенных» копьев [1]). Размалывание зерна считалось, повидимому, достойным лишь рабского труда. Симонид Аморгинский, живший в VII ст., впрочем, говорит и о свободных женщинах, занимающихся этим [2]) [3]).

В Илиаде встречаем «крепко сколоченный плуг», который тащат быки, по краям разрывая пашню, «так что у корня рогов у них пот проступает обильный». С такими равно усердными двумя быками, «лишь ярмом разделенными гладким», сравниваются два Аякса, которые ни на шаг не отходят друг от друга в сраженьи. Вспахивается «разрыхленная новь» («глубокая новь»), упоминается участок «трижды распаханный плугом». Там же находим жнецов, которые «острыми жали серпами», вязальщиков, связывающих колосья в снопы. На щите Ахиллеса последовательно изображаются полевые работы—весенние и осенние—и венцом их является празднество с жертвоприношением после окончания жатвы, после благополучного и успешного завершения трудов земледельца — готовится «пир обильный» и «убирают большого быка, принесенного в жертву». Наконец, там имеется и гумно. По срезанным колосьям «белого ячменя» ходят «мычащие быки» и топчут их — так и «цельнокопытные кони» Ахилла топтали трупы людей. Сильный муж подхватывает вилами зерно и солому, и солома разносится ветром и белеет земля; точно так побелели ахейцы от пыли, которую «тучей под ними взбивали копытами кони, вновь устремленные в битву» [4]).

Судя по мифу о Геркулесе, расчищающем огромный покрытый навозом двор царя Авгия, направляя туда русло реки, в древнейшие времена, повидимому, спускали навоз в реки, но для удобрения им не пользовались [5]). Однако, хотя и не в Илиаде, а в

---

[1]) Одисс. VII. 104. XX. 106—10. Илиада. VII. 270.

[2]) Simonid. Fragm. VI. 59.

[3]) Не следует, однако, думать, что из этой муки греки пекли хлеб на наш манер—на дрожжах. Дрожжей не было не только в древнейшую эпоху, но и впоследствии. Греки ни их, ни иного бродила долго не знали, почему у них и получалась либо похлебка, либо лепешки, но подняться тесто не могло.

[4]) **Schrader.** Reallexicon der indogermanischen Althertumskunde. 1901. p. 289. 112. **Benndorf.** Altgriech. Brot. pass.

[5]) Илиада. V. 499—505. X. 353. XIII. 588—90. 703—07. XVIII. 541 сл. 550. сл. XX. 495—99. См. Thaer. Der Schild des Achilles in seinen Beziehungen zur Landwirtschaft (Philologus. B. 29). Hentze. Zur Darstellung des Landlebens auf dem Achillesschilde. (jbid. B. 60).

более поздней Одиссее мы встречаем собаку — Аргуса, которая лежит на большой куче навоза от быков и мулов; рабы Одиссея должны были свезти его в поле. Есть у Гомера и источники для орошения почвы—как мы видели, Греция всегда особенно страдала от недостатка влаги—но направляются «проточные воды от родника темноструйного к пышно цветущему саду». Светлые воды, которые журчат и бегут по наклонному ложу», не орошают еще полей, хотя раз греки уже умели рыть канавы и наполнять рвы водою, то вскоре и пахоти должны были получить столь необходимое им орошение [1]).

Более ясное представление о земледелии в эту раннюю эпоху дают «Дела и Дни» Гезиода.

Александру Македонскому приписывают изречение: «Гомер велик и великодушен, Гезиод же написан для ремесленников, пастухов, земледельцев», а Клеомен, современник Дария, находил, что Гезиод годен лишь для илотов, которым он объясняет, как обрабатывать землю. На самом деле Гезиод этим вовсе не ограничивается. Он дает много полезных советов: и о выборе жены—его даже называли женоненавистником—и об отношении к родителям, к друзьям, к соседям, словом, правила имеются на все случаи жизни, но прежде всего, конечно, правила о ведении хозяйства, именно крестьянского хозяйства.

Заход созвездия плеяд является у Гезиода началом хозяйственного года—временем вспашки, восход их — концом, временем жатвы. В конце октября или в начале ноября, когда высоко в небесах раздается крик журавлей, он подает земледельцу знак, что надо начинать распашку и посев и что наступает период дождей. Рано утром поднимается крестьянин; в плуг он впрягает пару девятилетних быков,—они наиболее пригодны к работе, они еще свежи, силы у них не легко иссякают, но они не отличаются и чрезмерной резвостью и потому не сломают плуга и не оставят борозду недопаханной [2]).

Плуга надо иметь два,—если один сломается, можно впрячь волов в другой. Один плуг простой, из одного куска сделанный, другой сложный, составной — разсоха из дуба, дышло из лавра или вяза, к ним прикреплен железный сошник, за обжу пахарь управляет плугом, ярмо лежит на шее волов и ремнем скрепляется. Пахарь наилучший в сорок лет, он будет вести ровную

[1]) Илиада. XXI. 257. Одиссея. VII. 130. XVII. 297—99.
[2]) Hesiod. Opera. 383—84. 436—40. 448—50. 458—61.

борозду, он весь за работой, он не думает о товарищах, как люди помоложе, он не станет и расточать семена, невнимательно сея. Так что пахарь, в то же время и сеятель, вспашка и посев одновременны. А за сеятелем идет работник - раб с мотыкой, прикрывая семена землей, чтобы не стали они пищей для птиц. Ибо порядок полезен в работе смертных, а более всего вредит беспорядок [1]).

Новый период полевых работ, когда требуется особое усердие от земледельца, составляет уборка хлеба. Жатва производится серпами, хлеб свозится домой, и с восходом Ориона наступает молотьба на току, а затем зерно сносится в сосудах и помещается в доме под охраной привратника. Последнего надо хорошо кормить, чтобы он не спал, нужна и служанка, но без грудного младенца, а то она мало поможет делу [2]).

Римский агроном Варрон насчитывает не менее пятидесяти греческих авторов, писавших о сельском хозяйстве [3]). Но из всего этого богатства до нас дошли, если не считать относящихся к VIII веку до Р. Х. и рассмотренных только что «Дел и Дней» Гезиода, только «Экономика» Ксенофонта (жившего приблизительно в 425—355 г.г.) и сочинения Теофраста «История растений» и «Причины растений» (жил с 372 по 287 г.).

Ксенофонт начинает с «Похвалы земледелию» (гл. V): «Занятие земледелием доставляет приятность душе, умножает дом и упражняет тело так, что оно делается способным ко всему, что необходимо свободному человеку. Земля дает то, чем люди живут и отчего они получают удовольствие». Земля упражняет руки, развивает силу, укрепляет организм, ибо заставляет рано вставать и скоро ходить. Где может быть приятнее, чем в деревне, у воды, на свежем воздухе, в тени? Где можно совершить жертвоприношение богам, где более пышно отпраздновать праздники? Какое занятие милее для слуг, приятнее для жены, желательнее для детей, любезнее для друзей? «Земля учит даже справедливости тех, кто желает учиться, ибо кто наиболее ухаживает за ней, тот и больше получает». Но — прибавляет Ксенофонт — доставляя все блага в изобилии, земля не дает их легко, а приучает выносить и зимний холод и летний зной. В земледелии есть много таких явлений, которых человек не может предвидеть—град, засуха, мо-

[1]) Hesiod. Opera. 427—36. 441- 47. 467—71.
[2]) Ibid. 387. 573—76. 597—605.
[3]) Varro. De re rustica. I, 1.

роз, дожди; они лишают человека затраченных им трудов. Но, чтобы предотвратить их, нужно умилостивить богов, вопрошать их птицегаданиями и жертвами о том, что можно делать и чего нельзя, благодарить их и за плоды, и за овец, и за все прочие их дары [1]).

Нет столь благодарной науки, как наука о сельском хозяйстве — доказывает у Ксенофонта опытный земледелец Исхомах Сократу, ибо «это наука самая полезная, самая приятная, самая благородная, самая любимая богами и в то же время самая легкая в смысле изучения». Последнее Исхомах в особенности подчеркивает, повторяя, что земледелие не принадлежит к числу тех наук, «за изучением которых потеряешь все, что имеешь, прежде чем научишься настолько, чтобы можно было прокормить себя». «Присматриваясь к работам земледельцев и прислушиваясь к их словам, скоро узнаешь, как надо поступать и, пожалуй, сможешь еще обучать других». Даже тот, «кто не имеет понятия о том, что может приносить земля, не видел ее плодов и не в состоянии узнать ни от кого ее свойств, даже он способен сделать опыт и такой опыт гораздо легче, чем опыт с человеком или с лошадью, ибо земля ничего не утаит, а все покажет ясно и правдиво» [2]).

Прежде всего — поучает Исхомах—для правильного ведения хозяйства нужно знать, что можно сеять на данной земле, а для этой цели необходимо выяснить качество почвы. Последнее, по его словам, сделать нетрудно; достаточно ознакомиться с посевами на соседних участках. Начать работы — объясняет он Сократу, желающему узнать, как получить возможно больше ячменя и пшеницы,—нужно с распахиванья земли, причем последнее следует производить в весеннюю пору, когда земля наилучше разрыхляется — перекопанные в это время сорные травы доставляют почве удобрение, затем ее надо многократно перекапывать летом. С сорными травами вообще необходима борьба, так как они отнимают у всходов пищу, подобно тому, как бесполезные трутни отнимают ее у пчел. Сократу весьма понравилось такое сравнение. «Сравнив сорные травы с трутнями, ты, Исхомах, вызвал во мне гораздо большую вражду к ним, чем когда говорил просто о сорных травах. Вот, что значит употребить хорошее сравнение» [3]).

[1]) Xenophon. Oikon. V. 1—4. 9—10. 12. 18.
[2]) Jbid. XV, 4, 10. XX. 13.
[3]) Ibid. . XVI. 2—3. 9—13. XVII. 14—15.

Ксенофонт в лице Исхомаха дает еще целый ряд указаний относительно посева, уборки хлеба и очистки семян, советуя, напр., сеять после первых дождей, слабой почве давать меньше семян, чем сильной, ибо на слабых нужно вообще возлагать меньше тяжестей. Солому надо либо оставить на поле в качестве удобрения, либо с той же целью сжечь ее. Молотить зерно следует при помощи волов, мулов и лошадей; но так как скотина знает только, что ее будут погонять, а она должна топтать зерна, то за ее работой должны следить молотильщики, которые переворачивают и подкладывают под ноги животных недостаточно вымолоченное зерно [1]). При этом оказывается, что Сократу все это известно было, он только «и сам не знал, что это знает». «Мне вот даже пришло в голову — прибавляет он — не скрывается ли во мне и ювелир, флейтист, живописец; и этим искусствам, как и земледелию, меня никто не обучал, но всегда я наблюдал, как другие занимаются ими».—Я же говорил тебе,—восклицает Исхомах,—что и в смысле легкости изучения земледелие одно из благороднейших занятий.— Но если так, — возражает Сократ — то чем же объясняется столь значительное различие результатов, получаемых земледельцами, почему одни живут в довольстве, а другие не имеют даже самого необходимого и всегда в долгах. Причина, по словам Исхомаха, вовсе не в знании или в незнании, а в несоблюдении различных правил. Подобно тому, как всякий военачальник знает, что, располагаясь лагерем, нужно днем и ночью устанавливать часовых, а проходя ущелья—безопаснее предварительно занять вершины, но многие этих элементарных истин не соблюдают, так же точно и многие земледельцы не получают плодов от земли не потому, напр., что они не знают, что почву надо удобрять, а потому, что они не следят за тем, как это производится, и не заботятся о накоплении удобрений [2]).

Удобрению, в частности, собеседник Сократа придает большое значение, говоря, что оно «служит почве на радость». Он советует для этой цели пользоваться не только травами, смешивая их с землей, но и соломой и срезать колосья не слишком высоко, а оставшиеся стебли сжигать на поле. Это оплодотворяет почву, так же, как и сорные травы, которые бросаются в стоя-

[1]) Xenophon. Oikon. XVIII. 9—10. XX. 2—10.
[2]) Ibid. Oikon. XVII. 2. 11. XVIII. 2. 4—5.

чую воду. Они также дают с течением времени удобрительные вещества [1])

Макс Вебер указывает на то, что в своей «Экономии» Ксенофонт не столько описывает, повидимому, условия свойственные Аттике, сколько изображает идеальный тип эллинского сельского хозяйства вообще, но в то же время Вебер прибавляет, что едва ли сам Ксенофонт (его собственное поместье находилось в Пелопонесе) понимал в земледелии больше, чем современный прусский офицер, выходящий в отставку и приобретающий имение для того, чтобы вести хозяйство [2]). Однако, сочинение его отнюдь не производит такого впечатления, если не считать довольно наивных уверений в простоте и легкости изучения сельского хозяйства. Во всяком случае мы узнаем из него, что греки IV ст. весьма интересовались и качеством почвы и временем и способом производства различных земледельческих работ, что они придавали значение унавоживанию земли, знали не только животное, но и растительное удобрение.

Несравненно выше во всяком случае стоит, с точки зрения агрономии, сочинение писавшего на несколько десятилетий позже Ксенофонта—Теофраста, вооруженного всеми научными сведениями в области естественных наук и практического земледелия, поскольку они имелись в древней Греции, и старающегося теоретически обосновать свои положения и придать своим работам научный характер, достойный его великого учителя — Аристотеля [3]).

В виду этого, Теофраст прежде всего подробно останавливается на «различиях» и «качествах» почвы, с одной стороны, описывая характер почв определенной местности, а с другой стороны, давая общие характеристики различных родов почв. Эта классификация почв с различных точек зрения является у Теофраста прямо бесконечной, как указывали еще римские авторы, их она уже приводила в ужас своей дробностью. Так, Теофраст дает описание почв с разной окраской (белая, белесоватая, красная, черная и даже блестящая), с различной глубиной (мощностью) плодородного слоя (глубокая, мелкая), в смысле порозности (мелкая, редкая, плотная), поглощения теплоты (горячая, холодная, не-холодная, легко нагреваемая), топографических условий (гористая, луговая, низинная, приречная, равнинная). Подробно он останавливается на влагоем-

[1]) Xenoph. Oikon.. XVIII. 2. XX. 11.

[3]) Weber. Agrargeschichte (Altertum) on Handwört. der Staatswiss. 3 Aufl. p. 121.

[2]) См. Богаевский. Земля и почва в землед. представлении древней Греции, 11 сл.

кости и водопроницаемости, исходя из теории испарений Аристотеля (в отношении влагоемкости, напр., он различает почву, пропитанную влагой, богатую водой, грязевую, болотистую, влажную, сырую и сухую), на химическом составе ее, различая целых 11 видов (супесь, суглинок, щелочная и т. д.), и на многом другом. А результатом всего этого анализа почв являются выводы относительно посевов, для которых пригодна та или другая почва. Напр., на перегнойной почве предпочитают расти деревья, пшеница, полба, на супесчаной почве — лупин, горох, репа. Виноградная лоза любит мягкую, редкую, легкую почву, маслина предпочитает белую и влажную почву. Для хлебных злаков нужна земля тучная, ибо они питаются одним лишь верхним слоем почвы, напротив, древонасаждения довольствуются и более бедной почвой, так как при помощи своих длинных корней они добывают себе питательные вещества и на большей глубине. Но и для тех и для других наиболее пригодна почва не слишком плотная и не слишком рассыпчатая, не слишком сухая и не слишком влажная, не слишком легкая и не слишком тяжелая, в верхнем слое своем, как и в подпочве-счастливо комбинирующая различные качества. Задачу же земледелия Теофраст усматривает в оказании помощи природе там, где условия последней в каком-либо отношении неудовлетворительны, или в устранении различных препятствий[1]).

Таким образом, мы имеем перед собой целую энциклопедию почвоведения, составленную, правда, при отсутствии химического анализа почв, при совершенно зачаточном состоянии физики, химии, минералогии. Но помимо свойств почвы Теофраст придает существенное значение и другим условиям, влияющим на растительность. «Земли различаются не только смотря по тому, плотны ли они или редки, сухи или влажны, но и в зависимости от окружающей их атмосферы, от того, каким ветрам они подвержены. Есть земли с плохой почвой и все же весьма плодородные, вследствие близости моря». Если в течение года дожди и солнце чередуются благоприятным образом, то и земля среднего качества дает хороший урожай; не даром поговорка гласит — все зависит от погоды, а не от вспашки. Но в буквальном смысле этого понимать не следует, ибо климата человек изменить не в силах, тогда как своим трудом он в состоянии улучшить качество почвы, напр., смешивая легкую

[1]) Богаевский, ук. соч. 12—15 и прил. Theophrast. De causis plant (Perifuton aition) II. 4, 2—4, II. 5, 9.

с плотной, жирную со слабой, белую с красной. Так что иногда бедная почва, получив таким путем недостающие ей элементы, становится плодородной, как если бы ее снабдили удобрениями. Жители Мегары, по его словам, извлекали на поверхность слой подпочвы, ибо они полагали, что составные части, необходимые для питания растений, задерживаются дождевой водой в глубине земли. С этой целью они каждые 5—6 лет перекапывали всю землю и притом на такой глубине, где скопляется дождевая вода. В смысле плодородия почвы от этого получалась, конечно, большая выгода, но не столько вследствие смешения почв, сколько по причине глубокого ее раскапывания, заменявшего отсутствовавшую у греков глубокую вспашку. Примитивная соха того времени давала возможность разрыхлять землю лишь на поверхности, почему Теофраст предпочитает ей ручную кирку или мотыгу, но они, конечно, помочь делу не могли[1]).

Наконец, Теофраст касается веса и качества семян и указывает на те сорта их, которые наиболее пригодны для каждого вида почв, как и видов удобрений, причем животные удобрения он по выгодности их для сельского хозяйства располагает в следующем убывающем порядке: человеческий навоз, навоз свиньи, козы, овцы, рогатого скота, лошади или мула. Он знает и разведение различных растений на поле, напр., чечевицы в Македонии и Фессалии, и затем запахиванье их в целях удобрения бедных почв. Наконец, он упоминает и о возможности использования отбросов кожевенного производства в качестве удобрительных туков. Но это сильно действующее средство, которое может приносить много пользы, но и много вреда. Оно, напр., пригодно для мирт, когда они в цвету и когда хотят получить плоды без косточек, но для других древесных насаждений эти отбросы в чистом виде опасны. Во всяком случае — признает Теофраст — растения на полях, получивших удобрения, поспевают на 20 дней ранее, чем на прочих, и меньше нуждаются во влаге, чем при отсутствии удобрений[2]).

К сожалению, все эти советы Теофраста еще ничего не говорят нам о действительном состоянии земледелия в древней Греции, ибо мы не знаем, насколько эти добрые пожелания исполнялись. А в виду этого, мы не в состоянии установить, совершились ли в этой области какие-либо успехи со времен Гомера и Гезиода и насколько

---

[1]) Theophrast. III. 20, 4. III. 25.14.
[2]) Ibid. III. 9. 3. III. 17, 5. V. 15. 2.

они были значительны. У Ксенофонта и Теофраста находим тройную вспашку (tripolos), у Ксенофонта—весеннюю, летнюю (для устранения сорных трав) и осеннюю перед посевом, у Теофраста—зимнюю, летнюю и третью в промежутке между ними. Но та же тройная распашка имеется (как мы видели выше) уже в Илиаде, как и у Гезиода (весенняя, летняя и осенняя, с восхождением плеяд) [1]. Следовательно, эпоха расцвета в этом отношении ничего нового не дала. Далее, нам известно, что греки и впоследствии пользовались плугом весьма упрощенного свойства. У Теофраста упоминается и «малый плуг» (micra arotra) — не упрощенный ли плуг Гезиода? А рядом с плугом применяется и кирка — о ней читаем у Аристофана — частью заменяющая, частью дополняющая его, в целях более глубокого взрывания почвы. В Фессалии имелся и более сильный инструмент, чем двузубчатая мотыга. И впоследствии (как видно из Глоссария Гесихия) за сеятелем следовал другой человек, прикрывавший зерна землей, как это было во времена Гезиода, о бороне же ничего не упоминается. У Ксенофонта применяется для жатвы тот же серп, как и у Гезиода [2]. И молотьба происходит— как мы видели — тем же способом (вытаптывание животными), как она описана в Илиаде.

«Цельный пар», о котором говорится в Илиаде, свидетельствует о том, что от земли не требовали в то время урожая из года в год. Но нынешние авторы делают из этого слишком поспешный вывод, что господствовала уже во времена Гомера двухпольная система земледелия, при которой каждое поле раз в два года поступает под плуг. На самом деле это значит лишь, что участок засевался не ежегодно. В ранние времена земли обычно после урожая оставались под паром в течение многих лет, и лишь впоследствии вновь обращались к прежде распаханной почве, которая успевала порости лесом. При обилии свободных земель такой образ действия был вполне возможен, и он не исключен и для эпохи Гомера. О двухпольной системе впервые упоминает Пиндар (род. в 521 г. до Р. Х.). Он говорит о плодородных землях, которые по очереди то дают людям урожай, то, отдыхая, „восстановляют свои силы“ [3]. И затем эта система уже неизменно сохраняется. Из того же севооборота исходит Ксенофонт, как и другие авторы. Но еще более ценными являются указания

---

[1]) Илиада. XVIII. 542. Hesiod. Opera. 381. 460. Xenophon. Oikon. XVI. 11—15. Theophrast. Hist. plant. VII; 1.

[2]) Theophrast. De causis plant. III. 20, 5 и 8. Aristophan. Pax 566, 570 Xenophon. Oikon. 18, 1.

[3]) Pindar. Nem. VI. 10—11.

на этот счет в надписях. Так, в одном аморгосском договоре о сдаче в аренду земель, принадлежащих храму Зевса Теменита, установлено, что арендатор будет обрабатывать ежегодно только половину земли, вторая же должна оставаться под паром, причем во избежание обмана со стороны арендатора, обе части отделяются рвом [1]. В другом договоре аренды, относящемся, повидимому, к началу IV ст., говорится, что в последнем, десятом, году съемщик может обрабатывать только половину, но не более земли, для того, чтобы его преемник мог подготовить себе землю для следующего года; так что исходной точкой является невозможность обрабатывать ее два года подряд. Если же возделано будет больше, то—согласно договору — полученный сверх этого урожай отнимается у арендатора [2]. И в третьем случае установлено то же правило [3]; очевидно, оно являлось всеобщим, общеобязательным [4].

Из тех же надписей, относящихся к владениям храма Зевса Теменита, мы узнаем, что пастьба скота на принадлежащих храму землях, даже на землях находившихся под паром, была строго запрещена. За нарушение этого постановления выгнанный скот конфисковался в пользу храма [5] [6]. При таких условиях сколько-нибудь значительного количества удобрений не могло получиться. Повидимому, все сводилось к небольшому количеству свозимого на поле скотского навоза, смешанного с соломой, или же последнюю так же, как кустарник, поджигали и золой удобряли землю. Во всяком случае скотский навоз, как мы видели, был уже известен во времена Одиссеи. И то же встречаем в одном арендном договоре, где арендатор обязан ежегодно сваливать на землю 150 корзин удобрений в $1^1/_3$ медимна (около 125 фунт.) каждая; в случае невыполнения этого, он уплачивает 3 обола за каждую корзину [7].

Сорлен — Дориньи в своей статье „Rustica res“, помещенной в „Dictionnaire des antiquités grecs et romains“, утверждает, что в Греции сельское хозяйство стояло на весьма низком уровне

---

1) Sylloge inscriptionum graecarum. Ed. Dittenberger. 2 изд. 1900. II. № 531, 7—8. См. B. C. H. Homolle. XVI. p. 281 (Baux et prêts).

2) Sylloge. № 534. 18.

3) Ibid. № 535, 15.

4) См. также Homolle. Le Cahier des charges de la location des domaines de Zeus Temenites. B. C. H. 1892. p. 277. Его же ст. в Revue des études grecs. 1893. p. 285.

5) Sylloge. № 531, 36 сл.

6) См. тоже запрещение на землях храмов C. I. A. II. 841, в Аморгосе I. 32 (Athen. Mitt. I. 344), в Хиосе (Haussoulier. Rev. des études grecs. III. 21. XVI. 281).

7) Sylloge. № 531, 20 сл., 41 сл.

и даже отношение к нему было презрительное. Первое он доказывает, между прочим, ссылкой на римских авторов, которые (Колумелла, Плиний), относясь с почтением к грекам, писавшим о земледелии, в то же время указывают, что значение их невелико, так как принципы агрономии ушли с тех пор далеко вперед. Они находили, что понимают гораздо больше, чем греки, и если хотели усовершенствовать свое земледелие, то искали нового не у греков, а у карфагенян. Что касается самого отношения к сельскому хозяйству, то, по словам Дориньи, у дорийцев оно всегда было отрицательное, и не одни лишь жители Крита могли распевать:

Мое богатство - мое копье,
Мой меч и мой щит,
Ими я обрабатываю землю,
Ими снимаю урожай,
Ими выделываю вино из своего виноградника.
(Песня критянина Ибрия).

По поводу ионян сатирики смеются, что они занимаются главным образом агрономической наукой, предоставляя наивным и простакам самую культуру земель. И дорийские и ионийские племена сходятся в признании варварами тех трех народностей Греции, которые только и занимались земледелием — жителей Элиды, Фессалии и Беотии. Когда кого-то спросили, кто большие варвары — беотийцы или фессалийцы, он ответил: жители Элиды. „Неспособные понять причины истощения своих полей—заключает Дориньи — и не находя примеров тому в Персии (где они всегда их искали), греки ограничивались посадкой виноградников и маслин, игнорируя земледелие даже в наиболее плодородных своих колониях, превращаясь в импортеров хлеба, в торговцев и мореплавателей: я ничего не получаю от почвы, а все от моря“ [1]).

Однако, нет ли здесь преувеличения? Ведь, говорит же Ксенофонт, что занятие земледелием приятно для души, умножает домохозяйство и упражняет тело так, что оно становится способным ко всему, что требуется от свободного человека [2]). А по словам Аристотеля, огромное большинство людей питается продуктами, доставляемыми землей, причем он называет это занятие соответствующим природе, а земледельческий класс наилучшим классом населения [3]).

---

[1]) Dorigny, s. v. Rustica res. Dict. IV, 2. p. 900.

[2]) Xenophon. Oikonom. V. 1.

[3]) Aristot. Polit. I. 3, 4. 22. VI. 2. 1. (См. пер. Жебелева).

Так что земледелие ставилось высоко, впереди других занятий, хотя оно—как мы видели выше (в этом отношении прав Дорины)—и сделало в течение столетий мало успехов.

На ряду с ним играли большую роль—или даже в понятие его включались—древесные насаждения—маслины, фиговые деревья, как и виноградарство, а в некоторых местностях Греции они, по условиям почвы, даже стояли на первом плане.

Историки культуры рассматривают древонасаждение, как фазис в развитии человечества, ибо только с этих пор слабые нити, связывающие человека с почвой при земледелии, становятся крепкими и неразрывными. Дереву нужен многолетний уход, прежде чем оно одарит человека плодами, и с годами ценность и доходность его растет. Так что древесная культура полагает предел кочевой жизни. Поле ждет росы и дождя, но вокруг грядок приходится проводить источник; земледельцу достаточно межевого камня, посадки же охраняются забором; и дом, окруженный плодовыми деревьями, расчитан на много лет. Даже боги становятся благороднее: грубой и кровавой жертве пастуха уступает место жертва мягкой Цереры зерном и солью, вино же вносит веселье в жизнь земледельца, а маслина, дерево Афины, богини духовного просветления, есть символ мира и дружбы [1]).

Родина маслины—Восток, Египет, Сирия, Малая Азия. Оттуда она перешла в Грецию, повидимому, еще в до-гомеровскую эпоху. При раскопках найдены косточки маслины в гробницах. Маслины клались умершему, который, очевидно, пользовался ими при жизни. В Илиаде

Садовник лелеет побег плодоносной оливы
В месте укромном, где бьет в изобильи вода ключевая.
Пышная ветвь зеленеет и, белым осыпана цветом,
В разные стороны гнется под нежным дыханием ветра [2]).

С ураганом, который с корнем вырывает деревцо оливы и на земь бросает, поэт сравнивает Менелая, который убил „метателя копий" Евфорба. У него и у его слушателей имелось, очевидно, ясное представление о дереве, раз им можно было пользоваться для пояснения других понятий. Так что оливковое дерево вовсе не являлось в те времена—как утверждает Ген—чем-то новым и чуждым грекам. Поверим ли—спрашивает афинянин у Платона,—что прежде маслины

[1]) Hehn. Kulturpflanzen. p. 121—22. Schrader. Reallexicon. p. 583. (s. v. Obstbaum und Baumzucht).
[2]) Илиада. XVII. 53—56.

ее было? А в другом месте поэт повествует о хороводе, представленном Гефестом на щите Ахиллеса, где в пляске кружились

Девы в льняных покрывалах и юноши в светлых хитонах,
Сотканных крепко из ниток, для блеска чуть маслом натертых.

Известно, следовательно, и масло оливы. Им пользуются при изготовлении льняных одежд. Еще чаще смазывают тело и боги и герои им, „благовонным божественно-нежным“ елеем. Они же венчают себя оливковым „венком благовонным“ [1]).

У Гезиода маслина не встречается, по крайней мере в дошедших до нас произведениях, ибо в другом сочинении он, по словам Плиния, упоминает о ней, говоря, что никому еще не привелось увидеть плодов посаженного им оливкового дерева [2]). Впоследствии, однако, маслина давала плоды уже гораздо скорее, хотя и требовала орошения и тщательной обработки. По словам Геродота, первоначально маслины разводились только в Аттике, хотя он и сам не уверен в этом [3]). Во всяком случае у афинян оливковое дерево являлось предметом особой заботливости. В законодательстве, приписываемом Солону, посадка маслин должна совершаться так, чтобы расстояние одного дерева от другого было не меньше 9 футов. Еще более заботился о них, повидимому, Писистрат, который, по словам Диона Хрисостома, заставил жителей Аттики эту прежде голую и лишенную древонасаждений страну засадить оливковыми деревьями [4]).

Но и в Спарте уже во времена Ликурга каждый участок давал на ряду с ячменем вино и маслины. Отсутствие где-либо оливковых рощ вызывало у грека классической эпохи удивление. Оливки, оливковое масло и ветви оливкового дерева являлись пищей, притираниями, ими пользовались при омовениях, при погребениях, при гимнастических упражнениях, даже при играх и состязаниях.

Какое значение им придавалось, можно усмотреть из одной надписи, согласно которой всякий житель Крита обязан на своей земле посадить оливковое дерево, в противном случае он подлежит штрафу в 50 статеров [5]). В надписях (V ст. до Р. Х.), найденных в Гераклее, арендатор земли, принадлежащей храму, должен посадить на определенном пространстве не менее четырех маслин. Если он заявит, что земля непригодна для посадки их, то

[1]) Илиада XVIII, 596. XIV, 171. [illegible]
[2]) Plinius. Hist. nat. XV, 1.
[3]) Herodot. V, 82.
[4]) Dio Chrysostom. XLV [illegible]
[5]) [illegible]

[illegible]

магистратом при содействии выборного из жителей производится осмотр почвы и о результатах его сообщается под присягой народному собранию. Деревья, вырванные ветром или погибшие от старости, становятся собственностью арендатора. Если он не посадит установленного числа маслин, он плотит штраф [1]). В надписи, относящейся к Аттике начала V ст. до Р. Х., установлена обязанность с'емщика посадить не менее 200 маслин, если же пожелает, то и больше [2]). В другом арендном договоре упоминается о срезывании и продаже с аукциона оливковых деревьев, но покупатель обязан оставить стволы ростом не ниже пальмы для того, чтобы в эти годы (в течение срока аренды) деревья стали возможно красивее и больше [3]).

Только при широком распространении оливковых рощ мог иметь смысл сообщаемый Аристотелем рассказ о Фалесе. Предвидя, на основании астрономических наблюдений, богатый урожай оливок, он роздал деньги в задаток владельцам всех маслобоен в Милете и на Хиосе; когда же наступило время сбора оливок и начался одновременно внезапный спрос со стороны многих лиц на маслобойни, Фалес стал отдавать законтрактованные им дешево маслобойни за ту цену, за какую желал. „Набрав таким образом много денег, — прибавляет Аристотель — Фалес доказал тем самым, что и философам, при желании, разбогатеть нетрудно, только не это дело составляет предмет их интересов. Так, говорят, Фалес дал доказательство своей мудрости“ [4]).

Помимо ячменных зерен и маслинных косточек в Микенах найдены (Дерпфельдом) в большом количестве и обугленные смоквы (во дворце, погибшем от пожара), как и (Шлиманом) золотая диадема с характерными разрезами смоквы и золотые листья последней в той же гробнице [5]). Смоква, следовательно, известна была уже в древнейшую эпоху. Впоследствии мы слышим о «священной смокве» по близости от Афин, о том, что смоковница была окружена религиозным почетом. Комический автор Маг, цитируемый Афинеем, называет ее «предводительницей чистой жизни», а о себе говорит, что он «ужасный любитель смокв». «Не ввозить смокв в Афины» стало такой же поговоркой, как «не ввозить

[1]) C. I. G. (Corpus Inscript. Graec). № 5774. См. Reinach-Newton. Traité d'épigraphie grecque. p. 97.
[2]) Sylloge. № 550 (33—34).
[3]) Recueil des inscr. jurid. grecs. I. 2. № XIII bis. 32 сл. 41 сл.
[4]) Aristot. Polit. I, 4, 5—6. (Пер. Жебелева).
[5]) Schliemann. Mykenae p. 221. Богаевский. Землед. Афин. 49.

сов в Афины» — и теми и другими Афины, очевидно, изобиловали [1]).

В Аморгосском арендном договоре с'емщики обязуются кроме 20 виноградников сажать 10 смокв ежегодно; виноградники они обязаны окапывать дважды, смоквы один раз [2]). В другом арендном договоре читаем: арендатор обязан окапывать маслины, смоквы и иные плодовые деревья и обрезывать их; если они будут вырваны ветром или погибнут от старости, он обязан заменить их новыми [3]).

Виноград находим (в «Одиссее») в прекрасном саду Алкиноя—гроздья

Частью на солнечном месте лежали, сушимые зноем,
Частью ждали, чтоб срезал их с лоз виноградарь, иные
Были давимы в чанах; а другие цвели, иль, осыпав
Цвет, созревали и соком янтарногустым наливались.

Но и в Илиаде уже имеется «виноградник славный», а на щите Ахиллеса были представлены девы и юноши, в плетеных корзинах, несущие «медосладкие гроздья». Герои, принося жертвы богам, их «вином поливают ярким», а затем «в чашах больших до краев приготовив напиток—всем разделяют по кубкам». «Выпито было немало вина из кувшинов отцовских» [4]).

А Гезиод дает крестьянину подробные советы. Ранней весной, «прежде, чем появится, испуская жалобные звуки, дочь Пандиона, ласточка, расчищай виноградник, а когда улитка, неся на себе свой дом, станет двигаться вверх, прекрати окапыванье виноградника... Когда же Орион и Сириус достигнут средины горизонта и розоперстая эос увидит арктура, тогда снимай грозди и неси их домой. Десять дней и ночей пускай они греются на солнце, а потом пять суток пусть лежат в тени, а на шестой день наполни сосуды дарами приносящего радость Диониса». У Гезиода и крестьянин пьет «искрометное вино, сидя под тенью дерев и насытившись обильной пищей» [5]). Аристофан описывает, как крестьянин холит и лелеет свой виноградник [6]), в арендных договорах (см. выше) посадка виноградного куста столь же обязательна для с'емщика, как разведение маслин, а Исхомах (у Ксе-

[1]) Athen. III. 74 D. Богаевский, ук. соч. 106.
[2]) Athen. Mitteil. I. 344 (I. 5, 25).
[3]) Req. des inscr. jurid. gr. I. 2. № XII. 172 сл.
[4]) Одиссея. VII. 123—26. Илиада. IX. 469. I. 462. 470 XII. 314.
[5]) Hesiod. Op. 568—72. 609—14. 590—93.
[6]) Aristophan. Pax. pass.

нофонта) рассказывает Сократу о способах посадки виноградных кустов и Сократ с ним во всем соглашается. «Значит, и относительно виноградных лоз мы с тобой, Сократ, одинакового мнения.— А смоковницу сажают таким же образом?—спрашивает последний.— Да, и все плодовые деревья.—А как разводить маслину?» [1]). Виноградный куст, смоковница, маслиновое дерево фигурируют рядом у Ксенофонта, как и у Теофраста, где они именуются деревьями, живущими на равнине—они характерны для греческого пейзажа [2]).

Из «Мира» Аристофана (450—385) мы узнаем, как жил и питался крестьянин Аттики. Война кончилась, мир заключен. «Слушайте, люди, возьмите вы, земледельцы, свои орудия и отправляйтесь обратно по домам, немедленно без копья и меча пусть каждый отправится на поле, благословляя богиню мира». Хор отвечает: «Давно жданный день, дорогой всякому земледельцу; радостно приветствую я свои виноградники и смоковницы, которые я посеял в молодости и которые я теперь на старости могу обнять». Крестьянин Тригей: «О, Зевс. Кирка блестит, уже приготовленная, и трезубые вилы ярко сверкают на солнце. Прекрасный и разнообразный сад получится. Но сильное желание у меня отправиться на поле, перекопать мотыгой свою давно покинутую землю. Вспомните теперь о тех обильных плодах, которыми вас наделила богиня, вспомните о смоквах, миртах, об обилии сладкого вина, о грядках фиалок, между которыми струится ручеек, о тех оливах, которые вызывают у нас столь страстное желание, и воспойте гимн богине». Хор: «Благословенна, о благословенна ты, столь желанная, по тебе я так тосковал, ведь давно я уже стремился домой, на свое поле. Всегда ведь была ты благосклонна ко мне, ты единственная из богинь, дары раздавая всем, кто, работая на своем поле, мирно жил свой век. Ты для нас бьющий обильно источник вечного сладкого, веселого счастья. Виноградный куст, смоковница с молодой листвой, всякий колос, всякая ветка — все пусть шлют тебе свои радостные, веселые приветствия». И дальше (предводитель хора): «прекраснейшее время, когда семена лежат в земле, нежные дожди капают на землю, и сосед вопрошает: как бы нам теперь провести время? Вино должно быть теперь, когда падают дожди, особенно вкусным. Поскорей, хозяйка, испеки нам гороху три полные миски, смешай с пшеничной мукой и прибавь сладких смокв. Неужели же теперь сре-

[1]) Xenophon. Oikonom. XIX. 1 сл. 12—13.
[2]) Theophrast. Hist. plant. II. 5. 7.

зывать листья в винограднике или землю разрыхлять, когда поле совсем мокрехонько? Несите мне из дому дрозда и обоих зябликов, там должно быть еще свежее молоко и четыре куска зайца, если кошка не с'ела вчера вечером половину — шум ведь был ужасный на весь дом—три из них слуга неси мне, один отдай отцу; миртовых ветвей, полных ягод, попроси у Эсхинада и тут же (дорога ведь одна) позови мне Харинада, пусть разделит с нами трапезу, ибо весело и с пользой боги поливают наши посевы. Когда же кузнечик затянет свою милую песенку, я отправляюсь весело в свой лемайский виноградник, посмотреть, не созрели ли уже ягоды, ведь рано они появляются. Вижу с восхищением, что наливается сочная смоква, а когда зрелые плоды висят на ветвях, я срываю их и пою: «дорогие оры», и глотаю винцо, и добрею, раньше чем лето, покидая нас, улетит» [1]).

В этой комедии Аристофана появляется крестьянин Тригей с дочерьми, весь хор состоит из крестьян Аттики, частью стариков. Воспевается работа в поле, в винограднике, в саду, в оливковой роще. Кирка и мотыга, посев, дождь — вот его интересы, и в центре всего собственный труд, при помощи немногих работников (у Тригея их двое) [2]). В другой комедии Аристофана «Облаках» изображен крестьянин Стрепсиад, который ведет «прекрасную деревенскую жизнь среди своих баранов, пчел и оливковых деревьев, не зная горестей и забот», и сын его Фейдиппид, зараженный городскими нравами и спускающий деньги на лошадей, так что отцу приходится иметь дело с кредиторами [3]). В «Ахарнянах» снова выступает крестьянин Дикеополис, из-за войны покинувший свою землю и мечтающий о мире. «Кончена война, иду домой на свое поле и справляю праздник в честь Диониса». Другой крестьянин жалуется на то, что «беотийцы отняли у него пару волов, которые его пропитывали одним своим навозом», и ждет от мира возвращения их [4]). В «Плутосе» опять крестьянин с батраком и хор крестьян [5]). И даже в «Народном собрании женщин», где последние стараются захватить власть в свои руки, оказывается, что они бежали из деревень в город—там на Пниксе, где происходили народные собрания;

---

[1]) Aristophan. Pax. 551—59. 566—600. 1140. 58.
[2]) Aristophan. Pax. 550 сл. 1140 сл.
[3]) Aristophan. Nubes. 43 сл. 117.
[4]) Aristophan. Acharn. 201. 250. 1022. 1055.
[5]) Aristophan. Plutos. pass.

предводительница женщин Проксагора слушала ораторов и сама научилась ораторскому искусству.

На Пниксе с мужем в бегстве я жила
У риторов всему там научилась [1]).

Жизнь этих крестьян едва ли многим изменилась со времен Гезиода, который, как мы видели, и писал для последних с их узким, ограниченным кругозором. Перед нами всегда встает картина честного, трудолюбивого, бережливого крестьянина, изнуренного тяжелым повседневным трудом, чувствующего все бремя жизни, ведущего вечную борьбу с непокорной стихией и враждебными ему сверхестественными силами и с этой целью всячески старающегося умилостивить богов, добиться у них помощи, заслужить их снисхождения.

Тот и богам ненавистен и нам, кто от дела летая,
Трутням подобный, живет куцохвостым, что в праздности вечной
Трудолюбивых питаются пчел неустанной работой,
Труд тебя ставит владельцем овец и иного достатка,
Труд добывает тебе и богов неуклонную милость [2]).

1) Aristophan. Ecclesiazus. 243 (пер. Шестакова).
2) Hesiod. Opera. 303 сл. (пер. Зелинского).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аграрный строй[1].

I.

Какой характер имел аграрный строй в древнейшую эпоху греческой истории? Друг против друга стоят две на первый взгляд совершенно различные теории. Согласно одной, высказанной Эсменом, Виолле и Лавелэ, а также Риджвеем, у греков первоначально существовала общинная собственность на землю, которая находилась в связи с первобытным коммунистическим строем и которая выражалась в принадлежности земли тому или другому племени. Последнее передавало отдельные участки ее в пользование семьям, родам, а по истечении известного времени производило новый передел, новое распределение земель. Другая группа во главе с Фюстель де Куланжем и Гиро, на стороне которых стоят и Пельман и Вебер, решительно отрицает общин-

---

[1]) Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives. 4 éd. 1891. Viollet. Le caractère collectif des premières propriétés immobilières (Bibliothèque de l'Ecole des chartes. 1872). Esmein. La propriété foncière dans les poèmes homeriques. (Nouvelle Revue historique de droit français et canger. 1890). Fustel de Coulanges Recherches sur le droit de propriété chez les grecs (Nouvelless recherches sur quelques problèmes d'histoire). 1891. Его же. Le problème de l'origine de la propriété foncière. (Questions historiques. p. 65 сл.). Ridgeway The Homeric Landsystem (Journal of Hellenic Studies. VI). Wilbrandt. Die politische und soziale Bedeutung der Atischen Geschlechter vor Solon (Phioloqus. Suppl. B. VII. 1899). Reinach. Le collectivisme des Grecs de Lipari (Revue des etudes grecques. 1890) Guiraud. La propriété foncière en Gréce. 1893. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb. B. I. Kap. 2. Wiber. S. v. Agrargeschichte. (Altertum). Handwört der Staatwiss. 3 Aufl. Poehlmann. Die Feldgemeinschaft bei Homer. (Zeitschr. für Sozial-und Wirtchaftsgesch. I.) Его же. Aus dem Hellenischen Mittelalter. (Aus altertum und Gegenwart. 2 Aufl. 1911). Его же. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. B. I. 1912.

ный характер земельной собственности, предоставление ее семьям и родам во временное пользование и последующие земельные переделы, как и не признает первобытного коммунистического строя в качестве исходной точки в истории Греции. И тот и другой взгляд в сущности не установлен специально в отношении аграрного строя Греции, а вытекает из общих положений, принятых данной группой исследователей, является лишь дальнейшим развитием и подтверждением определенного основного принципа. Первая группа авторов утверждает, что первоначальную форму собственности у всех народов составляет общинное землевладение, и усматривает в различных правовых явлениях последующей эпохи остатки от этого первоначального режима, стесняющие и ограничивающие гражданский оборот недвижимостей; тем самым они свидетельствуют о существовании более ранней эпохи, когда право распоряжения ими вообще отсутствовало у пользующегося ими лица, ибо последнее не обладало правом собственности. Напротив, второе направление не признает общинного землевладения, как эпохи в истории земельной собственности, не находит его у современных германских и романских народов (в раннее средневековье), как и в древнем мире, полагая, что земля повсюду с самого начала поступала в частную собственность определенных лиц или семейств и никакому дальнейшему переделу не подлежала.

Таким образом нельзя отрицать известной тенденциозности и предвзятости взглядов в том и в другом случае. Необходимо, очевидно, внимательное и детальное исследование фактов и объективная, не исходящая из какой-либо заранее установленной теории, оценка их. Только в этом случае может быть сделан правильный вывод,—если вообще какой-либо определенный вывод в смысле ответа на поставленный вопрос о первоначальном аграрном строе может получиться на основании того бедного материала, которым мы располагаем. В недостаточности его и заключается вся трудность проблемы и возможность противоположных толкований. Однако это расхождение во взглядах все же в применении к древней Греции не является столь резким, как в других случаях, так как и противники гипотезы о существовании общинного землевладения в древнейший период не могут не признавать семейной или родовой собственности на землю в более позднюю историческую эпоху, при чем исходной точкой является нераздельность и неотчуждаемость этих земель. Так что частной собственности

и свободного обращения недвижимостей мы во всяком случае установить не можем,—с этим согласны и Фюстель де Куланж и Гиро, как и Макс Вебер и Пельман, хотя они и выводят такую семейную или родовую форму собственности не из экономических и социальных условий, свойственных ранним эпохам хозяйственной жизни, а из религиозных моментов, из семейного культа, или же из обстоятельств военного характера, из военной организации этой эпохи. Так что разногласие сводится главным образом к двум вопросам: во-1-х, существовали ли первоначально общинные переделы, следовательно, перераспределение земель между родами, или же, напротив, господствовала с самого начала родовая собственность, и, во-2-х, сохранились ли остатки первобытного коммунизма, остатки общности имущества вообще (а не земли только) в пределах племени, остатки совместного потребления и т. д., ибо такого рода явления указывают и на наличность общинного землевладения—одно находится в тесной связи с другим.

Эсмен обратил особое внимание на существующие, по его мнению, в Илиаде земельные переделы, но Пельману не трудно было установить недоказанность этого утверждения, так как приводимые цитаты действительно допускают различное толкование. Так:

Двое мужей, находясь на полях пограничных,
С мерой в руках о меже состязаются, громко друг с другом
Спорят о малом пространстве, чтоб равным владеть им наделом [1]

Что это обозначает? Это место можно толковать так, что два человека получили в пользование соседние, одинаковые по размерам, участки общинного поля (тем более, что «epiksynos» может обозначать не только пограничный, но и общий) и один захватил у другого не принадлежащую ему, чрезмерно большую, часть, так что равенства наделов не получилось. Риджвей находит здесь «открытые» поля, на подобие тех, которые существовали когда-то в Англии (Common Field, Oppon Field); последние после снятия урожая образовывали общинное пастбище. Но, конечно, мыслимо и другое объяснение: речь идет попросту о совладельцах, которые решились разделиться, распределяя между собой землю поровну. Они спорят относительно того, правильно ли проведена межа, или по поводу того, где ее следует провести (если она еще не проведена) [2].

[1]) Илиада. XII. 421.
[2]) Там же. XVIII. 542. 550.

Точно также сцена на щите Ахиллеса, где «пахарей много, идя по всем направленьям, яремными правят волами», может обозначать и общинную землю, совместно распахиваемую целой общиной, которой она принадлежит, и частную собственность, обрабатываемую рабами или свободными батраками. В пользу последнего толкования говорит, повидимому, изображенный на том же щите хозяин, который наблюдает за работой жнецов. Наконец, и слова Андромахи, когда Гектор отправляется в бой с Ахиллесом, что Ахилл убьет его и сын их тогда останется беззащитным, «полем его овладеют чужие, межи переставив» [1]), Эсмен и Риджвей толкуют в том смысле, что, в случае смерти отца, надел его отнимается у малолетнего нетрудоспособного сына. Но и тут возможно и другое понимание: земля будет силой захвачена, так как некому будет отстаивать ее.

Более положительные указания дают повествования Диодора Сицилийского. В своей «Исторической Библиотеке» Диодор рассказывает о жителях Книдоса и Родоса, которые, бежав от тирании азиатских царей, отправились в Сицилию, но, потерпев там поражение, обратились на Липарийские острова, где они поселились с согласия жителей. «Затем—продолжает он— страдая от тиренских (этрусских) пиратов, они создали флот и разбились на две части: одна обрабатывала землю, которая составляла общую собственность, другая—отправлялась на борьбу с пиратами. Они объявили равным образом общим и все движимое имущество и устроили совместное потребление продуктов в виде публичных трапез. Такая общинная организация продолжалась в течение некоторого времени. Впоследствии они разделили между собой липарийские земли, где был построен город, что же касается прочих островов, то общинная обработка их продолжалась. В конце концов они распределили землю на всех островах на 20-летний срок, по истечении последнего производится новый земельный передел» [2]). Таким образом—указывает Виолле—еще при Диодоре Сицилийском, т. е. при первом римском императоре, у самых ворот Рима, на Липарийских островах производилось периодическое распределение земель. Рейнак находит, что со времени римского завоевания, когда на этих островах были установлены термы и они стали лечебным местом, общинная собственность должна была исчезнуть. Но кроме того, и это еще существеннее, он

[1]) Илиада. XXII. 489
[2]) Diodor. Bibl. Hist. V. 9.

ссылается на то, что жители Липарийских островов, судя по Титу Ливию, были пиратами и поэтому мы имеем здесь не пережитки старины, а искусственное образование, наиболее соответствовавшее пиратскому режиму. «Желая наиболее тесно сплотить членов своей организации, они заранее устранили все, что могло оказать изнеживающее влияние, споры и гнет, вытекающие из имущественного неравенства: поля, другие виды имущества, движимости, сон, еда, все было сделано общим и занятия поочередно выполнялись каждой из двух групп для того, чтобы различие профессий не вызвало постепенно разницы во вкусах и интересах».

Но такое выделение жителей Липарийских островов и такая характеристика их, в отличие от прочих, в качестве разбойников и пиратов, совершенно игнорирует условия жизни того времени. Вся Илиада и вся Одиссея полны описаний насильственных захватов имущества (стад), уничтожения мужчин и увода в плен и продажи в рабство женщин. Мы уже касались некоторых из этих вопросов [1]) и остановимся еще на других при рассмотрении возникновения торговли (которая первоначально заменялась пиратством) [2]), и увидим тогда, что деятельность жителей Липарийских островов, соединявших земледелие с пиратством, вовсе не составляет исключения, а, напротив, вполне гармонирует с характером наиболее ранних эпох; впоследствии такого рода строй, конечно, являлся уже не более, как пережитком прошлого.

Сообщение Диодора Сицилийского сопоставляют с рассказом Юлия Цезаря о том, что жившие по Рейну свевы каждый год отправляют тысячу человек на войну, прочие же остаются дома и обрабатывают землю для себя и для воинов; в следующем году они меняются в том смысле, что воины становятся земледельцами, а возделывавшие землю уходят на войну. Цезарь прибавляет к этому, что свевы не знают частной собственности на землю [3]). Это сопоставление очень поучительно. И здесь чередование занятий, и здесь общинное землевладение, но отнюдь не в связи с пиратством. Походы же, в которые отправляются свевы, свойственны не им одним. Это охрана своей земли и приобретение новых, в виду недостатка территории. В те времена все племена вынуждены были так поступать. Мало того, по сообщению Цезаря, общинная собственность на землю существовала вовсе не у одних свевов, ко-

[1]) См. выше. стр. 19 сл.. 40. 48 и др.
[2]) См. гл. 7-я. I.
[3]) Caesar. De bello Gallico IV. 1.

торые установили такую попеременность занятий, но и у прочих племен Галлии, с которыми Цезарю пришлось встретиться; она составляла в Галлии в те времена общее явление [1]. О сходных с тем, что мы находим на липарийских островах, свойствах далматов сообщает Страбон. «Особенность далматов—говорит он—состоит в том, что они через каждые восемь лет разделяют поля» [2]; следовательно, общинные переделы здесь сохранились еще в римскую эпоху.

Весьма любопытно и то, что разсказывает Гераклид о жителях Кимы. В случае, если у кого-либо совершена кража, то жители данной местности обязаны сообща покрыть ему убыток. «При некотором желании—говорит Гиро по поводу этих слов—здесь можно найти подтверждение того, что имущество было общим и поэтому кража его нарушала интересы не отдельного лица, а всей группы. Но не является ли более правдоподобным, что эта солидарность представляла собою попросту средство заинтересовать всех в охране безопасности данной местности и образовать из них своего рода общество взаимного страхования от краж» [3]. Едва ли, однако, второе об'яснение отличается большей вероятностью. Общества взаимного страхования относятся к гораздо более поздним периодам хозяйственной жизни, когда индивидуализация в хозяйстве зашла уже весьма далеко и разрозненные хозяйства нужно было снова сблизить и соединить путем коллективных сбережений на случай наступления заранее непредвидимых и убыточных в хозяйственном отношении для того или другого лица явлений. На более ранних ступенях экономической жизни в таких организациях нет надобности, так как существуют иные об'единяющие хозяйствующих суб'ектов союзы, которые преследуют одновременно самые разнообразные цели, в том числе и возмещение убытков своим членам, пострадавшим от того или иного события. Таковы разного рода гильдии, цехи, братства, а еще раньше, до возникновения их, общинные союзы, о которых здесь, очевидно, и идет речь.

Не иначе мы можем об'яснить и следующий, приписываемый Ликургу и сообщаемый в равной мере Ксенофонтом, Аристотелем и Плутархом, обычай, существовавший в Лакедемонии. В Лакедемоне—говорит Аристотель—каждый пользуется рабами другого,

[1] См. мои лекции по истор. экон. быта Зап. Европы. 6 изд. I. стр. 16 сл.
[2] Strabo. VII. 5. 6.
[3] Guiraud. La propriété foncière. p. 19.

вроде как бы своими собственными, точно также лошадьми и собаками, а в случае нужды в с'естных припасах, и продуктами, получаемыми с государственных полей. Если ему, напр., нужна лошадь, он берет ее, пользуется и затем снова ставит на прежнее место. Точно также, если кто-либо запоздает на охоте и будет голоден, то он берет из кладовых других лиц то, что ему нужно. «При такой взаимной помощи даже лица, не имеющие средств, могут пользоваться всем, что имеется в стране» [1]). Здесь, конечно, нет речи ни о «случайных и редких» фактах, когда обращаются за помощью «к друзьям и близким», не говорится ни о подарках, ни о гостеприимстве, уже хотя бы потому, что гостеприимство, и дарения предполагают разграничения «моего» и «твоего», тогда как там, где его нет, там просто пользуются, как в приведенных случаях, имуществом, принадлежащим всем сообща, но находящимся во временном пользовании то одного, то другого лица. Нечего говорить, что и сопоставление этих обычаев, существовавших в Спарте (созданы ли они Ликургом или нет, не имеет значения), с требованием Платона, якобы нарушающим частную собственность, в виде предоставления страннику для утоления голода и жажды рвать по дороге виноград [2]), совершенно не основательно. В последнем случае имеется пользование растущими на свободных пространствах и не принадлежащими никому в отдельности плодами—обычай, который сохранился и впоследствии, долго спустя после установления частной собственности не только на движимости, но и на недвижимое имущество. В проводимом же постановлении лакедемонян упоминается об общем пользовании движимостями, т. е. о явлении наиболее древнем.

Правдоподобность предложенного Виолле и принимаемого нами толкования подтверждается тем обстоятельством, что речь идет, именно, о Спарте, относительно которой имеются и другие сведения, вполне гармонирующие с общностью движимого имущества. Мы имеем в виду в особенности известные «сисситии», т. е. общие трапезы, существовавшие в Спарте. «Граждане сходились—рассказывает Плутарх—за общий стол и ели мясные и мучные кушанья, предписанные законом. Каждый из сисситов приносил ежемесячно медимн ячменя, восемь кружек вина, пять мин сыру, две с половиной мины винных ягод и затем немного денег для

[1]) Aristot. Polit. II. 2, 5 (пер. Жебелева). Xenophon. Resp. Laced. VI. 3—4. Plutarch. Laced. 23.

[2]) Platon. Leges. VIII. 845 A.

покупки другой провизии». «Никто не имел права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, не должен был заставлять себя откармливать своим отличным поварам, как прожорливых животных, вредя этим и душе и телу, предаваясь всяческим порочным наклонностям»[1]). Суть не в том, учредил ли эти сисситии Ликург—спартанцы все приписывали ему—или они, что гораздо вероятнее, существовали с наиболее ранних времен, а в том, чем вызывался обычай такого рода. Изнеживающим влиянием частных трапез едва ли кто-либо станет в настоящее время (по примеру древних) об'яснять его, хотя, как мы видели, общинный строй на Липарийских островах Рейнак и другие готовы сводить к такого рода моментам. Но из того факта, что первоначально совместное потребление пищи сопровождалось жертвоприношением, имело религиозный характер, и Гомер говорит не о зарезывании, а о «заклании» быков, из названия «обед богов» и т. д.—различные авторы готовы заключить, что эти публичные обеды вызваны религиозными моментами. Кроме того—как об'ясняет Фюстель де Куланж—за трапезой присутствовали и умершие, невидимые лишь потому, что они являлись тенями, и семья, собираясь каждый день за обеденным столом, обязана была кормить их. Однако, из всего этого могли вытекать в лучшем случае трапезы, на которые собиралась семья, в узком или в широком смысле, но вовсе не совместное потребление пищи целыми поселениями, обширными племенными группами. И такие групповые (общинные) трапезы—как указывает тот же Фюстель—имели место не в одной Лакедемонии, но первоначально повсюду в Греции, в самых разнообразных областях ее, в Пилосе, в Афинах, в Таренте, в Аргосе в Фигалии, на Тенедосе, составляя институт, свойственный индогерманским народам вообще в раннюю эпоху их истории. О таких совместных обедах у древних германцев рассказывает Тацит; современные путешественники находили их у неевропейских народов.

Очевидно, религиозные представления тут не при чем, однообразие явлений у столь отличных друг от друга племен и рас можно об'яснить лишь однородностью социально-экономических условий в определенную эпоху. С течением времени, с изменением хозяйственной организации, этот обычай, как и следовало ожидать, исчез в большинстве греческих государств: первобытная комму-

[1]) Plutarch. Lycurg. 10.

нистическая община уступила место роду, и вполне естественно и потребление приняло родовой характер. В Афинах лишь по случаю празднеств фратрии собирались на общую трапезу, об'единялись для этой цели и 50 пританов. Напротив, в Лакедемонии первоначальный обычай сохранился в историческую эпоху. Если Дионисий Галикарнасский усматривает причину сохранения института совместного потребления пищи в Спарте в то время, когда он повсюду и везде в Греции успел исчезнуть, в желании удержать военную дисциплину, в надежде, которую питали, что «воин не покинет своего товарища по столу»,—то для древнего автора это понятно. Спарта славилась своей специфически-военной организацией, воинским духом, к созданию которого было направлено все воспитание юношества и все государственные учреждения. Но в настоящее время мы знаем, что в хроническом состоянии войны находились все государства древней Греции и все они имели военную организацию. Землевладельцы являются в то же время и общинами воинов, которые приобрели землю мечом и заботятся о сохранении ее и, следовательно, о военном воспитании следующих поколений [1]). Мало того, такие же ежедневные публичные обеды, как в Спарте, сохранились, как указывают Платон и Аристотель, и на острове Крите, к которому, и по представлению древних, характеристика особой воинственности, прилагаемая к спартанцам, не подходила [2]).

В историческую эпоху мы уже находим сисситии, конечно, не в первоначальном их виде, а в значительно измененной форме. Первоначально, по словам Плутарха, спартанцы являлись к обеду вооруженные, и об'ясняет он это желанием Ликурга устроить так, чтобы они в любое время могли исполнить отдаваемые им приказания [3]). На самом деле в первобытную эпоху, в виду непрерывного состояния войны, население ходит всегда вооруженным. По словам Фукидида, у локров отольских, этолян, акарнанов и т. д. еще в его времена сохранился обычай ношения с собой оружия. Население является с оружием и на народное собрание, и на рынок, не снимает его и за трапезой. Впоследствии авторы уже об этом не упоминают, этот обычай исчез, так же как и в других отношениях произошли перемены—обедающие разбивались на небольшие группы, потребляли и в другое время пищу

[1]) Weber. S. v. Agrargesch. (Altert). Handw. I. p. 96. 102
[2]) Platon. Leges. 625 D—E. Arist. Polit. II. 7. 3 и сл.
[3]) Plutarch. Apophtegm. lac. Lycurgi. 4.

индивидуально и т. д. На Крите же сисситии сохранились в гораздо более чистом виде—там в них участвовали все, мужчины, женщины, дети, и притом кормились на счет государства, и на эту цель отчислялась известная часть общественных доходов [1]). Впрочем, Платон упоминает о том, что сисситии, как в Спарте, так и на Крите, «предназначены только для мужчин», для женщин же нигде «правильно не указаны» и находит, что женщины не согласились бы подчиниться такому обычаю, «явно, на виду у всех принимать пищу и питье», ибо они «привыкли жить укрыто в тени» [2]).

Наконец, указанным институтам Лакедемонии вполне соответствует рассказ того же Плутарха о том, что Ликург «убедил граждан отказаться от своей земли и передать ее государству, а затем произвел новый раздел ее, для того, чтобы все находились в равных условиях». Он разделил Лаконию на 30 тыс. земельных участков, а округ Спарты поделил на 9 тыс. участков для спартанцев. Впрочем, «некоторые говорят, что Ликург выделил только 6 тыс. участков и что 3 тыс. остальных прибавлены позже Полидором; другие же утверждают, что из 9 тыс. участков половину роздал Ликург, а половину Полидор» [3]).

Означает ли это сообщение периодические переделы земли—решить не легко. Быть может, они имели место—это гармонировало бы с приведенной выше общностью движимого имущества и с совместным потреблением пищи. Характерно, во всяком случае, что—как указывает Диодор (см. выше)—и на Липарийских островах на ряду с общинной собственностью на землю существовало и совместное потребление. «Они сделали имущество общим и устроили публичные обеды». Различные исследователи и приводят в тесную связь оба эти момента, рассматривая сисситии, как последствие коммунистического строя (Виолле, Лавеле, Трибер, Эд. Мейер, Бюхер) [4]).

Как бы то ни было, запас свободных земель, принадлежащих государству, который мог быть об'ектом распределения, мы, несомненно, находим в Спарте, возможно, что и в других территориях. Для древнейшего времени об этом свидетельствуют гомеров-

[1]) Thukydid. I. 5. Aristot. Polit. II. 7. 3.
[2]) Platon. Leges. 680 E. 681 C—D. (Пер. Егунова).
[3]) Plutarch. Lycurg. 8.
[4]) Viollet. Bibl. etc. Laveleye, ук. соч. Bücher в нем. изд. Лавеле (Ureigentum, 326). Ed. Meyer. Gesch. des Altertums. II. 318. 323. Triber. Forsch. zur spartan. Verfassungsgesch. 25 ff.

ские гимны (VII ст.), упоминающие о неподеленных и невозделанных участках (akleros, aktitos)[1], как и встречающееся в Илиаде наделение общиной тех или других лиц находящейся в ее распоряжении землей, которой она, очевидно, распоряжалась по своему усмотрению. Так, Мелеагру разрешено было этолийскими старцами за помощь городу выбрать лучший участок земли «мер в пятьдесят, позволяя одну половину нарезать средь виноградных садов, а другую средь пахоти цельной». Беллерофонту ликийцы отвели «участок земли и садами и пашней богатый, больший, чем прочим»[2]. Гиро указывает на то, что, в противоположность этим нарезываемым участкам пахоти, садов, виноградников, о наделении пастбищами у Гомера никогда не упоминается, как и не говорится о них при перечислении земельных богатств, принадлежащих тому или другому лицу,—а ведь скот имелся в огромном количестве, и в выгонах весьма нуждался. Он полагает, что причину умолчания следует искать в общинном характере пастбищ, в том, что скот выгонялся на них совместно, деления на участки не производилось[3]).

Мы привели различные данные, касающиеся как древнейшего аграрного строя, так и отчасти несколько более поздней эпохи. Данные эти отличаются неодинаковой точностью и достоверностью: одни ясны, другие допускают различные толкования: одни прямо указывают на наличность земель, принадлежащих государству и распределяемых им среди населения (хотя существование периодических переделов более всего вызывает сомнений), другие свидетельствуют об общем характере первобытного хозяйственного строя (совместное владение движимостями, совместное потребление), что и само по себе существенно и позволяет с известной вероятностью утверждать, что и земля, как утверждает, напр., Виламовиц, не являлась первоначально частной собственностью отдельных лиц или родов[4]).

II.

В историческую эпоху наблюдаем собственность патриархальных семей или родов (genos). Роду принадлежит «kleros», т. е. полученный по жребию участок, а за пределами этих родовых

[1]) Hymn. Homer. Aphrod. 122.
[2]) Илиада. IX. 579. VI. 195.
[3]) Guiraud. Propr. p. 66.
[4]) Willamowitz-Moellendorf. Aristoteles und Athen. II. p. 47.

земель лежат обширные общинные невозделанные угодья, пастбища, леса. Только в Спарте, где старинные порядки сохранялись гораздо дольше, чем в других государствах, и в историческую эпоху остались характерные для древнейших времен институты.

Уже в гомеровском эпосе собственность после смерти родоначальника делится между наследниками, она распределяется по жребию. После смерти Кроноса Посидон, Зевс и Аид делят между собой наследство его на три части, бросив жребий. Так, очевидно, происходило, по представлениям певца, не только на небесах, у бессмертных, но и на земле, у людей. Одиссей, рассказывая Эвмею вымышленную историю о себе, прибавляет, что после смерти его отца братья, его «богатства разделив меж собой по жребию», дали ему самый малый участок [1]). А с другой стороны, один из древнейших законодателей Греции Харонд (в греческой колонии Катане в Сицилии) говорит о родственниках, которые живут совместно, едят из одного котла (homosipioi, homotrapezoi) [1]). Из Гортинского судебника, составленного на острове Крите около 300 г. до Р. Х., видно, что раньше на Крите господствовало отрицательное отношение к дележу наследств [2]). В Спарте же, по словам Полибия, еще и впоследствии после смерти отца недвижимости оставались в нераздельном владении братьев [3]).

Из родового характера имущества вытекают ограниченные права женщин (переходящих вследствие брака в другой род) и агнатический порядок наследования (в роде отца, а не матери). Это ясно выражено в Гортинских законах: после смерти все городское имущество — дома и все, что находится в них, и скот мелкий и крупный переходят к сыновьям, они, ведь, только пользуются политическими правами; лишь остальное делится между сыновьями и дочерьми, но первым принадлежит вдвое более, чем вторым (две части вместо одной) [4]). Здесь уже сделана уступка в пользу дочерей, но еще заметно первоначальное состояние, когда они вовсе не участвовали в дележе наследства. Если нет нисходящих — читаем там же, — то имущество наследуют братья умершего, дети братьев или внуки братьев и только при отсутствии как братьев, так и их потомства, вступают в качестве наслед-

[1]) Илиада. XV. 189. Одиссея. XIV. 209.

[2]) Гортинские законы. Текст с рус. пер. Мирошникова. Зап. Имп. Русск. Археол. Общ. т. III. 1888. Стр. 327 сл. (Отд. V и VI).

[3]) Polyb. XII. 6. 8.

[4]) Гортинск. зак., отд. V

ников сестры и их потомство [1]). В Аттике женщины имели право лишь на содержание и на приданое, но право на недвижимости им не принадлежало [2]). В речи Исея против Ксенета упоминается об отце, оставившем сына и двух дочерей, но наследует только сын [3]). В речи Лисия против Мантитея фигурируют два сына и две дочери, наследуют одни лишь сыновья [4]). Главная наследница Зевса Афина—читаем у Аристофана. Неужели—спрашивает он—она могла бы наследовать ему, если бы у нее были законные братья? [5]).

Однако, дочери в качестве наследниц могут заменять сыновей—под именем «epikleroi» не имеющий сына отец через посредство дочери создает себе наследника. К ней переходит наследство («клерос» — жребий) с тем, что рождаемый ею ребенок мужского пола считается сыном ее отца, своего деда. Этот индогерманский институт (его мы находим и у индусов, и у южных славян) характеризовался в Греции тем, что дочь в этом случае обязана вступить в брак с близким родственником (одним из братьев отца или из сыновей братьев) и самая выдача ее замуж, в виду соединения этого акта с передачей родового (принадлежащего воинам) имущества, составляет событие общественного значения, почему в совершении его участвует царь или магистрат [6]). Об этих дочерях-наследницах упоминает ряд авторов [7]).

Другим средством сохранить недвижимость в руках способного к ношению оружия наследника, вступающего в род, как и приобрести сына, который мог бы совершать жертвоприношения в пользу умерших (после смерти отца), являлось, при отсутствии сыновей, усыновление—искусственное создание сына («anfansis» от глаг. «anafainomai»—«показываю в качестве собственного»), которое у некоторых народов принимает характер «покупки сына» (параллель с покупкой невесты), тогда как удочерения первоначальное право не знает—оно было бы в те времена бессмыслицей [8]).

В случае усыновления, повидимому, впервые появляется институт завещания. В то время, как по общему правилу оно не допускается, ибо не признается возможным отчуждение наследства

[1]) Гортинск. зак., отд. V.
[2]) См. Hermann-Thalheim. Lehrbuch der griech. Rechtsaltert. 3. Aufl. p. 56.
[3]) Isaias. In Xenaet. 4.
[4]) Lysias. Pro Mantith. 10.
[5]) Aristophan. Aves. 1653.
[6]) Schrader. Reallexicon. s. v. Erbtochter.
[7]) Herodot. VI. 57. Aristot. Polit. II. 6. 11. Diodor. XII. 18.
[8]) Schrader. l. c.

на сторону и человеку не предоставляется еще права распоряжаться собственностью после смерти, для случая усыновления делается исключение, в целях искусственного продолжения рода. Это видно из совпадения слов — «усыновленный» и «завещать» — первое есть производное от последнего («tetos» от «diatitestai»). Плутарх рассказывает о том, что до Солона нельзя было составлять завещания, Солон же дозволил завещать свое состояние, но только бездетным [1]). Во всяком случае, завещание существует в Афинах только с этого времени, т. е. с VI ст. В Спарте допущение этого института (передачи по завещанию дома, земли и скота) Плутарх приписывает Эпитадею, т. е. это совершилось только в IV ст. [2]). Из Платона видно отношение древних к распоряжению своим имуществом посредством завещания. Оно казалось им чем-то совершенно неестественным. «О, боги, какой ужас!—восклицает человек перед смертью—свое собственное имущество я не в праве отказать или не отказать кому хочу: одному больше, другому меньше, сообразно с тем, насколько плохо или хорошо относились ко мне люди». Но законодатель отвечает готовящимся к смерти: «друзья, сегодня вы здесь, а завтра вас нет; трудно вам разобраться в вашем нынешнем имуществе, да и в самих себе... вы не принадлежите сами себе и это имущество не принадлежит вам; все нынешнее поколение и его собственность принадлежит всей совокупности ваших предшествовавших и имеющих последовать поколений, а еще более—государству» [3]).

Подобным же образом Платон относится и к отчуждению недвижимостей при жизни—посредством дарения или купли-продажи. «Сохраняйте величину и размер вашего имущественного надела, не бесчестите ваш первоначальный соразмерный надел куплей или продажей между собой, ибо не будет вам в этом союзником ни бог, ни законодатель» [4]). Что такое пожелание Платона не являлось утопией, видно из слов Аристотеля: во многих государствах в древнее время существовал закон, запрещавший продавать свой «клерос», т. е. родовое имущество. Такое положение, как и следовало ожидать, наиболее долго сохранялось в Спарте, где еще в IV ст. считалась позорной продажа земли вообще, отчуждение же старинных родовых земель (archaia moira)

[1]) Plutarch. Solon. 21.
[2]) Plutarch. Agis. 5.
[3]) Platon. Leges. XI. 922 D. 923 A. (Пер. Егунова).
[4]) Ibid. V. 741 B.

вообще не допускалось [1]). Но первоначально однородные правила существовали и в других местах. Так, у локров есть закон, запрещающий продажу собственности, «если к тому не побуждает очевидная нужда». В Фивах Филолай постановил, что число «клеросов» (жребиев) должно сохраняться прежнее, и точно также Фидон в Коринфе добивался того, чтобы количество семейных наделов всегда оставалось равным числу граждан,—в обоих случаях, очевидно, ни отчуждение, ни даже раздел земель не были возможны. При этом, однако, Фидон вовсе не стремился к имущественному равенству, ибо—прибавляет Аристотель—«первоначально все имели неравные по размеру владения» [2]). Многие из этих постановлений, напр. Фидона, относились к очень отдаленным временам (к первой половине VII ст.) и впоследствии уже потеряли свою силу, обращение недвижимостей стало свободным. Но в Милете, напр., продавшему родовое имущество грозил отказ от погребения на родине. В Аттике, повидимому, еще до Солона существовало обращение земли, но, по словам того же Аристотеля, и Солон не дозволял гражданам сосредоточивать в своих руках какое угодно количество земли; к сожалению, нам не известно, в чем заключались эти ограничения.

Как мы видим, идея равенства, хотя бы в смысле сохранения прежнего количества собственников и недопущения сосредоточения земли в руках немногих, глубоко засела в умы древних греков, и стояла у них, очевидно, на первом плане. Действительно, земля составляла у них, повидимому, и в позднейшую эпоху главный источник богатства, даже тогда, когда появился торговый капитал, и сосредоточение ее в немногих руках означало разорение, умаление социального достоинства и политических прав для одних, усиление власти и богатства для других. Отсюда и впоследствии каждый раз попытки осуществить гораздо более радикальную меру—вновь распределить землю. О таких попытках идет речь, по рассказам Плутарха, в III ст. до Р. Х. в Спарте, в Ахайе [3]), по словам Тита Ливия, во II ст. в Аргосе, Этолии, Фессалии [4]). Старые предания и идеи о принадлежности всей земли государству и праве его распорядиться ею по своему усмотрению, взгляд на землю, как на общую собственность, не успели исчезнуть,

---

[1]) Aristot. Polit. VI. 2, 5.
[2]) Aristot. Polit. II. 3. 7; 4. 4; 6, 10.
[3]) Plutarch. Kleomen. 11. 17.
[5]) Titi Livi. XXXII, 38. XLII, 5.

выдвигались каждый раз снова как средство борьбы с обнищанием населения, с растущим неравенством.

Но на ряду с требованием нового раздела земель постоянно раздается и другое требование—освобождения населения от долгов, признания их недействительными. Оно выставляется во всех приведенных случаях—в Ахайе и в Арголисе, в Этолии и в Фессалии. Освобождение от долгов, под которым понималось и ограничение процентов известным максимумом, нередко также отмена продажи в рабство за долги, являлось в значительной мере тождественным новому переделу земель. Последние ведь перешли в руки немногих в качестве залога, и упразднение долга было бы равносильным возвращению земли их прежним собственникам. Отсюда социальная борьба, готовность массы задолженных крестьян итти за всяким, кто выполнит эти требования ее.

Но эти же данные свидетельствуют и о том, что первоначальное хотя бы относительное равенство в области землевладения повсюду исчезло, что стеснения в условиях отчуждения недвижимостей, которые были первоначально установлены, либо были отменены, либо обходились тем или иным способом, в особенности путем залога земель, и таким образом потеряли свое значение. Во всяком случае, если судить по указанным отрывочным данным относительно попыток нового распределения земель и отмены долгов, в позднейшую эпоху в Греции создались нездоровые экономические условия. Относительно Спарты Аристотель утверждает, что «одной части граждан довелось стать обладателями ее в очень больших размерах, тогда как другая часть вынуждена ограничиваться самой ничтожной собственностью, земельная собственность... досталась в руки немногих лиц. Платон приписывал эту перемену законодательству Эпитадея, который допустил дарения при жизни и передачу земли по завещанию, а Плутарх указывает, что в III ст., во времена Агиса в Спарте насчитывалось не более сотни земельных собственников (имеющих «kleros»), вся же остальная масса без средств и без прав («aporos» и «atimos») [1]).

Чем это вызвано было, мы, к сожалению, не знаем, так же как нам неизвестны и причины, создавшие требование нового раздела в других греческих государствах. Фюстель де Куланж высказывает лишь предположение, что едва ли закон Эпитадея, допустивший известную свободу обращения недвижимостей, мог вызвать столь резкий и

[1]) Aristot. Polit. II. 6. 12. Plutarch. Agis. 5.

быстро обнаружившийся переворот. Он полагает, что уже раньше спартанцы фактически отчуждали землю при помощи действительных или мнимых долгов, вследствие чего доходы поступали в пользу другого лица, собственник же являлся таковым лишь по имени. По словам Плутарха, задолженность землевладельцев была столь велика, что, если бы им предоставлена была свобода от долгов, они, не жалуясь, отказались бы от своих земель. После принятия закона Эпитадея все эти недвижимости перешли и формально в руки действительных владельцев, прежних кредиторов, тем более, что нет ничего легче, как облечь продажу—последняя была и теперь запрещена—в форму передачи по завещанию [1]). Что же касается причин самой задолженности и фактического отчуждения земель еще до IV ст., то их можно найти в указании Ксенофонта на то, что лакедемоняне, которые прежде боялись обнаружить, что они имеют деньги, теперь стали гордиться нажитыми состояниями. У Плутарха читаем, что после того, как Лисандр разграбил различные местности Азии, а затем в 404 г. до Р. Х. взял Афины, в Спарте в огромном количестве скопилось золото и серебро, и точно также Платон утверждает, что во всей Греции меньше золота и серебра, чем в одной только Лакедемонии [2]). В этом приливе благородных металлов в чисто-аграрную страну—торговля и промышленность в Спарте были мало развиты—и в накоплении крупных денежных богатств и усматривают причину социального переворота, выразившегося в скоплении земель в немногих руках: золото и серебро дало возможность счастливым обладателям их захватить землю в свои руки.

В Афинах, повидимому, аграрное развитие было несколько иное, хотя конечный результат получился тот же. Еще до Солона, который был архонтом в 594 г. до Р. Х., земля была сильно задолжена и должники на ряду с отдачей в залог земли теряли—как это соответствует первобытной эпохе—и свободу; либо отдавали себя немедленно в кабалу, либо продавались в рабство, в случае неуплаты долга. Об этом свидетельствует законодательство Солона. Плутарх повествует о том, что, по распоряжению Солона, «прощались прежние долги и запрещено было давать кому-либо впредь деньги под залог своего собственного тела. Впрочем—прибавляет он—некоторые писатели, в том числе и

[1]) Fustel de Coulanges. Nouvelles Recherches. p. 108 сл.
[2]) Xenophon. Respubl. Lacedaemon. 14. Platon. Alkibiades. I. 18. Plutarch. Agis. 13.

Андротион (автор «Истории Аттики» до 348 г.) говорят, что Солон удовлетворил бедняков не прощением старых долгов, а уменьшением размера уплачиваемых процентов, вследствие чего они и назвали эту благодетельную меру, как и увеличение веса и стоимости монеты—сейсахтией, т. е. освобождением от бремени»[1]. Другие писатели рассказывают, однако, что сейсахтия состояла, именно, в полном уничтожении долгов, что находит себе подтверждение в поэтических произведениях Солона[2]. В них он гордится тем, что повсюду приказал убрать с заложенной земли долговые камни и что вернул граждан, проданных в другие страны за долги (см. ниже гл. IX). Вопрос о том, в чем заключалась сейсахтия Солона, является в настоящее время спорным, хотя большинство современных авторов склоняется к тому мнению, что на ряду с прекращением продажи в рабство за долги здесь имело место полное уничтожение долгов, а не одно лишь понижение процентов[3].

Одновременно с этим, как мы видели, Солон, по словам того же Плутарха, допустил передачу недвижимостей по духовному завещанию, в случае отсутствия детей, что же касается свободы обращения недвижимостей, то она, повидимому, во всем остальном господствовала уже до него; и впоследствии ограничений, очевидно, не было, считалось лишь правилом приличия не продавать родового имущества. Однако, по Аристотелю, лишь полноправные граждане могли владеть землей, а к ним относились только рожденные в законном браке двух полноправных афинских граждан[4], так что метеки, вольноотпущенники и иностранцы не могли приобретать землю, а следовательно, и заниматься кредитными операциями под залог земли (ибо в этом случае земля могла перейти в руки кредитора). Между тем земельный кредит относился к числу выгодных способов помещения капитала; повидимому, практиковалась и купля-продажа земельных участков в виде промысла. У Ксенофонта Исхомах рассказывает Сократу о том, что отец его доказал на деле, как выгодно заниматься земледелием, ибо покупал запущенные участки и затем превращал их в плодородные и доходные, но также и занимался

[1] Plutarch. Solon. 15.
[2] Aristotel. Athen. Polit. VI. XII.
[3] См. Willamowitz-Moellendorf. Aristoteles und Athen. B. I. 42. B. II. 62 310. Ed. Meyer. Gesch. des Altertums. II. 652. Billeter. Gesch. des Zinsfusses im griechisch-römischen Altertum. 1898. p. 7. Schoemann-Lipsius. Griech. Alterthümer. 4. Aufl. 1897. I. p. 344.
[4] Aristot. Polit. III. 1, 9. IV. 9, 5. Athen. Polit. XLII.

продажей их,—причем и то и другое Исхомах об'яснял «любовью к земле» своего отца. На это Сократ ему с сарказмом отвечает, что отец его был, повидимому, не менее «землелюбив», чем «хлеболюбивы» те купцы, которые, узнав, что где-либо много хлеба, по своей особенной любви к нему, едут туда и закупают, и затем продают его не повсюду, где угодно, а там, где наиболее дорого за него платят. «Как кажется, и твой отец был любителем земли в таком роде». Исхомах смущен: «Ты шутишь, Сократ, но я знаю и землевладельцев, которые строят дома, продают их и строят новые.—Без сомнения,—сказал на это Сократ,—да и я сам готов поклясться, что все любят то, отчего ожидают для себя прибыль»[1]).

Однако, свобода распоряжения землей в Аттике, повидимому, привела к тем же печальным последствиям, какие обнаруживались в других греческих государствах. Лисий, правда, упоминает о том, что, после падения тридцати тиранов, в 403 году некий Формист предложил предоставить политические права исключительно собственникам земли и последних в Аттике оказалось 15 тысяч из 20 тысяч граждан. Однако, Гиро правильно указывает на то, что как бы ни была точна эта цифра (число граждан старше 18 лет Демосфен, Плутарх и другие авторы, как мы приводили выше, определяют действительно в 19—21 тыс.), но она мало доказывает, ибо, ведь, могло существовать небольшое количество крупных владений на ряду с много-численными мельчайшими участками, состоящими, напр., из садика[2]). Иными словами, сюда могли входить и земли, не дававшие владельцу достаточного пропитания. В комедиях Аристофана—как мы видели выше—изображаются постоянно крестьяне, так что они, очевидно, играли важную роль в социальной жизни древней Греции. Но в то же время в одной из последних комедий его, относящейся к 392 г., «Женщины в народном собрании», женщины решительно протестуют против господствующего крайнего неравенства в распределении богатств, выражающегося прежде всего в том, что земля сосредоточивается в руках немногих: «прочь порядок, при котором один богат, другой нищий, один владеет обширными имениями, а у другого нет места даже для могилы». Предводительница женщин Праксагора «обратила в общее достояние поля, а затем деньги и остальные виды владения»[3]).

[1]) Xenophon. Oikon. XX. 22, 26—29.
[2]) Guiraud. La propr. foncière p. 391 сл.
[3]) Aristophan. Ecclesiazus 598 сл.

И Платон придает огромное значение вопросу о справедливом распределении земель и сложении долгов. Он упоминает о людях, «обладающих в изобилии землей»; было бы хорошо, если бы они «пожелали отнестись с снисхождением к многочисленным своим должникам, видя их нужду, если бы они согласились часть долгов простить, часть же своего имущества поделить» [1]).

Повидимому, в это время, в IV веке, обнаруживается сильная задолженность земель. Это видно из того факта, что ипотечные столбы (poroi) на землях, отданных в залог, которые были упразднены Солоном, возродились только со времени Пелопонесской войны. «Число известных нам столбов слишком велико, чтобы можно было это обстоятельство приписать случайности в смысле сделанных раскопок; мы не настаиваем, конечно—читаем в комментариях к ипотечным записям,—что ипотека применялась не ранее IV ст., но имеем основание предполагать, что ипотечные столбы появились лишь в эту эпоху, когда ипотечная система достигла своего полного развития» [2]).

И у ораторов IV ст., Исея и Демосфена, мы встречаем частое упоминание о задолженности земель. Оно и должно было повести к нездоровым явлениям в области распределения земельной собственности.

А последние в свою очередь создавали ту пропасть между богатством и бедностью, которою характеризуется эпоха после Пелопонесской войны. Платон противополагает современности доброе старое время, когда люди не нуждались в пище, имели все в изобилии, а потому относились друг к другу доброжелательно, когда не было ни богачей, ни особенно бедных. «Наиблагороднейшие нравы—прибавляет он—пожалуй, возникают в таком общежитии, где не обитают рядом богатство и бедность! Ведь там не будет места ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти» [3]). Из согнанных с земли, вследствие задолженности, людей и должен был образоваться тот пролетариат, который мы находим в Афинах в эту эпоху.—Что такое демос?—спрашивает Сократ одного из своих учеников?—Демос это беднота,—отвечает тот с уверенностью [4]). Рост торгового капитала создал пауперизм, создал ту безработную массу, которая содержалась на счет государства; установлена же была даже плата за посещение народного собрания—настоящее жалованье пролетариям [5]).

1) Platon. Leges. V. 736 C—D.
2) Rec. des inscript. jurid gr. I. 122.
3) Platon Leges. III. 679 A—B.
4) Xenoph. Memorab. IV. 2, 37.
5) Схол. k Aristoph. Eccles. 102. Виппер. Ист. Греции, 444

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Промыслы [1].

I.

Бюхер различает для наиболее ранних эпох хозяйственной жизни две формы промышленности: производство промышленных изделий для собственных потребностей, в пределах домохозяйства и для нужд последнего, с одной стороны, и зачаточную форму ремесла (Lohnwerk), с другой стороны, где имеет место обработка сырья для сбыта, но сырья, не принадлежащего ремесленнику, а полученного им от потребителя, по заказу и по указанию которого он работает у себя дома или в помещении заказчика. В древнейшую эпоху греческой истории мы уже находим, как это видно из гомеровского эпоса и из Гезиода, обе эти формы промышленности. Слова Гезиода:

«Труд никакой не позорен, позорно одно лишь безделье» —

в эту эпоху встречают всеобщее признание. Работают все, даже бессмертные боги на Олимпе. Гефест, великий мастер по обработке

---

[1] Francotte L'industrie dans la Grèce ancienne. 1900. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. 1900. Bücher. Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte (Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte. 1922). Его же. s. v. Gewerbe в Handwört. der Staatswiss. 3. Aufl. Dictionnaire des antiquités grecs et romains s. v. artifices, metalla, vasa, metoikoi, mercatura и др. Blümner. Griech. Privataltertümer. Schoemann-Lipsius. Griech. Altertümer. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb. Brants. De la condition du travailleur libre dans l'industrie athénienne. (Révue d'instruction public Belge. T. 26). Cauer. Die Stellung der arbeitenden Klassen in Hellas und Rom. (Neue Jahrbücher fur das klass. Altertum. 1899). Clerc. Les metèques athéniens. 1893. (Bibl. de l'école française d'Athène et de Rome. T. 64). Ardaillion. Les mines du Laurion. 1897 (Ibid. T. 27). Kretschmer. Die Griechischen Vaseninschriften. 1894. Wilisch. Die altkorintische Thonindustrie. 1892. Rayet-Collignon. Histoire de la céramique grecque. 1888. Klein. Die griechischen Vasen mit Meistersignaturen. 1887. Ed Meyer. Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1895). Beloch. Die Grossindustrie im Altertum (Zeitschr. für Sozialwiss. II). Poehlmann. Gesch. der sozialen Frage etc. I. 1912. Riedenauer. Handwerk und Handwerker in den homerischen Zeiten. 1873. Тюменев. Очерки экономич. и социальн. истории Греции Т. I. 1920.

металлов, отдает себя в распоряжение богов. Он строит для Геры двери с тайным засовом, который никто из бессмертных не умел отодвинуть. По просьбе Фетиды он изготовляет доспехи для Ахиллеса—щит огромный и крепкий, панцырь, горящего пламени ярче, шлем тяжелый, к вискам приходившийся плотно, наконец, латы ножные из гибкого олова. При этом сам он работал, а другие лишь помогали ему «ковать то быстрее, то тише». Афина Паллада изготовляет одеянье для Геры и для себя — легкий покров с дивным шитьем, пестрый, который «сама соткала, трудившись руками». Нимфа Калипсо и Цирцея сидят с челноком золотым за широкой, прекрасной, божественно-тонкой тканью и поют звонко-приятным голосом. Аполлон и Посидон даже вынуждены, по приказанию Зевса, в Трое «год прослужить за условную плату гордому Лаомедону»—один «окружил крепкозданной стеной жилище троянцев», другой—пас быков на высотах лесистых Иды [1]).

Не менее усердно работали цари и царицы и их потомство. Сыновья Приама Ликаон и Парис сами работают—один «со смоковницы острою медью юные ветви срубает для обшивки перил колесницы», другой—построил сам себе дом при содействии зодчих искусных. И Одиссей сам возвел свои хоромы, «двери двустворные сбил из досок и на петли навесил», затем обтесал и пробуравил дерево для кровати и украсил ее золотом, серебром и слоновою костью. Неудивительно, что, и находясь у Нимфы Калипсо, он сам соорудил себе корабль в течение четырех дней; срубил деревья, обтесал их, пробуравил брусья, сделал дно, палубу, кормило, мачту и парус. Женщины, сколь бы они знатны ни были, всегда сидят за прялкой и ткацким станком. К ним отправляет Гектор Андромаху, а Телемах свою мать Пенелопу. Елена выбирает из сундуков «множество пестрых узорчатых платьев ее рукоделья». Ахилл отказывается от дочери Агамемнона, даже «если б она в красоте с золотой состязалась Кипридой, если б в работах она синеокой равнялась Афине». Гипподамия «красотою, умом и искусством в работах всех затмевала в кругу своих сверстниц», а взятую им в плен Хризеиду Агамемнон предпочитает своей жене Клитемнестре, ибо она не хуже «телом и ростом своим, ни умом, ни искусством в работах» [2]).

[1]) Илиада V. 734. XIV. 166. 178. XXI. 443 сл. Одиссея V. 61.

[2]) Илиада. I. 113. III. 125. VI. 313. 490. IX. 388. XIII. 431. XXI. 37. Одиссея. I. 353. V. 244 сл. XV. 105. XXIII. 190 сл.

Но Андромаха или Пенелопа прядет и ткет не одна—они работают в кругу своих рабынь. Труд последних—центр тяжести крупного хозяйства того времени, в нем прежде всего выражается производство для собственных потребностей домохозяйства. В доме Одиссея 50 рабынь и столько же у царя Алкиноя—они «заняты все рукодельем домашним», размалывают зерно, приготовляют хлеб, прядут, ткут, выделывают одежды. «Блюди, чтоб служанки свершали точно работы свои» — говорит Гектор Андромахе. Царица Феаков уже с утра сучит нити у очага вместе с рабынями. Агамемнон, отказывая жрецу Хризу в возвращении взятой им в плен дочери, предсказывает ей печальную долю: старость ее настигнет «в Аргосе, в нашем жилище, от отчего края далеко, ткацкий станок обходящей»: станок был так устроен, что ткач вынужден был все время ходить вокруг него. Больше всех ценились финикианки за их изделия — узорами тканные покрывала: «жен сидонийских работа, которых Парис богоравный сам из Сидона привел» [1]).

В хозяйстве простого крестьянина, какого изображает Гезиод, все сделано им самим или немногими батраками. Последние сеют, молотят, стерегут дом. Собственной выделки телега и плуг, хитон и верхнее платье, шапка и обувь. У хитона длиннополого основа должна быть выткана редко, напротив, уток густо.

Ноги ж обуй в сапоги, но из кожи быка, что зарезан
(Дряхлого бойся), да так, чтобы шерстью во внутрь и чтоб впору
Были тебе. А затем, лишь нагрянут морозы, сошьешь ты
Перворожденного шкуру козленка воловьею жилой,
Чтоб от дождя она спину тебе защищала, а сверху
Голову шапкой искусной покрой, не промокли чтоб уши [2]).

Но у Гезиода говорится и о железе—железный серп, который точат перед жатвой, железный топор для рубки леса, железный нож для разрезывания на части жертвоприношения. Есть и кузница в деревне для выделки этих инструментов. Пользуется ли ею сам крестьянин, сам кует себе серп и топор, или имеется кузнец, быть может, кочующий, приходящий в деревню для работы на время и по окончании ее отправляющийся дальше— у Гезиода ответа на это нет.

Крупные хозяйства, во всяком случае, не могли обойтись собственной рабочей силой и нуждались и в помощи посторонних

---

1) Илиада. I. 29. VI. 289. 491. Одиссея. VI. 52. 49[illegible]. VII. 1[illegible].
2) Hesiod. Opera. 537–45 (Пер. Зелинского).

лиц. Так, мы встречаем в гимне Аполлону двух строителей, которые требуют от Аполлона плату за свои труды. Посидон и Аполлон обязаны были прослужить год Лаомедону, но по прошествии года, когда настал день платежа, Лаомедон удержал плату и, когда они потребовали обещанного вознаграждения, пригрозил им обрезать уши и, связав руки и ноги, в рабство продать. Речь идет, повидимому, именно о продаже рабочей силы потребителю за определенную плату, ибо обрабатываемое сырье принадлежит потребителю и работа совершается по указанию последнего, т. е. мы имеем Lohnwerk, по терминологии Бюхера, зачаточную форму ремесла. Троянец Пандар сразил на охоте дикого козла, у которого «пядей в пятнадцать рога ото лба поднимались», из этих рогов он заказал себе лук.

Полировщик рогов искусно приладил их вместе,
Гладко затем обточил, концы золотые приделав.

Так же поступил Нестор, давая заказ «златоискуснику» Лаерку—он снабдил его сырьем:

Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал он рога им телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.

При этом характерно, что самая работа совершается не в мастерской ремесленника, а в помещении заказчика, в форме отхожего промысла (Störarbeit, по Бюхеру)—Лаерк сюда приносит все свои инструменты.

. . . . Явился и златоискусник.
Нужный для ковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
Дело свое совершал он.

В другом случае заказчик дает бычачью шкуру для обработки «и велит растянуть ее ровно».

Те же становятся в круг и в различные стороны тянут,
Влага выходит из кожи, а жир проникает в средину
И от усилия всех раздается она равномерно.

Ахилл устраивает состязанье в метаньи железного диска, обещая его в награду тому, кто бросит его наиболее далеко:

Кто победит, у того на пять лет будет вдоволь железа,
Как бы далеко от города поле его ни лежало.
Не зачем будет в тот город ходить за покупкой железа
Пахарю иль пастуху—этот диск их снабдит в изобильи[1].

[1]) Илиада. IV. 110. XVII. 389. XXIII. 832. Одиссея. III. 435 сл.

Поэт, следовательно, исходит из того, что крестьянину приходится отправляться в город за приобретением железа. А затем он либо сам изготовляет из него орудия, подобно крестьянину Гезиода, как полагает Риденауер (хотя у Гезиода мы именно не знаем, выделывает ли хозяин и железную утварь), или, по толкованию Бюксеншютца, дает железо для обработки деревенскому кузнецу. Но, во всяком случае, в городе он покупает сырье, железо, а не инструменты—утверждает Шеман — о них у Гомера и речи нет [1]).

В гомеровскую эпоху мы уже находим таких работников-«демиургой», т. е. работающих для «демоса»—народа, для сбыта. Это, повидимому, первоначально кочующие люди («kletoi broton»), не имеющие собственного домохозяйства и живущие путем продажи своих услуг или своей рабочей силы, применяемой к обработке получаемого от заказчика сырья. Об этих пришлых людях говорится:

Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашает, кто нужен на дело,
Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом,—
Их приглашают с охотою все земнородные люди [2]).

В число демиургов-ремесленников входят, следовательно, и представители умственного труда. Но они—жрец, певец, врачеватель—первые представители труда, нанимаемого потребителем, у всех первобытных народов. Они выделяются из общей массы работающих в собственном хозяйстве лиц, они первые, работающие для всего племени и получающие от него вознаграждение. К ним здесь присоединен строитель, плотник, работник по дереву — все это одно и то же лицо; но гомеровский эпос знает и кузнеца, кожевника, гончара. Те же ремесленники изображены на старинных вазах — гончары, сапожники, кузнецы и бронзовщики, изображен и плотник—строитель (tekton, отсюда архи-тектор). Область каждого из них весьма широка — разделения труда еще почти совсем нет, одно и то же лицо (как это было и в раннее средневековье) выполняет самые разнообразные промышленные работы. Мало того, их деятельность взаимно перекрещивается, ясной демаркационной

1) Riedenauer. Handwerk und Handwerker in den Homerischen Zeiten. p. 2. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb im griechischen Altertume. p. 325. Schoemann. Griech. Altertümer. B. I. p. 74.
2) Одиссея. XVII. 382.

черты нет, ибо каждая профессия представляет собою еще нечто весьма расплывчатое, неопределенное и неустановившееся. Гефест одновременно и плотник, и кузнец, и оружейник. Он изготовляет деревянные двери для Геры и привешивает их, он выделывает трон из золота, он и кует железо, его работу составляет и щит, панцырь, шлем, латы ножные из золота, серебра, железа, олова, меди [1]). Здесь различные предметы из различных материалов выделываются одним и тем же лицом. Но рядом с этим и один и тот же предмет проходит в его руках разнообразные стадии; им выполняются все процессы от начала до конца. Так, тележник начинает с рубки дерева в лесу, из которого он строит колесницу. Убитый воин сравнивается с таким срубленным деревом:

> И повалился он на земь во прах, как чернеющий тополь,
> Выросший в низменном месте, среди луговины огромной,
> Гладкий и лишь на верхушке увенчанный пышно ветвями,
> Если его подрубил секирой блистающей плотник,
> Чтобы согнуть колесо для прекрасной большой колесницы.

И точно также кораблестроителю приходится прежде всего начать с работы дровосека—ибо, «брус корабельный готовя», он вынужден отправиться в лес и срубить «дуб, сосну или тополь серебристый» [2]).

Здесь перед нами работник по дереву—«tecton», хотя тектоном, повидимому, именовался первоначально всякий ремесленник вообще, всякий искусный работник, так что Пиндар называет и врача Эскулапа тектоном по устранению боли [3]). Во всяком случае у Гомера тектон в то же время строитель и дома, и отдельных частей его (напр., дверей), и корабля, и колесницы, а так как дома строились не только из дерева, но и из камня и мрамора (напр., дворец Приама), а мебель выделывалась из слоновой кости и покрывалась серебром (тектон Икмалион изготовил такое кресло для Пенелопы), то ему приходилось превращаться и в каменотеса и в работника по слоновой кости, и в золотых дел мастера. Афина научила впервые тектонов «строить боевые колесницы и украшать их бронзой». Сам ведь Одиссей построил себе хоромы из дерева и камня, и изготовил себе кровать, вырубив дерево, обтесав его, украсив золотом, серебром и слоновой костью, а раму к ней сделал из кожи и обшил пурпурной тканью. Здесь все, что угодно—всевозможные

---

[1]) Илиада. XIV. 166. 238. XVIII. 468 сл.
[2]) Илиада IV. 485, XIII. 389.
[3]) Pindar. Pyth. III. 6. См. Riedenauer. p. 86 сл.

работы по дереву и металлу, работа кожевника, ткача [1]). Все эти работы именовались „tectosynai“, т. е. работы тектона.

Тектон таким образом вторгался уже в поле деятельности кузнеца или точнее работника по металлу—„chalkeus“ от „chalkos“—медь, наиболее употребительный в то время металл. Последний обрабатывает золото и серебро, медь и железо, он оловянник и жестянник, кузнец и слесарь, ножевщик и оружейник. О самой добыче металлов Гомер ничего не сообщает, он не знает никаких греческих рудников. Горное дело, вообще, ему чуждо, он нигде не пользуется им для своих сравнений, между тем при обилии и многообразии последних повод для этого несомненно был бы налицо. Ему известно лишь, что металлы получаются из других стран, напр., серебро из страны галицонов, „где рождается серебро“, металлы, вообще, из Кипра. Нет у Гомера и описания обработки руды и выделки из нее металлов. Где речь идет о металлах, они представлены уже в готовом виде и используются лишь для изготовления различных предметов. Но и производство последних, поскольку имеются наиболее ценные работы, не принадлежит греческим мастерам. Величайшие предметы искусства, как щит Ахиллеса, выходят из рук самого бога Гефеста, другие искусные вещи художественной работы финикийского происхождения. Награда для победителя в беге, поставленная Ахиллесом, „дивный сосуд для вина, весь серебряный, светлый, по отделке единственный в мире“, изготовлен искусными мужами из Сидона; серебряный кувшин, который дарит Менелай Телемаху, подарок царя сидонян. У того же Менелая имеются серебряные сосуды от царя египетских Фив Полиба, а жена последнего подарила Елене прялку золотую и рабочую корзину из серебра с золотыми краями [2]). Или же это изделия азиатских мастеров, каковы, напр., сказочные богатства царя Алкиноя; даже вооружение азиатских воинов, союзников троянцев, гораздо богаче, чем у ахеян. Но и среди греков в то время были искусные работники по металлу, как, напр. упоминаемый Гомером Лаэрк и другие мастера, «серебро облекающие сияющим золотом, девой Палладой и богом Гефестом наставленные в трудном деле». От этих богов ведь, по представлению греков, люди, в особенности искусные, получили свой талант [3]). О кузнецах повествует не только Гезиод, но и

[1]) Илиада, VI, 243. Одиссея, XIX, 56, XXIII, 189 сл. [illegible] Homer. Aphrodit. 12.
[2]) Илиада, XXIII, 741. Одиссея, IV, 125 [illegible].
[3]) Илиада, XV, 410. Одиссея, VI, 127.

Гомер: кузница—«chalkeios domos» (т. е. дом кузнеца) была—как и в средние века—в то же время кабаком, в ней собирались бродяги и бездомные, она была доступна всем и каждому. Не даром рабыня Меланто спрашивает переодетого нищим Одиссея, почему он лезет во дворец, а не ищет ночлега в кузнице, более подходящем для него месте [1]).

Золота у Гомера находим много, он отличается «поэтической расточительностью». Посидон обитает в золотом дворце, Зевс сидит на золотом троне, олимпийские боги пьют из золотых кубков. Это самый благородный металл, наиболее достойный богов, почему о нем упоминается преимущественно в связи с богами, но также при описании царей и героев. Это «timesis» — высокочтимый металл, «eritimos»—ценимый людьми. Микена именуется «блистающей золотом», и раскопки Шлимана вполне подтвердили эту характеристику.

Украшения и утварь у Гомера из золота. Одиссей одет в пурпурную мантию с золотыми застежками, расшитую золотыми нитями—изображена лань в лапах у грозного пса; «как живая она трепетала и страшно пес на нее разъяренный глядел, и, из лап порываясь вырваться, билась ногами она». Надгробные урны из золота, из золота прялки и челноки у цариц, скипетры царей из дерева, но обиты золотыми гвоздями. Золотом украшено оружие гомеровских героев—щит Нестора из золота, все вооружение Главка золотое. Особенным обилием золота отличаются азиатские князья—грекам это казалось «женственным». Амфиллах, ликийский царь, «отправляется в бой разукрашенный как девица; но золото не спасло его от жестокой гибели». Наконец, у царя Алкиноя двери из чистого золота, стражи дома—собаки, работы Гефеста, из золота и серебра, «были бессмертны они и с течением лет не старели»; на высоких постаментах стояли сделанные из золота юноши, с горящими факелами в руках, озаряя гостям палату во время ночных пиров [2]),—все это художественные работы из золота, как их называет и Гомер („chrysos polydaidalos“).

Много у Гомера и серебра—и оно все иностранного, в особенности финикийского, происхождения. Из серебра ковши, сосуды для омовения рук за царской трапезой, столы у Цирцеи, части колесниц. Лук Посидона из серебра, почему бог и именуется „серебролуким“ („argurotoksos“). На щите Ахиллеса все, что должно быть белым и

[1]) Одиссея. XVIII. 328.
[2]) Одиссея. VII. 88. 92. 100.

светлым, сделано из серебра—бродячие овцы, вода, подпорки в винограднике. Раскопки в Микенах подтвердили, что изделия из золота и серебра—чужестранного, азиатского, происхождения. В гробницах найдено 24 золотых и 41 серебряный сосуд. В целях придания крепости золотым вещам, к золоту примешивалось серебро в количестве до 23 проц., так что оно уже приближалось к электрону последующей эпохи, т. е. смеси золота и серебра. Такой состав обнаруживают и найденные в Гиссарлике, древней Трое, кованые золотые вазы.

Наконец, не мало найдено в раскопках и кованой меди—в Микенах не менее 44 сосудов для домашнего употребления и для кухни, из них 23 рукомойника и стоящая на трех высоких ножках кастрюля. Но сосуды заклепаны, паять еще не умели; они сделаны не из одного куска, а из нескольких и скреплены штифтами. На ряду с коваными медными вещами есть и литые из бронзы—мечи, наконечники копьев, небольшие ножи, но сделаны они плохо и трудно понять, как можно было пользоваться этим грубым оружием в бою. Высказано было даже предположение, что его не применяли, а предназначали лишь для помещения в гробницах покойникам; на это указывают и совсем непригодные для употребления ножны для мечей. Во всяком случае, раскопки свидетельствуют о слабом развитии литейного искусства. И в Гиссарлике (Трое) т. наз. клад Приама состоял из 20 сосудов, во многих случаях искусно выкованных из золота, серебра и меди, из тысяч мелких золотых украшений, из обработанного молотом медного щита; а на ряду с этим, в доказательство лишь недавнего их существования, находим примитивные изделия из бронзы в виде немногих простых клиньев и весьма простых наконечников копьев [1]).

Это свидетельствует о правильности и предположения ряда исследователей (Миллина, Бухгольца, Гладстона, Бека), что у Гомера речь идет не о столь редкой и высоко ценимой в те времена бронзе, литье которой еще только появилось, а о чистой меди. Только к ней и подходит эпитет «красный, отливающий красным цветом». Как указывает Бек, медь раньше появляется, чем бронза, и ковка металла старше литья [2]). Медь наиболее употребительна у Гомера—недаром „медник" („chalkeus") превратился в кузнеца,

[1]) См. Schliemann. Ilios. Stadt und Land der Trojaner. Forschungen und Entdeckungen in der Troas und aus der Baustelle von Troja. 1881. Его же. Mykenae. Bericht uber meine Forschungen und Entdeckungen in Mykenae und Tiryns. 1881.

[2]) Beck. Geschichte des Eisens. B. I. 1884. p. 395.

в работника по металлу, вообще; кузница и «дом медника» («chalkeus domos») равнозначущи. Из меди изготовлены многочисленные и самые разнообразные предметы, для выделки которых впоследствии безусловно предпочитали железо. Медь — крепкая, вечная, почему медный сон, медный голос, медное сердце, медное небо. Особенно важно медное оружие. Сам Арес, бог войны, именуется «chalkeos», воины в своих медных доспехах блестят как мо́лния Зевса, искусный панцырь Агамемнона, подарок киприйца Кинираса, по поводу которого впоследствии сложилась легенда, что он открыл залежи меди на Кипре и впервые стал их разрабатывать, был главным образом, хотя и не исключительно, из меди. Из меди делаются в Илиаде всевозможные доспехи—панцыри, поножи, щиты, копья, шлемы. Все они названы «медными» или просто „медью": «медь» говорится взамен меча („медью его рассеку"), взамен панцыря („на груди у царя соскочившего медь загремела"), взамен копья и шлема (копье брошено в голову—„медь отскочила от меди").

«От божественной меди идущего войска сиянье
Ярко, сверкая кругом, поднималось по воздуху к небу» [1]).

Из меди и домашняя утварь—терка, которой Гекамеда скоблит козий сыр, и блюдо с луком, поданное ею, и топор, и серп, и нож, и ключ; чаны именуются «блистающими медью». Самые стены дворца Алкиноя покрыты медью, отчего они блестят издали, «как на небе светлое солнце иль месяц». Вообще, хотя описание этого дворца в ассирийско-вавилонском стиле — как указывает Бек — и преувеличено в смысле количества золота, серебра и меди, но все же со времени раскопок в Ниневии, Вавилоне и Микенах эта расточительность поэта нам вовсе уж не кажется столь неправдоподобной [2]).

Медь у Гомера весьма ценится, почти как благородные металлы. «Медью набиты палатки твои»—говорит Терсит Агамемнону, укоряя его за алчность и ненасытность. У Одиссея хранились «кучи злата и меди». Гектор предлагает Ахиллу: «выкуп бесценный получишь, и золота много и меди» [3]). Еще в VII ст. до Р. Х., по рассказам Геродота, в дельфийском храме не было золотых и серебряных даров, а имелись только медные. Афина, переодетая тафийским царем Ментесом, рассказывает Телемаху, что

---

[1]) Илиада. II. 417. 457. IV. 420. XI. 351.
[2]) Beck. I. p. 397.
[3]) Илиада. II. 226. XXII. 340. XXIII. 549.

отправляется в Темесу добыть меди, обменивая ее на железо [1]). Темеса—финикийское название и финикийская колония на Кипре, впоследствии Тамас. Однако, из приобретения меди в обмен за железо еще вовсе не следует, что последнее изготовлялось самими греками, в данном случае оно могло быть награблено во время какого-либо набега.

Железо у Гомера упоминается гораздо реже, чем медь: оно следует за медью. Это наиболее крепкий, но самый простой и наименее ценный металл. Простые воины рубятся секирами и топорами, топор просто именуется «железом». Но герои им мало пользуются; наиболее часто еще упоминаются железные стрелы и «железо» заменяет «стрелу» («плотно к груди тетиву придавил, а к луку железо»). Из железа кинжал и нож. Архилох боится за Ахиллеса, как бы он после смерти Патрокла в отчаянии «горла блестящим не перерезал железом» [2]). Но о железных мечах ничего не слышим. «Железо притягивает к себе»,—это, конечно, нельзя понимать в смысле магнитного притяжения; просто оружие вызывает ссору, влечет убийство. Сравнительно редкое упоминание о железе (хотя и говорится: железная злоба, железный характер), повидимому, соответствует действительности: в раскопках найдено мало железных вещей, лишь несколько ножей, замков. Бек приводит это, правда, в связь с тем, что в те времена хоронили с роскошью и блеском, а для этого железо не годилось; ведь еще Солону и Ликургу приходилось бороться с расточительностью греков при погребальных церемониях [3]). Но и железных мечей не найдено, а ведь они-то уже, во всяком случае, должны были бы оказаться, если бы в действительности выделывались из железа.

У Гезиода, напротив,—как мы видели—железо в довольно значительном употреблении. Есть у него и сталь—«adamas», т. е. непреодолимая. Так именует ее и Пиндар. Впоследствии этим словом обозначается алмаз (отсюда диамант на европ. языках). Роль железа резче выступает в последовательно идущих поколениях, о которых Гезиод поет в «Делах и Днях». За золотым веком следует серебряный, его сменяет медный, а новейший—железный.

Первым меж смертных людей сотворили Олимпа владыки
Век золотой, когда Крон был повелителем неба.
Жизнью богов наслаждались те люди, с душой беззаботной,
И от трудов и от горя свободные...

[1]) Одиссея. I. 180.
[2]) Илиада. IV. 123. XVIII. 34.
[3]) Beck. I. 411.

Хуже гораздо того сотворили Олимпа владыки
Меж земнородных серебряный век...
Зевс же отец век третий людей, обреченных страданьям,
Медный взростил на земле...
Медные были доспехи у них, были медные домы,
Медью пахали они и неведом был черный булат им...
Ныне железное племя царит. Не видать им просвета
Днем от тяжелых трудов и от мук. Не устанет и ночью
Гибель их племя косить: окружат их несчастьями боги [1]).

Кроме тектона и халкейса находим кожевника, выполняющего всякого рода работы из кожи—он обрабатывает сырые кожи, он же и изготовляет из кожи сосуды, подошвы, корабельные снасти, ремни, поножи и т. д. Имеется и гончар («kerameus»)—от «kerannumi» смешивать; «keramos» — глина, отсюда всякий сосуд именуется «keramos», хотя бы он был из другого состава—«бронзовая глина». Ныне гончар гончара ненавидит и плотника плотник.

О гончарах сохранилась песня, входящая в состав так наз. гомеровских эпиграмм:

Если вы денег дадите, спою, гончары, я вам песню.
Внемли молитвам, Афина! Десницею печь охраняя,
Дай, чтобы вышли на славу горшки и бутылки и миски,
Чтоб обожглись хорошенько и прибыли дали довольно,
Чтоб продавалися бойко на рынке, на улицах бойко,
Чтоб от той прибыли жирной за песню и нас наградили [2]).

Гончары, таким образом, работают для продажи на рынке—это ремесло в тесном смысле слова. Они имеют собственные мастерские, собственные печи для обжигания посуды.

II.

Ремесло в Греции успешно развивается. Виды ремесла становятся разнообразными, специализация растет. «Когда петух запоет—читаем у Аристофана—всякий поднимается с постели—кузнецы, сапожники, кожевники, гончары, продавцы муки, банщики, производители щитов и лир» [3]). В другой комедии он же изображает производителя кос и выделывателя мотыг, которые приходят в восторг от заключения мира и, напротив, выводит огорченных окончанием войны ремесленников—одного, изготовляющего шлемы, другого—султаны к шлемам, третьего—трубы, четвертого—древки для копьев, пятого—панцыри; упоминается и о выделы-

[1]) Hesiod. Opera. (Пер. Зелинского). 109. 128. 143. 150. 176.
[2]) Hymn. Homer. (Пер. Зелинского).
[3]) Aristophan. Aves. 489.

вателе мечей. Что им всем теперь делать? У них хлеб отнят, ремесло разрушено, изделия остаются непроданными. Производителю султанов, который прежде сплетал их из конских волос, теперь не остается ничего более, как ерошить свои собственные волосы. Крестьянин Тригей глумится над ними—он предлагает распилить древки для копьев и продать ему в качестве подпорок для виноградника, сто штук за драхму, т. е. за бесценок, султанами от шлемов он советует воспользоваться, как щеткой для чистки стола, а к шлему приделать ручки—получится кувшин [1]).

Мы находим здесь уж не менее восьми специальностей, на которые разбилась обработка металлов. Обильно представлен оружейный промысел. И неудивительно: постоянные и бесконечные войны давали богатую пищу этому занятию, должны были вызвать специализацию—выделка каждого отдельного предмета, нужного для воина, способна была вполне прокормить человека. Ксенофонт рассказывает о городе Эфесе, что там все работают над приготовлением оружия—медники, плотники, кузнецы, кожевники, живописцы; так что город можно принять за военную мастерскую [2]). В другом месте он дает еще более яркую картину разделения труда в ремесле вообще и об'ясняет причину его. «В небольших поселениях—читаем в «Детстве Кира»—один и тот же человек изготовляет кровать, дверь, соху, стол, нередко он же строит дома, и доволен, если таким путем может прокормиться... Напротив, в больших городах, где у многих имеются одни и те же потребности, и одного промысла достаточно человеку для существования. Мало того, во многих случаях он выполняет и этот один промысел не целиком. Один ограничивается выделкой мужской обуви, другой—женской; один живет только шитьем обуви, другой—разрезыванием кожи; один кроит платье, другой никаких частей его не изготовляет, а лишь соединяет все части вместе. И благодаря тому, что каждый ограничивается одной определенной работой, он наилучшим образом выполняет ее» [3]).

Перед нами двоякое разделение занятий. С одной стороны, прежний единый промысел распадается на специальности, на отдельные самостоятельные ремесла, причем каждый изготовляет лишь определенные предметы, но только их уже от начала до конца, как там, где речь шла об оружейном промысле—один

[1]) Aristophan. Pax. 544. 1210 сл.
[2]) Xenophon. Hellen. III. 4. 17. Agesil. I. 26.
[3]) Xenophon. Kyropaed. VIII. 2. 5.

выковывает мечи, другой щиты, третий панцыри, четвертый шлемы. Но дело не ограничивается тем, что один мастер выделывает мужскую, а другой женскую обувь, но и самую сандалию он не производит целиком, а работа разбивается между несколькими лицами, так же, как и портняжная работа распределена на части. Так что на ряду со специализацией появляется расчленение процесса производства, рядом с продольным разделением труда и поперечное, одно дополняет другое. Нам неизвестно лишь, как осуществлялась вторая форма разделения занятий, распределялись ли работы между двумя-тремя мастерскими, из которых каждая выполняла определенную часть и затем последняя производила сборку и окончательную отделку, или же мастер работал с подмастерьями и поручал им определенные процессы производства.

Возможно, что об однородном распределении процесса производства на части идет речь и в описании оружейного промысла в Эфесе, ибо не могли же, напр., маляры, о которых там упоминается, изготовлять какой-либо предмет вооружения полностью; речь могла итти лишь о выполнении ими какой-либо части работы, тогда как остальные действия совершались другими мастерами. В других случаях мы, вообще, не слышим о распадении процесса производства на части, а лишь о потоварном разделении труда, где ремесленник берет на себя изготовление лишь определенного вида изделий, хотя и целиком. Впрочем, и такого рода факты далеко не всегда могут быть точно установлены, так как из различия названий, встречаемых в источниках, еще вовсе не следует, что каждому наименованию соответствовал и определенный промысел, ограничивавшийся выделкой лишь данного товара. Часть могла быть употреблена «вместо целого», один автор мог называть ремесленника по одной категории изделий, им производимых, другой—по иной, так что различные обозначения употреблялись для одного и того же промысла. Лишь в тех случаях, когда—как в приведенных случаях — противопоставляются отдельные специальности, можно с известной уверенностью утверждать, что такое разделение труда действительно существовало.

Так, Аристофан перечисляет специальности зрителей—вот башмачник, вот кузнец, вот плотник, вот золотых дел мастер, тот карманный вор, другой—взломщик, третий—валяльщик, там—скорняк, здесь — кожевник, один торговец луком, другой — прелюбодей [1]).

[1]) Aristophan. Plutos. 162 сл.

Кожевенный промысел здесь представлен двумя специальностями—кожевником и сапожником. Первый выполняет предварительный процесс производства—обработку кож, которая считалась не особенно почетным, но зато выгодным промыслом, причем—по словам Артемидона Эфесского—кожевенные заведения, вследствие дурного запаха, распространяемого кожами убитых животных, были весьма неприятны населению и их приходилось помещать за городом. На ряду с ним имеется сапожник, который обрабатывает уже готовую кожу. Сверх того упоминается у различных авторов о починщиках обуви, о ременных мастерах. Но были ли это особые специальности, мы не знаем, так же, как нам неизвестно, изготовлялись ли в той шорной мастерской, в которую отправился Сократ, разыскивая Эфтидема, только сбруя или, быть может, и еще какие-либо другие предметы [1]).

Прежний строитель — тектон, выполнявший всевозможные работы не только по дереву, но и по камню, теперь разбит на несколько специальностей. Платон противопоставляет кораблестроителя домостроителю; последний строит и укрепления и пристани, и гавани. Ксенофонт и Фукидид различают плотников и каменщиков при постройке стен для защиты от неприятеля. У Манетона строители разбиты на три группы: кроме плотников и каменщиков названы еще и каменотесы [2]). Наличность этих специальностей подтверждается и надписями в которых перечислены мастера, участвовавшие в производимых государством сооружениях. Так, при постройке известного храма на афинском Акрополе Эрехфиона упомянуты работники по камню, которые, повидимому, не только обтесывают камни, но и возводят колонны (их 38), работники по дереву, которые прокладывают крыши, строят леса и снимают их (в числе 11), дровосеки, рубящие дерево и обтесывающие его, скульпторы, работающие над розетками плафона (8), живописцы и позолотчики. Однако, многие из них одновременно выполняют различные специальности: так, один каменотес и плотник одновременно, другой плотник и орнаментщик, третий и четвертый возводят и стропила и стены между колоннами [3]). Так что разделение труда проведено далеко не вполне.

[1]) Xenophon. Memorab. IV. 2, 1. IV. 2, 8.

[2]) Platon. Gorg. 455. B. Xenophon. Hellen. IV. 4,18. Thucydid. V. 82. Maneton. I. 77.

[3]) См. Francotte. L'industrie dans la Gréco ancienne. I. 204 сл. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce p. 58.

В других случаях строительный промысел, как видно из надписей, также разбивается на ряд специальностей, но в то же время при постройке храма в Эпидавре в 380—375 г.г. упоминается о человеке, который одновременно штукатурит ворота, покрывает крышу черепицей, вырезывает надписи, строит здания; сообщается и о другом, обтесывающем камни и в то же время распиливающем балки.

И прежний гончар — керамевс — не сохранил всей области своей деятельности; она распалась на части. Платон называет три промысла, обрабатывающих глину и пользующихся гончарным станком: горшечника, выделывающего посуду, печника и производителя кирпичей[1]). У Аристофана есть и относящийся к этой группе ремесл ламповщик — «до сих пор мы вели государственные дела в темноте, теперь он нас осветит». Другой ламповщик Гипербол сомнительными способами добыл много денег [2]). Лампы действительно делались из глины.

О жаркий взор лампады круговой,
Подвешанный прекрасно, наблюдатель,
Твою судьбу открою я и род:
Под колесом гончарным округленный,
В ноздрях ты солнца светлый носишь луч,
Язык огня горящий—знак условный [3]).

Но ламповщик мог быть и тем же горшечником («свои горшки работает он скверно»). Делились ли производители ваз и сосудов в свою очередь на специальности, в зависимости от характера изготовляемых ими предметов — сосудов для хранения напитков, для смешивания, для черпания, кубков и чаш и т. д. (названия соответствующие мы находим), неизвестно; зато мы можем точно установить, что формовщик ваз и живописец, расписывавший их, не был уже одним лицом — на вазах с подписями имеется имя того и другого [4]).

Платон выставляет в «Законах» требование, чтобы каждый ограничивался определенной профессией, ибо никто не соединяет в своем лице талантов, необходимых для выполнения двух искусств одновременно. В «Государстве» он указывает на то, что во всяком обществе необходимы земледельцы, каменщики, ткачи и башмачники и спрашивает: «должен ли каждый производить свой про-

[1]) Platon. Theaetet. 147.
[2]) Aristophan. Pax. 691. Nubes. 1065.
[3]) Aristophan. Ecclesiaz. 1—6. (Пер. Шестакова).
[4]) Klein. Die griech. Vasen mit Meister-Signaturen. 1887.

мысел и для всех других, напр., земледелец заботиться о пропитании иных людей, или же следует предпочесть, чтобы он, не думая о прочих, затрачивал четвертую часть своего времени на добывание необходимой ему самому пищи, а в остальное время строил себе дом, ткал одежду, изготовлял обувь. Я думаю, что первый способ выгоднее для него. — Я не удивляюсь этому ответу, так как понимаю, что мы не рождаемся все с теми же способностями и что один приспособлен более для одного дела, другой для другого». Отсюда вывод, что кузнец не должен вместе с тем заниматься и плотничеством и, в свою очередь, и плотник должен извлекать пропитание из этого единого промысла [1]). Кожевенное и башмачное производство составляют и у Платона два различных промысла, тогда как о прядильщике не упоминается; шерсть нужна ткачу, он, очевидно, и прядет ее.

Действительность едва ли всегда соответствовала требованиям Платона о специализации. Вообще, надо думать, что значительное разделение труда имело место лишь в таких городах, как Афины. Когда Ксенофонт говорит о разделении труда в больших городах, в противоположность мелкимпоселениям, где один человек выполняет самые разнообразные работы (см. выше, стр. 102), то он, вероятно, имеет в виду, именно, Афины, подобно тому, как английские писатели XVIII ст., упоминая о больших городах, в действительности разумели один только Лондон. В Афинах мы действительно находим широко развитое ремесло, в противоположность прочей Аттике или таким чисто-аграрным областям, как Элида или Аркадия. Клерк подсчитывает, на основании надписей, число ремесленников, и находит их в деревенских местностях Аттики в гораздо меньшем количестве, чем в самых Афинах или в пригородных районах [2]). В Афинах имеются специальные улицы, названные по имени определенных промыслов и, несомненно, заселенные представителями последних, как это было и в Египте и других странах Востока, как это мы находим обычно в средневековых городах. Такова улица ваятелей, улица выделывателей ящиков, улица кожевников; был и особый демос и рынок гончаров [3]). Сократ удивляется тому, что Хармид не решается говорить в народном собрании. И перед кем же! «Разве ты стыдишься

[1]) Platon. Leges. 846. D. E. Respubl. 307. D. E 370. A. B. E.
[2]) Clerc. Les metèques athéniens. p. 450 сл.
[3]) Platon. Protagor. 315. Sympos. 215. Blümner. Gewerbl. Tätigkeit der Völker des klass. Altertums p. 66, 69.

валяльщиков, башмачников, каменщиков, медников, земледельцев, торговцев или старьевщиков,—людей, которые стараются продать дорого то, что они купили дешево. Ведь из этих людей состоит народное собрание» [1]). Вероятно, Сократ преувеличивает, но все же из этого видно, что число ремесленников в Афинах должно было быть велико и они не могли не играть роли и в общественной жизни.

У Ксенофонта Сократ рассказывает, что Навсикид существует выделкой муки, Киреб — приготовлением хлеба, Демей производит хламиды, Менон — хланиды, а большая часть жителей Мегары занимается шитьем эксомид [2]). Это три вида тканей, из которых одна (хламида) представляет собою короткое верхнее платье, другая (хланида) тонкое одеянье для лета и третья (эксомида) хитон, который покрывал только левое плечо и левую часть груди, оставляя правую сторону открытой.

Однако, тот же Ксенофонт, который нам сообщает здесь об особых промыслах по приготовлению муки и хлеба и по выделке различных видов тканей, притом с такой значительной специализацией, напротив, исходит из того положения, что в правильно организованном хозяйстве эти предметы должны изготовляться собственными силами—это обязанности хозяйки и рабов. Таких принципов придерживается изображаемое им идеальное хозяйство Исхомаха. Его жена при выходе замуж умела уже приготовлять одежду из шерсти и видела, как выдается служанкам пряжа для обработки; и кушанья она умела стряпать. Но Исхомаху этого было мало: он стал обучать ее и другим обязанностям и работам. Он советовал жене не сидеть, сложа руки, а с «богами стараться быть госпожей и, став около станка, показать другим то, что сама лучше знает, а чего не знает, тому научиться» [3]).

Управлять хозяйством, печь хлеб и «ходить» у ткацкого станка считалось первейшей обязанностью греческой женщины, как бедной, так и богатой. Плутарх рассказывает, что жена известного афинского полководца Фокиона, наносившего поражения спартанцам во время фиванской войны, сама ставила хлеба [4]). У Аристофана Лисистрата решительно заявляет, что женщины

[1]) Xenophon. Memorabil. II. 7. 6.
[2]) Ibid.
[3]) Xenophon. Oikon. VII, 6. IX. 7. X, 10.
[4]) Plutarch. Phokion. 18.

могут прекрасно взять в свои руки государственные дела и государственные финансы—ведь домом и домашним хозяйством заведуют именно они, а не мужчины [1]. А Проксагора, которую женщины за ее мудрые речи желают выбрать полководцем, перечисляет огромные заслуги женщин — все, как в доброе старое время:

Я говорю, что город передать
Должны вы женщинам. Ведь и по дому
Они у нас и ключницы и все...
Во-первых, шерсть
По старому закону в кипятке
Все моют, все, и ни одной не встретишь
Изменщицы...
Они ж сидят и жарят, как и раньше;
На голове разносят. как и встарь;
Пекут себе лепешки, как и встарь... [2]

И тут же прибавляет в доказательство того, что ничто не изменилось:

Мужей своих изводят. как и раньше;
Любовников заводят, как и встарь;
Друг дружку угощают, как и раньше;
Охотницы подвыпить, как и встарь...

Мужчинам же Лисистрата советует взяться за бабье дело:

Корзиночку эту с шерстями возьми
И пряди на себе
И бобы грызя,
О войне же позаботятся жены

Но в то же время одна из женщин заявляет:

Домой хочу я сбегать.
Милетская валяется там шерсть
Съедаемая молью [3].

Все эллины считают необходимым — читаем у Ксенофонта — чтобы дочери их сидели дома и пряли шерсть [4]. В области пряденья шерсти — говорит он в другом месте—женщины управляют мужчинами, так как им известен способ обработки ее, а мужчины его не знают [5]. Платон противопоставляет фракийцам

---

[1]) Aristophan. Lysistrat. 495.
[2]) Aristophan. Ecclesiaz. 211 сл.
[3]) Aristophan. Lysistrat. 535. 729.
[4]) Xenophon. Respubl. Lacedaemon. I. 3.
[5]) Xenophon. Memorab. III. 9, 11.

и другим племенам, у которых женщины обрабатывают землю, пасут стада и выполняют всякие домашние работы, ничем не отличаясь в этом отношении от рабов, афинян, которые поручают женщинам надзор за имуществом и управление прялками и челноками; лекадемоняне, наконец, освобождают их и от пряденья шерсти, давая им другие работы, но только не низменного свойства [1]).—Когда ты возвращаешься домой к матери—спрашивает Сократ Лисиса — если она в это время занята тканьем, позволяет ли она тебе для твоего удовольствия делать, что угодно с шерстью и со станком? Ведь не запрещает же она тебе касаться берда или челнока или еще какого-нибудь ткацкого орудия?—Лисис усмехнулся и сказал:—Не только, что запрещает, Сократ, но если бы я стал трогать, то ей-богу получил бы колотушки [2]). В идиллии Феокрита Праксиноя гордится тем, что она сама сшила свои прекрасные одежды [3]).

— Очень тебе, Праксиноя, идет это с пряжками платье
В складках. Скажи мне, во сколько оно обошлося со стана?
— Не поминай мне, Горго, чистым я серебром заплатила
Больше двух мин, а в работу и душу свою всю вложила,
Но по желанью зато оно вышло.
— Что правда, то правда.

Другая идиллия его посвящена прялке [4]):

Рукодельная ты прялка, светлоокой Афины дар
Женам всем, у кого мысль занята делом хозяйственным.

Гортинский судебник даже предоставляет жене право, в случае развода, взять с собою половину вытканных ею вещей [5]).

В «Лисистрате» мы находим и описание процесса выделки тканей в весьма любопытной форме. Лисистрата объясняет, как женщины, взяв управление в свои руки, заведут порядок в государстве и уничтожат все неурядицы и столкновения, устранят все негодные элементы и сплотят во-едино всех тех, кто пригоден для создания крепкого государства. Она сравнивает эту деятельность с производством одежды, отдельные действия со столь знакомыми и привычными женщинам—это лишний раз подчеркивается—про-

[1]) Platon. Leges. VII. 805 E. 806 A.
[2]) Platon. Lysis. 208 D. (пер. Вл. Соловьева. I. 297).
[3]) Theokrit. Idyll. XV (Сиракузянки или праздник Адониса)
[4]) Ibid. XXVIII. Прялка. 1—2.
[5]) Гортинские законы. II. 50.

цессами выделки тканей—мойкой шерсти, трепанием, расчесыванием, прядением основы (соединением волокон), тканьем:

— Ну, а как умудритесь вы прекратить превеликие наши волненья?
— Точно так же, как спутанный пряжи клубок, вот этак возьмем мы рукою,
И на прялку его навиваем вот так,—половину к себе, а другую
От себя,—так и всю мы войну разовьем, если только позволят нам это.
Размотавши посольствами все нелады, от себя и к себе принимая...
Надлежало сперва так точно, как шерсть на болоте,
Почище отмыть негодную дрянь из города, и на кровати
Выбить палкой всякую пакость до тла и негодные плевелы выбрать,—
Все собрания эти и списки друзей, друг друга толкающих алчно
В предержащую власть, повыбить их всех, да головы им порастрескать,
А дальше чесать в корзину одно—всеобщую крепкую дружбу,
Прибавляя туда и метеков и всех чужестранцев, кто друг горожанам,
И когда у кого есть общий долг,—и таких прибавлять помаленьку.
Да, Зевсом клянусь, и те города, где колонии наши осели,—
Разбирать и про них, что они нам лежатся точно основа —
Каждый порознь из них; а после от них от всех, занимая основу
Сюда сводить и всех собирать воедино; а там уж завивши
Большущий клубок, потом из него народу ткать одеянье [1]).

Не только Ксенофонт, но и Аристофан упоминает о приготовлении муки в качестве промысла и продаже муки и хлеба на рынке («не к лицу поэтам ругаться, как калачницы на рынке»), о ларях продавцов муки [2]), Платон называет в качестве известного всем в Афинах пекаря Теариона [3]), у Эсхина встречаются и женщины, изготовляющие одежду и выносящие свои изделия для продажи на рынок, хотя они, повидимому, не пользовались особенно хорошей славой, ибо поклонялись усердно и Афродите [4]). Однако, надо все же думать, что по общему правилу греческое домохозяйство не только в других местностях (в чем не может быть сомнения), но даже в Афинах обходилось без покупной муки и хлеба и без заказанных на стороне тканей, изготовляя все это самостоятельно, тем более, что самые процессы производства и в том и в другом случае были довольно простые: зерно мололи и впоследствии ручными мельницами (водяные еще не были известны),

[1]) Aristophan. Lysistr. 565 сл.
[2]) Aristophan. Batr. 858. Ecclesiaz. 686. Equit. 254.
[3]) Platon. Gorgias. 518 B.
[4]) Aeschin. C. Timarch. 97. Pausan. VII. 21, 14. Thukydid. VI. 22.

несложным являлось и изготовление одежды, которую не столько одевали, сколько накидывали на себя, так что она складками ложилась на теле, приспособления ее к фигуре не требовалось. Брюк греки не знали, в противоположность народам Востока. Аристофан смеется над персами в штанах, которых афиняне обращают в бегство. Незатейлива была обычно и мебель и утварь— шкафов не было, иногда спали просто на шкурах или на соломе, ограничивались немногими деревянными или глиняными сосудами [1].

Но, с другой стороны, мы находим и много предметов, для которых необходимы были специалисты-ремесленники. Таковы, напр. пурпурные ткани, богато расшитые на восточный манер, кровати из бронзы с ножками из слоновой кости и покрытые дорогими материями, имелись и искусно расписанные сосуды—гидрии для воды, амфоры для вина и для оливкового масла, кратеры, чаши, кубки, стройные кувшины-лекифы, изящные баночки и флаконы для благовоний, треножники, лампы из бронзы и благородных металлов. Ремесленники необходимы были и для выделки разных предметов украшения, без которых не могли обойтись женщины— вееров, металлических зеркальц (стеклянных не было), зонтиков, защищающих от солнца, сеток и покрывал для головы, серег, браслетов и цепочек, которые носили на шее и на руках, даже на ногах. Много занимались греки и волосами—перекрашивали их, завивали, носили фальшивые локоны, парики. Они также накладывали на лицо белила, подкрашивали глаза, обильно смазывали тело всякого рода пахучими маслами—мастерская цырюльника, банщика, лавка парфюмерных товаров являются в Афинах много посещаемыми местами. Но, на ряду с выделкой этих предметов роскоши, ремесло производило и предметы массового потребления, и оружие, и металлические изделия, и гончарные, и кожевенные, и многие другие; ремесленники строили и здания, публичные и частные.

В особенности потребность в керамических изделиях была велика, ими пользовались не только для приготовления и потребления пищи, но и для сохранения запасов хлеба, мяса, оливкового масла, вина, меда, благовоний, соленой рыбы; они служили для транспорта в особенности вина, их помещали в гробницах; при постройках употребляли в большом количестве кирпичи из глины; первые шаги в области ваянья выражались в глиняных изделиях; быть может,

[1]) Aristophan. Nub. 151. Vesp. 1087. 1157. Lysistr. 15. 229 Ecclesiaz. 314. 319. 342. Equit. 869.

и живопись начинается с расписных сосудов. Предлагают даже говорить о глиняном веке.

У Аристофана ремесленники являются одной из пяти групп, на которые он разбивает все население, различая земледельцев, торговцев, ремесленников, метеков и приезжих (иностранцев, съезжавшихся к празднику в честь Диониса)—вот и весь народ [1]). В другой комедии его ремесленники даже оказываются в большинстве, по сравнению с крестьянами, и проводят свое решение:

И говорить не думал,
Что надо город женщинам отдать.
Тут зашумела, закричала «браво»
Кожевников толпа, а мужики
Давай ворчать...
Но меньшинство их было [2]).

Ремесленники здесь объединены под нарицательным названием «кожевников». Они обманывают народ. Колбасник упрекает народ (персонифицированный «народ» выведен на сцену) в том, что он отдает себя в руки ламповщиков, кожевников, башмачников, скорняков. Под производителем ламп Аристофан разумеет пресловутого Гипербола, скорняк—это овцевод и продавец шкур Лисикл. Сам колбасник появляется на сцене с колбасами, кишками и орудиями своего промысла [3]). Кроме Гипербола с его лампами, неоднократно встречаемого нами у Аристофана, он знакомит нас и с корзинщиком Диитрефом; на своих ивовых прутьях, из которых он плел корзины, он высоко вознесся, разбогател; наконец, Аристофан изображает и жулика-кожевника; это Клейнет, отец Клеона—поясняет схолиаст (комментатор) [4]).

И помимо Аристофана (см. также выше о выводимых им различных видах оружейников, страдающих от заключения мира, о толпе ремесленников разных специальностей в «Плутосе») мы находим много упоминаний об афинских мастерах всякого рода [5]). Есть и кузнецы, как, напр., Евфем, и кожевники, как отец Ификрата, и ювелиры, как Паммен, которому Демосфен заказал венок и одеяние для хорегии, и многие другие. Сократ был сын каменотеса Софрониска и повивальной бабки Фэнареты, как сообщает Диоген Лаертий.

[1]) Aristophan. Pax. 296.
[2]) Aristophan. Ecclesiaz. 429 сл.
[3]) Aristophan. Equit. 44. 738.
[4]) Aristophan. Aves. 798.
[5]) См. Guiraud. p. 169.

Рассказывая о заговоре спартанца Кинадона против царя и эфоров в 397 г., Ксенофонт передает сообщения доносчика, благодаря которым был раскрыт заговор. На вопрос эфоров, откуда заговорщики расчитывали добыть оружие, доносчик отвечал, что Кинадон расчитывал его найти на Железном рынке, где имеется много кинжалов, мечей, пик, топоров, секир, кос, что Кинадон водил его, доносчика, на этот рынок и показывал ему все эти предметы [1]). Из этого вытекает, что в Спарте оружейники и производители инструментов работали не по заказу или не только по предварительному заказу, но и для сбыта, что они выносили свои изделия на рынок. Такая же картина получается и в Эфесе. Там не только изготовлялись—как мы видели—в большом количестве предметы вооружения, но рынок был переполнен всякого рода оружием [2]). Точно также в «Мире» Аристофана приведенные выше производители щитов, копьев, шлемов, труб и т. д., оплакивающие окончание войны, приносят свои произведения—щиты, трубы, султаны, древки для копьев, которые у них остаются на руках [3]). Такое ремесло в полном смысле слова, ремесло, работающее на продажу, наиболее развито было, само собою разумеется, в Афинах. На афинском рынке, по словам поэта-комика Дифила, можно найти все, что угодно—печи, кровати, кувшины, кошельки, копья, ковры, мешки [4]).

В одной из упомянутых выше мим или мимнамб Герод (III ст. до Р. Х.) ведет нас в лавку сапожника Кердона (пьеса и называется «Сапожник»), за которой, очевидно, помещается мастерская. Одна женщина Метро приводит к Кердону двух новых покупательниц. Начинается пьеса с того, что раб Кердона Дримил недостаточно быстро подвигает и обтирает скамью для столь многочисленной, повидимому, для этой лавочки публики, что вызывает окрик и удары со стороны хозяина. Затем последний приказывает своему помощнику Пистосу вынуть пару сандалий, причем тот первоначально ищет их в ближайшем шкафу, а не в том, где они находятся. Наконец, коробка появляется, Кердон вынимает сандалии и представляет посетительницам свое произведение. Он расписывает его с такой гордостью и с таким жаром, как будто речь идет о великом творении художника. «Откройте только глаза. Разве подошва не совершенство своего

[1]) Xenophon, Hellen. III 3, 7.
[2]) Xenophon. Agesil. I. 26.
[3]) Aristophan. Pax. См. выше.
[4]) Pollux. Onomast X. 18.

рода. Смотрите, как сидит носок, как он прикреплен ремнями. И не говорите, что одно хорошо, другое—нет; все прекрасно. А цвет! Да дарует богиня вам всякого счастья—но ничего подобного вы не найдете. Ни шафран, ни воск так не блестят. Три мины Кердон заплатил Кандасу за кожу, но цвет ее был иной и вовсе не лучше». Однако, женщины недоверчиво переглядываются и усмехаются. Кердон начинает божиться, что он не сочиняет: «Пусть Кердон лишится всякого удовольствия в жизни, пусть потеряет имущество свое, пусть дети забудут о нем, если он хоть сколько-нибудь соврал». И затем идут жалобы на кожевников, которые богатеют, и на свою несчастную жизнь труженика: «Да, кожевники наживают барыши, они снимают сливки с нашего промысла, а мы работаем день и ночь и имеем лишь горе и заботы. Свои скамьи я грею до поздней ночи (т. е. сижу на них) и ранним утром уж не смыкаются глаза, как только горластые петухи соседа петь начинают. Да, я забыл еще сказать вам, тринадцать рабов я вынужден кормить, ведь дети мои работать не хотят, и даже когда Зевес дает нам проливные дожди, все просят—подари нам что-нибудь и сидят, как цыплята в гнезде и греют себе зад». Все же разжалобить женщин ему не удается, они непреклонны. Но и у Кердона порох еще не весь исчерпан. Он вдруг прерывает грустную повесть о своей судьбе, ибо, как гласит поговорка,—«рынок требует не слов, а меди». Он велит вытаскивать все новые и новые сорта обуви, желая поразить ими покупательниц, и воспроизводит пред ними длинный каталог товаров со всевозможными наименованиями—тут и сикионские, и ионические башмаки, сандалии из Аргоса, обувь для прогулок, утренняя, ночные туфли, высокие и низкие, цвета попугаев и ярко-красного,—все чего сердце просит.

Наконец, одна из покупательниц прерывает молчание и спрашивает, за сколько он отдаст первую показанную им пару сандалий. «Но только не греми высокими числами, а то прогонишь нас». Но, видя ее попытку сразу сбить цену, Кердон, подобно умелому борцу, старается вывернуться и предлагает ей самой назвать цену. «Если тебе нужно истинное произведение искусства, то ты предложишь нечто достойное этих седых волос, где лисица построила свое гнездо» (это обозначало у древних лысину). А когда она начинает рассматривать сандалии, он в сторону произносит молитву Гермесу и Пифоне: «Дай нам что-нибудь поесть, нам, труженикам; если теперь в сеть ничего не попадет, то горшок останется пустым».

Но покупательница не сдается: «Что ты там ворчишь вместо того, чтобы прямо и открыто цену назвать». Цену он называет высокую— целую мину, и когда покупательница подымает в отчаянии глаза к небу, он не сдается: «Ты можешь смотреть вверх или вниз, мне безразлично, даже если бы сама Афина хотела их купить, ни гроша не уступлю». Но покупательница не уступает ему в умении—она с иронией отчитывает его, заявляя, что «понимает, почему лавка его полна столь ценными и прекрасными вещами—пусть они стоят, береги их хорошенько» Кердон все же не сдается.

На помощь ему приходит вторая покупательница, которая пытается действовать уже иным способом, чем первая, веселым тоном и кокетством, апеллируя к его галантности («разве тебе не приятно дотронуться до этих прекрасных ножек, созданий Эроса?»), и она достигает своей цели. Сердце Кердона смягчается, он старается быть любезным и предупредительным, и сразу спускает цену, заявляя, что он берет лишь столько, сколько товар ему самому обошелся. Так он выпутывается из критического положения, в которое завели его пререкания с первой покупательницей. Он уступает «ради Метро (которая привела женщин) и прекрасных губок покупательницы, поцелуй которых мог бы меня, вообще из камня сделанного, вознести на небеса. У тебя ведь не язычек, а кубок наслаждений.... Протяни ножки свои». Он надевает сандалии.... «Чудесно, ничего ни прибавлять, ни отбавлять не надо; что красиво, идет всегда красоткам, можно подумать—сама Афина кроила кожу». Затем он обращается и к первой и ей тоже примеряет башмаки, называя быком того, кто шил ей старые сандалии. С ней он далеко не так любезен, но в обоих случаях одинаково расхваливает свой товар—«если бы он по мерке был изготовлен, лучше бы не мог сидеть». В заключение он просит покупательниц его не забывать: «Если вам что-нибудь понадобится, сандалии или какие-нибудь домашние башмаки, то пришлите сюда служанку». Женщины уходят. Последним аккордом является благодарность Метро, которая их привела: за свое посредничество она получает вознаграждение— может выбрать красные как рак башмаки, ибо «дающую тепло одежду умный человек должен уметь и штопать», т. е. отблагодарить другого за услугу [1]).

Здесь перед нами мастерская сапожника с 13 рабами, но и хозяин сам усиленно работает; при ней лавка с большим запасом изготовленных товаров. Сырье покупается у кожевника. Хозяин не только

[1]) Herond. Mimiamb. VII.

мастер, но и ловкий торговец, умеющий товар лицом показать, он восхваляет свои изделия, клянется и божится, изображает себя несчастным тружеником, но в то же время старается завлечь покупательниц, пользоваться услугами посредников, которые их вербуют. Имеется соединение производства со сбытом, мастерской с лавкой, производится работа не только на заказ, но и для рынка.

Однако, из этого еще вовсе не следует, что исчезла работа по предварительному заказу из собственного материала ремесленника или из сырья, полученного от потребителя. Когда государство сдает подряды на постройку храмов, стен, портиков, акведуктов и иных сооружений, оно—как видно из надписей—само же доставляет материалы—лес, камни, черепицу и т. д. Но, по словам Демосфена, и Тимотей закупил сам в Македонии лес для постройки своего дома [1]). И знаменитый Фидий сотворил статую Афины из полученных от государства золота, серебра и слоновой кости [2]).

Такого рода случаи передачи предмета для обработки его мы находим нередко. На ряду с заказом вырезать надпись, сделать статую, разрисовать рельеф или написать на стене храма картину, Боше относит к такого рода сделкам (locatio-conductio) и сдачу подрядов на обработку земли, на снятие урожая, на осушение болота, на поставку венков для публичных празднеств; он говорит о подрядчике, который берет на себя обязанность выполнить определенную работу за условленную плату [3]). Однако, Бюхер в своей статье о промышленности указывает на то, что такого рода договоры заключались и с ремесленниками и получалась упомянутая выше форма ремесла, именуемая Lohnwerk, повидимому, весьма распространенная, ибо до нас дошло много сведений о заработной плате, полученной за работу, но мало данных о ценах на готовые товары. Ремесленник именуется «берущий работу» («ergolabos»), заказчик—«дающий работу» (работодатель), «выдающий работу» («ergodetes», «ekdotes»), он выдает из дому сырье или нанимает работника, последний «берет сырье» («eklambanei») или «нанимается» [4]).

III.

Ремесленных цехов или гильдий Греция не знала, организаций, повидимому, никаких не было, по крайней мере, следов они

[1]) Demosthen. C. Aphob. 10.
[2]) См. Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. I. 297. II. 84.
[3]) Beauchet. Histoire du droit privé de la république Athénienne. IV. 1897. p. 204 сл.
[4]) Bücher. s. v. «Gewerbe». Handwört. der Staatswis. 3. Aufl. B. IV. p. 858.

не оставили, хотя приведенный выше факт сосредоточения того или другого промысла в определенной улице указывает на то, что какая-то связь между представителями его должна была существовать. Об ученичестве Платон упоминает; мы слышим об учениках у гончаров, у ткачей, у кожевников. Если ремесленник, напр., горшечник, разбогатеет, он манкирует своим промыслом, работает хуже, если он обеднеет, то лишится возможности иметь нужные инструменты и прочие необходимые ему для промысла предметы, и от этого его работа пострадает, его дети и прочие ученики будут хуже обучены [1]). Платон жалуется на то, что мастера далеко не всегда надлежащим образом обучали их, нередко отказывались сообщить им секреты своего промысла [2]). «Когда кто-либо желает сделать из человека сапожника, плотника, кузнеца или наездника, то он отдает его к соответствующему специалисту в обучение»—говорит Сократ и прибавляет: «даже желающий приучить к известной работе лошадь или вола, наверное найдет таких людей, которые согласятся их обучить». Это служит ему для противопоставления: «но если кто желает или сам изучить справедливость, или отдать в науку своего сына или раба—следовательно, в обучение отдавали и рабов—то не знает, куда за этим обратиться». В другом случае Сократ заявляет: не странно ли мнение, будто бы там, где речь идет о занятиях не особенно важных (читай: о ремеслах), нельзя сделаться знатоком своего дела без хорошего учителя, а управление государством, величайшее из всех занятий, дается человеку, само собой, без предварительного обучения. Говоря о легкости изучения земледелия, Ксенофонт противополагает его ремеслам, на изучение которых нужно затратить много времени и тоже находит, что ремесленники скрывают от других то, в чем они наиболее отличаются, тогда как земледелец или садовник всегда охотно поделится с другими своими знаниями и опытом, так что, в отличие от других промыслов, земледелие облагораживает нравы [3]).

Находим и наследственность промыслов, хотя и не в смысле обязательного перехода от отца к сыну или иному ближайшему родственнику и недопущения посторонних лиц, чего вследствие отсутствия корпораций, не могло быть, а в виде обучения отцом сына своей же профессии, постепенного участия его в работах и, наконец

---

[1]) Platon. Polit. IV. 421. См. также Gorgias. 70. Menon. 27.
[2]) Platon. Protagor. 16.
[3]) Xenophon. Memorab. IV. 2, 2. IV. 4,5. Oikonom. XV. 10 11.

замены им отца,—все это добровольно выполняя по собственной инициативе.

В области искусства и того, что теперь именуется художественной промышленностью, такая наследственность была, повидимому, широко распространена. Такие знаменитости, как Пракситель, как Апелл, как Парасий, как Агелаид из Аргоса, работают с сыновьями, с отцом, с братом. В Дельфах постройкой храма в течение почти столетия руководят члены одной и той же семьи—должность строителя переходит от одного к другому в течение четырех поколений. Но переход занятия от отца к сыну мы наблюдаем и в производстве художественно исполненных ваз. На них указано имя исполнителя и прибавлено имя отца; это означает, что последний был учителем сына. Геродот рассказывает, что в Лакедемонии, подобно тому, как в Египте, промыслы глашатая, флейтиста и повара были наследственными. В Афинах мы встречаем такого рода случаи, как обучение кожевником Анитом своего сына кожевенному ремеслу, в чем Сократ его упрекает; сам Сократ научился у отца каменнотесному промыслу. Платон упоминает о таких случаях и прибавляет: сколько времени гончару приходится смотреть и помогать в работе отцу, прежде, чем он научится самостоятельно выделывать посуду [1]).

Франкотт обращает внимание на одно весьма важное обстоятельство: значительная часть ремесленников состоит из лиц иностранного происхождения, переселившихся в страну, навсегда покинув свое отечество. Причины такой эмиграции могли быть различные, в одних случаях политические, в других экономические. Побежденной политической партии приходилось искать убежища за рубежем, ибо победители не знали пощады — им грозила смертная казнь, изгнание, конфискация имущества. Экономический рост сосредоточивался в немногих пунктах. Здесь развивалась торговля и промышленность, сюда направлялось население из других местностей, из деревень и из чисто земледельческих районов. Недаром среди мест, куда шла эмиграция, как видно из надгробных надписей, на первом месте стоят Афины, затем Родос и Делос. Из шестидесяти двух местностей, где Клерк нашел метеков, т. е. неполноправных граждан-иммигрантов, сорок являются портовыми городами.

---

[1]) Herodot. VI. 60. Pausan. I. 8,4. Platon. Protagor. 16. Polit. V. 467 A. Xenophon. Apolog. Socr. 29—30. Loewy. Inschriften griechischer Bildhauer. 1885. Reinach. Traité d'épigraphie. p. 436. Francotte. I. 298. II. 69. Guiraud. p. 65.

Греческие государства поощряли такую иммиграцию. Плутарх рассказывает о Солоне, что, в виду бедности почвы Аттики, он старался распространить среди населения ремесла. Потому-то он давал права гражданства тем, кто навсегда был изгнан из своего отечества, и тем, кто поселился со своей семьей для занятия ремеслом. Он расчитывал, что такие переселенцы прочно сольются с местным населением, будут смотреть на Аттику, как на новое отечество, так как лишились своей прежней родины или оставили ее добровольно [1]). Но такую же политику древние авторы констатируют и в других местах—в Эпидамне, на острове Самосе при Поликрате. У Платона граждане не должны быть ремесленниками, а ремесленный труд должен быть всецело предоставлен иностранцам. Он причисляет к одному классу «ремесленников и, вообще, иностранцев» [2]). По Аристотелю в древние времена в некоторых государствах рабы и иноземцы составляли класс ремесленников, почему и в настоящее время этот класс состоит большей частью из рабов и иноземцев[3]), а неизвестный автор «Афинского государства» заявляет, что «город нуждается в метеках для многих ремесл и для флота, почему мы и дали метекам равноправие»[4]). И другой автор считает привлечение метеков делом крайне полезным, ибо они занимаются сельским хозяйством и ремеслами. «Так как в пределах города есть много пустых площадей, то с предоставлением достойнейшим из них права строиться в городе и приобретать дома в собственность, в Афины направлялось бы много эмигрантов. А если создать должность попечителей над метеками, подобно тому, как имеются попечители сирот, и установить награды для тех, у кого окажется больше метеков, то, естественно, это внушит метекам большую преданность городу и привлечет в Афины всех благородных лиц, которые увеличат городские доходы» [5]).

В этом сочинении упоминается и о том, что среди метеков имеются не только греки, но и жители Лидии, Фригии, Сирии. Однако, в надписях, разработанных Клерком, они составляют меньшинство: всего 78 среди 699 (в том числе 20 фракийцев, 15 финикиян). Все остальные—греки, при чем представлено большинство местностей Греции: 74 из Гераклеи, но они распределяются на ряд городов, носивших это название, 29 из Милета, 27 из Антиохии, 21 из Синопы, 20 из

[1]) Plutarch. Solon. 24.
[2]) Platon. Leges. 846 D. 848 A.
[3]) Aristot. Polit. III. 3, 2.
[4]) Athen. Pol. I. 12.
[5]) De vectigal. II. 1—2. 6—7

Фив, 16 коринфян, 13 уроженцев Сикиона, 11 Олинта, по 10 из Эгины, Эфеса и Византии. Среди метеков имелись не только лица свободного происхождения, но и вольноотпущенники. Клерк полагает, что бывшие рабы были главным образом из варваров, настоящие же метеки, свободные, являлись преимущественно греками. Насколько велико было участие этих иностранцев в области промышленности, можно усмотреть из того, что в различных счетах, касающихся построек (храма Эрехфиона, храма Зевса, акведука и т. д.) V—IV ст. среди 130 человек имеется всего 50 афинских граждан, все же остальные 80 являются метеками. Последние, вообще, занимаются самыми разнообразными работами. Тут кожевники и сапожники, валяльщики и ткачи, пекари, каменотесы, столяры, работники по металлу, мастера, выделывающие предметы из железа, меди, свинца, оружие всякого рода, утварь, далее производители черепиц, ламп—выделка ламп являлась даже, по словам Андокида, работой, свойственной иностранцам и варварам. На постройках много подрядчиков-метеков, берущих на себя перевозку материалов, возведение или сломку зданий, декорирование их. Они фигурируют и в качестве художников, которым принадлежат фриз и барельефы храма и живопись на вазах. Среди них, напр., знаменитый Мис, современник Парасия; он вырезывал барельефы по рисункам последнего[1]).

Наконец, к художественной промышленности относится ряд иностранцев, имена которых пользуются мировою известностью в области вазовой живописи. Среди афинских живописцев этого рода, на которых покоится слава аттических ваз, имеется целый ряд—более двадцати—надписавших на вазах свое имя, из которых видно не-аттическое, иногда даже не-греческое происхождение. Такое имя, как Амасис, указывает на Египет, Сиканос или Сикелос на Сицилию, Скитес—скиф, Литос—лидиец, Холхос из Колхиды; такие имена, как Kachrylion, Brygos, Duris, также принадлежат, несомненно, художникам, переселившимся в Афины из других мест. Последние два отличаются особенно крупным талантом, и вазы с их краснофигурными рисунками ценятся чрезвычайно высоко. Брюгос славится многообразием мотивов, заимствуя свои сюжеты как из повседневной жизни, так и из мифологии, особенно он силен в изображении сцен, состоящих из ряда фигур, в которых виден драматический талант художника. Иными свойствами отличается Дурис. Его фигуры

[1]) Clerc. Les metèques athéniens. 1893. p. 490 сл.

не обладают ни силой выражения, ни реализмом Брюгоса, но в сценах, изображающих палестру, в фигурах юношей, которых он особенно охотно рисует, мы находим легкость и элегантность, нежную и несколько монотонную грацию, положившую основание той манерности, которая появляется несколько позже [1]).

Если мы будем иметь в виду, что метеки, хотя и под другими названиями, существовали везде и повсюду в Греции — Клерк насчитывает такую группу населения в 71 местности [2]),—то мы придем, быть может, к тому выводу, что ремесло в Греции, как и в других странах древнего мира (возможно, что и у современных не-европейских народов), возникло благодаря иноплеменникам, переселившимся в страну, что первыми ремесленниками были иностранцы, так как местное население занималось сельским хозяйством или изготовляло необходимые для собственных надобностей промышленные изделия. Переселенцы же принесли с собой новые виды промыслов, начали изготовлять изделия, ранее неизвестные местным жителям, стали впервые работать не для собственных потребностей, а для других, по заказу, за определенную плату — возникли первые формы и случаи оплаты труда. На ряду с получавшим вознаграждение за услуги жрецом, певцом, врачевателем, появились и представители физического труда, оплачиваемые населением. Во всяком случае, эти иноземные ремесленники в Греции, как и в других странах древнего (и нового) мира, должны были явиться носителями новых идей и усовершенствований в области промышленности, связующим звеном между различными народностями, перенимавшими от переселенцев новые способы производства и новые виды и формы промышленных изделий.

---

[1]) Kretschmer. Die griech. Vaseninschriften ihrer Sprache nach untersucht 1897. p. 73 сл. Klein. Die Griechischen Vasen mit Meistersignaturen. p. 43. 49. 192 Dictionn. des antiquités etc. Fasc. 49. s. v. Vasa (Aggeia). 1914. p. 648.

[2]) Clerc. s. v. Metoikoi. Dictionn. des antiquités etc.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Характер и формы греческой промышленности [1]).

I

Бюксеншютц и Блюмнер в свое время дали подробное и исчерпывающее описание всевозможных местностей древнего мира в отношении производимых каждой из них промышленных изделий. Из этой промышленной географии видно, что промышленное развитие сосредоточивалось в сущности лишь в немногих пунктах. Так, напр., в средней Греции «Акарнания, Этолия, Локрис и Фокида ни в какой отрасли промышленности не выделялись. Жители этих плодородных долин, полу-дикари, полу-воины, занимались главным образом земледелием, виноградарством и скотоводством». Если же упоминается об этолийском или акарнанском оружии, то «это означает, что население этих областей было особенно искусно в пользовании им, а вовсе не свидетельствует о значительном производстве этого рода изделий». Совершенно не было промышленности далее ни в Аркадии, отрезанной горным хребтом от других областей и мало доступной влиянию культуры, ни в плодородной Мессении, вполне кормившейся своим сельским хозяйством, ни в Элисе, где разводилась желтая конопля, хотя мы не знаем даже, обрабатывалась ли она там. Сюда же относятся Фессалия, Эпир, в значительной мере также Фракия и Македония и многие острова, как, напр., Фасос, Имброс, Лемнос. Фессалия занималась коневодством и торговлей рыбами, вывозила хлеб и вино, овцеводство было мало развито, известны

---

[1]) Литература—см. гл. V.

были древним лишь мягкие разукрашенные фессалийские кресла — жителей Фессалии прочие греки, вообще, считали чрезвычайно изнеженными по их одежде и образу жизни. В Эпире было развито скотоводство и вывоз соленой рыбы; Фасос был знаменит своим вином и для надобностей виноторговли производились и глиняные сосуды—амфоры, но о них упоминается всегда лишь в связи с хранением вина, так что сам по себе гончарный промысел, повидимому, не имел там значения.

Но как обстояло дело в других областях Греции? Различные виды промыслов мы там находим. Как мы видели, одного производства в пределах домашнего хозяйства было недостаточно. Однако вопрос заключается в том, было ли это производство ограниченных размеров для местного сбыта или же существовали и отрасли промышленности, которые в том или другом месте развились настолько, что начинали работать и для широкого рынка. В первом случае все производство сводилось к ремеслу, к мастерским мелких ремесленников или хозяев, работающих для данной местности при помощи известного количества собственных или нанятых у других рабов, да еще к крестьянским мелким промыслам, поскольку выделка тех или других изделий, производимых первоначально для собственных надобностей, вышла за эти узкие пределы и крестьяне стали обрабатывать то же сырье, имевшееся в данной местности, шерсть, глину, камни, металлы, и для продажи на местных базарах. При производстве для широкого рынка, напротив, предполагается вывоз изделий в другие области и страны, наличность скупщиков, приобретающих у населения, в особенности крестьянского, изготовленные продукты, дающих населению заказы и об‘езжающих различные города и страны для продажи этих товаров. Для неопределенного рынка работает, однако, не только такая «децентрализованная» мануфактура, точнее кустарная или домашняя промышленность, но и централизованная промышленность, крупные предприятия, где предприниматель не только коммерсант, но и промышленник, не только закупает сырье и сбывает товары, но и руководит и самым процессом производства.

Вся суть, как мы видим, в характере сбыта, из него мы можем выяснить, о какой форме промышленности идет речь. Нынешние авторы нередко представляют себе промышленность древней Греции в виде крупного производства, говорят о широком развитии товарообмена, захватывавшего все побережья Средиземного моря, Египет, Сирию, Малую Азию, Италию. Такая об-

ширная торговля не могла покоиться на вывозе тех немногих предметов сырья, которые давала Греция, страна маленькая и бедная естественными богатствами. К ним должны были присоединяться, по мнению этих писателей, и промышленные изделия, экспорт которых и достигает значительных размеров. «В Греции—говорит Эдуард Мейер—развивается промышленность, работающая для вывоза. Так, жители Милета выделывают главным образом шерстяные ткани, пурпурные одежды и ковры, которые они через Сибарис отправляют в Италию, особенно к этрускам; с ними соперничают Хиос и Самос. Металлическими изделиями, оружием, сосудами, предметами украшения славится преимущественно Коринф, Халкида и Аргос. Из Кирены, Фив и Сицилии получались лучшие колесницы. Эгина производила главным образвм мелочные и галантерейные товары, притирания и пр. Важное значение имели глиняные изделия, особенно вазы, украшавшиеся первоначально геометрическим и растительным орнаментом, а позднее сценами из жизни и мифологии. Эти вазы употреблялись частью как сосуды для вывоза масла, вина, мазей и т. п., частью (лучшие экземпляры)—в качестве домашней утвари; самые дорогие из них, очевидно, искони служили предметом роскоши и ими пользовались разве только в исключительных торжественных случаях. С их помощью мы можем еще теперь проследить конкуренцию отдельных фабрик и различные стадии в истории торговли» [1]).

Эдуард Мейер говорит здесь о «фабриках»—выражение, во всяком случае, неточное, хотя нередко и употребляемое в отношении древности современными авторами, упускающими из виду, что фабрика предполагает применение машин и двигателей, пользование рациональными химическими способами, чего в древнем мире не было. Но даже если заменить ее мануфактурой и кустарной промышленностью, то и тогда возникает сомнение относительно того, действительно ли во всех указанных Эдуардом Мейером случаях существовали эти формы крупной промышленности, действительно ли все эти перечисленные им местности производили соответствующие товары для экспорта, для внешнего рынка.

В самом деле, если мы продолжим прерванный нами географический обзор Греции с точки зрения промышленности, то увидим, что и помимо названных выше местностей, где почти совсем не было промышленности, и большинство других, хотя и имевших

[1]) Мейер. Экономическое развитие древнего мира. 3 изд. 1910. Стр. 28—29.

различные виды промыслов, едва ли создали у себя крупную промышленность, работавшую для экспорта. Данных о таком экспорте, не вызывающих сомнения, мы находим сравнительно немного. Так, напр., если мы остановимся на Беотии, то увидим, что—как указывает Блюмнер—«жители ее в промышленности так же мало имели значения, как и в истории, хотя и можно было бы ожидать иного, судя по естественным, весьма благоприятным условиям страны... Только один промысел с древнейших времен и в течение продолжительного времени, повидимому, процветал, производство металлических изделий, но—прибавляет Блюмнер тут же, совершенно опровергая свои же слова,—сообщения об этом очень бедны и относятся главным образом к мифическим временам» [1]). «Дольше, повидимому, развивалось гончарное производство»,—но чем это доказывается? Упоминанием одного автора о сладком вине в беотических «скуфах» и ответом беотийца у Аристофана на предложение афинянина дать ему за беотийские товары рыбу и сосуды—«это и у нас имеется», после чего Дикеополис советует ему взять сикофанта; «клянусь богами, его бы я взял, на нем я хорошо заработаю, показывая его как злую обезьяну». Но об экспорте гончарных изделий здесь нет речи. Тот же беотиец у Аристофана привозит в Афины много товаров для сбыта, но промышленных изделий среди них почти совсем нет. Тут имеются всякого рода птицы, водяные куры, утки, гуси, рябчики, сойки, корольки, далее зайцы, лисицы, даже кроты, ежи, выдры, дикие кошки, угри из Кописского озера, а из предметов промышленности только цыновки и светильники для ламп. И в другом месте Аристофан говорит—«да пришлет нам Беотия на рынок гусей, уток, голубей, полные корзины угрей из Кописского озера, из-за которых мы будем спорить, толкаться, кричать» [2]). У него нигде не говорится о беотийских колесницах, а между тем—как мы видели—Эдуард Мейер утверждает, что из Фив, Кирены и Сицилии вывозились колесницы. «Фивы—читаем у Блюмнера—считались изобретателем колесницы, но такого рода указания обыкновенно означают лишь то, что соответствующий предмет в данном месте производился по преимуществу и особенно высокого качества, и Пиндар, действительно, восхваляет выделываемые в Фивах колесницы» [3]). А Бюксен-

[1]) Blümner. Die gewerbl. Tätigkeit der Völker des klassischen Altertums. 1869. p. 59—60.

[2]) Aristophan. Pax. 1603. Archarn. 873 сл. 901 сл.

[3]) Pindar. Pyth. IV. 13. (Аркесилаю, победителю в беге колесниц).

шютц идет и дальше: «применение колесниц при состязаниях не могло быть настолько обширно, чтобы в отдельных местностях вызвать расцвет этого промысла». Действительно, Пиндар воспевает победителей в беге колесниц и называет города, из которых они происходят, «хорошо снабженными колесницами» (euarmatos), знаменитыми своими колесницами [1]). Но этот же эпитет—он имеется и у Софокла [2])—Пиндар применяет к царю Иерону Сиракузанскому и к Тразибулу Агригентскому—очевидно речь идет об обычных в поэзии «украшающих эпитетах»—ничего более ссылка на Фивы, Кирену или Сицилию не означает [3]).

Из Арголиса вывозились, по словам Эдуарда Мейера, металлические изделия. Антифан советует приобретать там тазы [4]), у Пиндара встречается оружие из Аргоса, в особенности щиты [5]) своеобразной формы; они упоминаются и у Павсания. Последний рассказывает и о произведенных там металлических статуях. Одна из них относится к VI ст. и художники, подписавшие на ней свое имя сообщают, что свое искусство они переняли от отцов [6]). Но это и все. Однако, Блюмнер указывает на то, что оружейное производство рано потеряло свое значение, и аргивский щит обозначал лишь щит определенной формы, но вовсе не данного происхождения,—так что если крупное производство, работавшее для экспорта, и имелось здесь в оружейном промысле, то лишь весьма кратковременно, и вскоре последний снова принял форму мелкого промысла, изготовляющего для местного рынка. Дольше существовал гончарный промысел, но он «никогда не имел существенного значения и был всегда предназначен лишь для местных нужд», и, вообще, «из входящих в состав Арголиса городов ни один не отличался каким-либо особым промыслом» [7]). А Бюхер обращает внимание на то, что хотя в Аргосе и выделывались с давних пор художественные предметы из металла, которые легко можно было узнать, в виду их характерной формы и способа производства, но к торговле все это имело мало отношения. Слава аргосских металлистов распространялась благодаря празднествам, устраивавшимся

---

[1]) Büchsenschütz. Die Hauptstätten des Gewerbefleisses im klass. Altertum. 1869. p. 55.
[2]) Sophocl. Antig. 845.
[3]) Bücher. Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte (Beitr. zur Wirtschaftsgesch. 1922). p. 59 сл.
[4]) Athen. I. 27 D.
[5]) Pindar. Olymp. VII. 148. IX. 141.
[6]) Pausan. II. 25, 7.
[7]) Blümner. p. 77—80.

там в честь Геры, во время которых победители получали в качестве призов на состязаниях металлические щиты. Среди местных игрищ, устраиваемых во всяком сколько-нибудь значительном городе древней Греции, эти празднества принадлежали к числу наиболее посещаемых [1]).

Как Эдуард Мейер, так и ряд других авторов подчеркивают огромную роль греческой колонии Милета в области производства шерстяных изделий. Цветные ткани Милета—по словам Белоха—в VI ст. завоевали себе рынок вплоть до отдаленной Италии. Относительно широкого экспорта пурпурных тканей, ковров и других текстильных изделий, повидимому, нет сомнений; Милет чуть ли не изображают в виде древнего Манчестера или, по крайней мере, Ахена или Вервье. «Если мы будем иметь в виду социальные условия Греции—говорит один автор—и на основании их попытаемся оценить значение торговли и промышленности, то едва ли можно будет отрицать, что богатый милетский фабрикант шерстяных изделий занимал сходное положение с бельгийским крупным промышленником в текстильной индустрии».

Бюхер потратил много труда на уничтожение этой славы Милета, на разрушение одного из тех псевдо-научных «гнезд гусениц», которые, по его словам, в столь обильном количестве развились в области экономической истории древнего мира. Бюхер не отрицает частого упоминания о Милете у древних авторов и подчеркивания его промышленного значения—у Блюмнера приводится свыше трех десятков цитат этого рода. Но вся суть в том, что везде говорится о милетской шерсти, но отнюдь не об изделиях из нее, т. е. можно говорить лишь о вывозе сырья, но не фабрикатов. Впрочем и первое еще не доказано. Точно установлено лишь, что в Милете имелось тонкорунное овцеводство и получалась шерсть высокого качества. Для древних слова «милетская шерсть» являлись выражением всего тонкого и нежного, и сплошь и рядом они применяются и там, где о происхождении самой шерсти никто и не думает. Когда они говорят: «милетские ткани», то выражают этим не более того, что мы, называя шерстяные материи кашемиром, тибетскими или мериносовыми; мы ведь вовсе не хотим этим сказать, что они из шерсти, произведенной в Кашмире или Тибете или полученной от испанских мериносов. Тем не менее он готов допустить, что в извест-

[1]) Bücher, p. 56.

ных случаях идет речь о действительно вывезенной из Милета шерсти. Когда в «Лисистрате» Аристофана женщины, собравшиеся на сходку, стараются найти повод, чтобы сбежать, и одна из них заявляет, что у нее лежит дома милетская шерсть, которую съест моль, то возможно, что это шерсть от овец милетской породы, разводимых в самой Аттике, но возможно и другое—она была привезена из Милета на афинский рынок, где шерсть продавалась целыми рунами. Он охотно верит древним, что в Милете также производились из шерсти ковры, покрывала, сетки для волос и что они пользовались известной славой, являясь для них тем же, что для нас представляют персидские ковры. Подобно последним, и они изготовлялись женщинами в домашнем хозяйстве. Об этом свидетельствует идиллия Феокрита, где он воспевает прялку, дар голубоглазой Паллады, которую он намерен повезти в Милет, жене своего друга, тамошнего врача Никия—Февгениде. Самостоятельной професеией мужчин ткачество в Греции не стало. В этой прелестной идиллии «Прялке» Феокрит поет [1]):

Смело сопровождай нас в Нелея великолепный град,
Где Киприды святой храм в камышах весь зеленеется.
Просим, чтобы туда Зевс нам послал ветра попутного,
Да увижу я там друга и им буду приветствуем
Также. Никий тот друг, отпрыск харит сладкоглаголевых.
И тебя из слона крепких клык дивно точеную
Мы везем в руки отдать Никия жене—в дар для Февгениды.
С нею ты напрядешь много всего -платьев праздничных
Для мужчин и для жен,—точно вода тканей светящихся.
Дважды каждый бы год надо с овец волну пушистую
Стричь на тучных лугах для красотой чудной Февгениды:
Так в работе спора, так любит все, что любят умные...
А теперь ты, попав к мужу-врачу в дом, обученному
Прогонять от людей разной травой страшные недуги,
В Ионийской земле будешь жить, в Милете прелестнейшем,
Чтобы прялкой средь жен прочих была славна Февгенида
И служила б ты ей в память о мне, любящем пение.

Подобным же образом в Патрасе, по словам Павсания, большинство женщин занималось выделкой (из басса) тонких тканей, напоминавших шелк [2]).

Конечно, это не исключало возможности производства для рынка. Там, где, благодаря опыту и навыку, благодаря высокому качеству и своеобразному характеру изготовляемых изделий, создается рынок для такого рода произведений домашнего труда, там эти специальности приобретают

[1]) Стихотвор. Феокрита. Пер. А. Н. Сироткина. 1890. Идилл. XXVIII, 3 сл. 19 сл.

[2]) Pausan. VII. 21.

славу, выходящую далеко за пределы первоначального места производства и потребления их. «Чтобы пояснить это примерами из области шерстяной промышленности—продолжает Бюхер,—укажем на известные во всей Греции толстые материи из Пеллены (в Ахайе), на лаконские плащи, на цветные материи с острова Тера, искусно выделанные покрывала и ковры коринфские, милесские, из Сардеса. Повсюду это домашнее производство для рынка, повидимому, связано с разведением овец. Известным предметом сбыта на афинском рынке были во времена Сократа грубые одежды для рабов, которые изготовлялись в домах, занимавшихся овцеводством мегарян их несвободными слугами. Само собой разумеется, современные писатели не могли удержаться от превращения и этих ленивых невежественных мужиков, которые лишь благодаря соседству Мегары с Афинами пользовались некоторым благосостоянием, в богатых фабрикантов, забывая слова киника Диогена, что он хотел бы быть лучше бараном, чем сыном мегарийца, ибо они больше заботятся о своих овцах, чем о своих детях». Правда, Бюхер допускает, что эти изделия домашнего труда женщин могли скупаться торговцами, подобно тому, как это делается в настоящее время в центрах коврового производства в странах Востока, но он все же не считает возможным заполнять пробелы в источниках предположениями и находит, что в странах, где потребность в шерстяных материях удовлетворяется каждым в пределах собственного хозяйства, остается не много места для торговых операций. Милетская шерсть высокого качества—заключает он—и искусно вытканные из нее пурпурные ткани пользовались славой в Греции и составляли предмет роскоши, которым весьма интересовались. Но мы не уверены даже в том, что милетские женщины постоянно и в значительных размерах работали для сбыта [1]).

Все же—как мы видим—при всех ограничениях и оговорках, которые делает Бюхер, он допускает в известных пределах сбыт не только милетской шерсти, но и фабрикатов, изготовляемых крестьянками, и не только на местном рынке, но и в других районах. Он, конечно, прав, указывая на то, что сбыт таких свойственных тем или другим местностям определенных видов изделий производился в формах, не имеющих ни малейшего сходства с современными коммерческими приемами и способами. Но все же

[1]) Bücher. Griech. Wirtsch. p. 40 сл. 46 сл.

одно остается: каким-то путем сбыт совершался, торговец тем или иным образом приобретал крестьянские изделия, на которые существовал спрос в других областях, и отвозил их туда. Производство имело характер подсобного промысла, было тесно соединено с домашним хозяйством, со скотоводством, доставлявшим сырье, и сбыт главным образом совершался на местном рынке; лишь отчасти шерстяные изделия изготовлялись и для торговца. Но не исключено и другое предположение, что сбыт обходился и без всякого торговца, а производитель непосредственно продавал свои изделия на ярмарках и рынках, ездил и в соседние города и области, как делали нередко наши крестьяне, занимавшиеся теми или иными промыслами. Во всяком случае, в виду отсутствия в источниках не только данных о самой форме промышленности, существовавшей в той или другой местности и отрасли производства, но даже в большинстве случаев сведений о вывозе ее изделий в различные страны и области, наши выводы могут быть лишь весьма гадательны, и почти всегда остается неразрешенным вопрос о том, действительно ли экспортировались соответствующие товары, или же древние авторы, говоря о произведениях, свойственных известной местности, столь же мало думали о торговле ими, как мы в настоящее время, говоря об английском сукне, швейцарском сыре, франкфуртских сосисках или вяземских пряниках.

К последнего рода случаям относятся, повидимому, не только лаконские прозрачные ткани, но и лаконские «котоны»—сосуды с узким горлышком и одной ручкой, напоминающие фляжку, и даже лаконская обувь. Правда, из Павсания видно, что спартанца можно было легко узнать по одежде и обуви, а в «Осах» Аристофана отец упрашивает сына надеть лаконские башмаки, что тот отказывается сделать из вражды к Лакедемонии[1]). Но все это не исключает возможности того, что речь идет об изделиях определенной формы и качества, которые, быть может, первоначально стали производиться в Лаконии, а затем были заимствованы и другими областями и выделывались и там, — тем более, что промышленный расцвет Лакедемонии продолжался лишь короткое время, и Спарта, как известно, ничего не делала в целях развития своих промыслов.

Напротив, Эгину Блюмнер и другие авторы сравнивают со средневековым Нюрнбергом, указывая на то, что жители этого

[1]) Pausain. VII. 14. Aristoph. Vesp. 1157. Ecclesiaz. 74. Thesmoph. 142.

острова, подобно нюрнбергцам, отличались талантами в производстве галантерейных и скобяных товаров: цепочек, пряжек, красок, румян, притираний, изделий из поддельного янтаря и стекла и т. д.; как они, распространяли свои изделия по всевозможным странам; наконец, аналогично нюрнбергским жителям, совершали обширные, нередко сопряженные с большими трудностями, путешествия в интересах своей торговли. При этом, однако, как оказывается, собственного сырья Эгина не имела, не обладала металлами, из которых главным образом производились товары; только глина добывалась на самом острове и из нее выделывались сосуды, почему он получил прозвище «продающего горшки». Это отсутствие сырья не может не вызывать сомнения в том, что производство металлических изделий, попросту именуемых «эгинскими товарами», совершалось в значительных размерах; Блюмнер допускает, что, вообще, большая часть последних не изготовлялась в Эгине, а именовалась так лишь вследствие того, что они привозились торговцами из Эгины. Действительно, Аристотель, говоря о промыслах, преобладающих в различных местностях, называет для Эгины только торговцев[1]). Бюхер допускает, что в Эгине производились пахучие мази, подсвечники из бронзы, о которых упоминает Плиний Старший, и простые гончарные изделия, но—прибавляет он—какой греческий город не имел таких специальностей? В частности можно привести до полусотни местностей, известных в древности своими благовониями [2]). Что же касается рассуждений о торговле металлическими статуями и о том, что Онат из Эгины сбывал свои произведения по высокой цене повсюду—вплоть до Фасоса, Пергама, Тарента и Сицилии, то на самом деле никакой торговли статуями не было, а Онат работал по заказу. Жители Фасоса заказали у него статую Геркулеса, которую они желали принести в дар Олимпийскому храму, Тарент заказал ему группу для дельфийского святилища, Иерон Сиракузский четверку лошадей для Олимпии; огромных размеров статуя Аполлона создана им же, неизвестно, однако, была ли она заказана именно Пергамом [3]).

Как бы то ни было, разница между немецким «Нюрнбергом» и «греческим Нюрнбергом» та, что относительно первого у нас есть точные сведения, тогда как все, что высказывается относительно второго, в значительной мере принадлежит к области фан-

[1]) Aristotel. Polit. IV. 4, 1.
[2]) Bücher. p. 63 сл.
[3]) Blümner. p. 90. Bücher. p: 65.

газии. Для Нюрнберга мы имеем список 1332 г. из 69 городов и местностей в различных частях Европы, где нюрнбергские купцы были освобождены от уплаты торговых сборов, имеем и сведения о тех местах, где найдены могилы нюрнбергских купцов и о количестве могил (они установлены в Лондоне, Лионе, Каталонии, Кракове, у Черного моря, особенно же в Венеции—словом во всех частях Европы). До нас дошли уставы и грамоты, из которых видно, что в Нюрнберге в начале XVI ст. насчитывалось свыше 20 цехов, изготовлявших самые разнообразные предметы из железа, олова, латуни, стекла, что там имелись цехи, выделывавшие булавки, наперстки, гвозди, колокольчики, трубы, бутылки и т. д. В нюрнбергских постановлениях XVI ст. регулируются и отношения между торговцами и мастерами, работающими на них; первые обязаны уплачивать чистой монетой, а не товарами или испорченными деньгами, обязаны расплачиваться с мастерами по четвертям года и т. д.

На основании таких данных мы можем утверждать, что в Нюрнберге существовала кустарная форма промышленности. Но в праве ли мы это сделать в отношении Эгины, когда о форме производства, о наличности кустарей и скупщиков ничего не известно; относительно видов изготовляемых там товаров, если не считать кастрюль, частей подсвечников, притираний, имеются самые скудные сведения и, наконец, даже область распространения тех товаров, которые именуются эгинскими, нет возможности установить сколько-нибудь определенно. Ибо из того, что бронзовые статуи ваятеля Оната встречаются в Фасосе, Пергаме, Таренте и Сицилии, еще вовсе не следует, что во все эти места попадали и простые металлические вещи.

Самое печальное это то, что—в отличие, напр., от средневековой эпохи—до нас совершенно не дошло списков товаров, проходивших через ту или другую таможню, так что нам приходится всецело полагаться на сообщения авторов относительно привозимых из какой-либо местности товаров, сообщения, имеющие сплошь и рядом случайный и по необходимости всегда суб'ективный характер. Но незначительная роль промышленных изделий в товарообмене древней Греции ярко выражается и в этих указаниях. Афиней в своем сборнике приводит тексты греческих поэтов, указывающих на товары, которые составляют специальность различных местностей Берем из них то, что относится к Греции (отбрасывая произведения Италии, Сирии, Египта и т. д., нас не касающиеся). По-

лучаем следующее. По Антифану, Аргос производит тазы, Коринф—покрывала, Афины—благовония; по Гермиппу, Родос—изюм и сушенные смоквы, Эвбея—груши и яблоки, Фригия—рабов, Аркадия—наемников, Пагаза (в Фессалии)—тоже рабов, Пафлагония—орехи и миндаль, Крит—кипарисы; о промышленных изделиях у него ни слова. У Пиндара находим из Лакедемонии охотничьих собак, из Скироса—коз, из Аргоса—оружие, из Фив—колесницы; у Крития—кресла из Фессалии, кровати из Милета и Хиоса, из Фив опять колесницы, из Афин—керамические изделия. Наконец, у Антифана снова перечислены одни сельскохозяйственные продукты—всевозможные растения из Кипра, Милета, Тенедоса, Гиметта (в Аттике) [1]. Подводя итог приведенному из промышленных изделий, находим уже упомянутые металлические товары из Аргоса и колесницы из Фив, а кроме того также афинские благовония и сосуды, коринфийские покрывала [2]) кровати из Милета и Хиоса, кресла из Фессалии. Все же остальное—всевозможные животные, растения, фрукты, миндаль и орехи, наконец, рабы. Так что результат получается довольно бедный—промышленные изделия в вывозе различных местностей Греции имели весьма мало значения.

II.

Каким характером отличалась промышленность в таких областях, которые выдвигались по сравнению с прочими, как Коринф или Афины? Этот вопрос представляет наибольший интерес и является весьма спорным. Как мы видели, в Афинах разного рода промыслы были обильно представлены и, несомненно, существовала не только специализация, но и свидетельствующее о гораздо более высоком промышленном развитии расчленение процессов производства. Значительно меньше данных имеется относительно Коринфа, но и там может быть установлено существование разнообразных отраслей производства,—судостроения, обработки металлов, гончарного промысла, шерстяной промышленности, выделки благовоний. Но такое перечисление едва ли может удовлетворить кого-либо. При собирании фактов этого рода сваливается в одну кучу «большое и малое, постоянное и временное, типическое и случайное, существенное и неважное». Между тем, лишь при расчленении этих

[1]) Athen. I. 27—28.
[2]) Об Афинах и Коринфе см. ниже.

моментов может получиться известное представление о характере промышленности. В частности и тут возникает тот же вопрос, насколько мы имеем дело с производством для экспорта, в каких отраслях оно имело место и происходил ли вывоз лишь временно или же в течение продолжительных периодов и имел ли он правильный или только случайный характер, иначе говоря, экспортировались ли незначительные излишки, остававшиеся сверх того, что сбывалось на месте, или же это было постоянное, расчитанное на внешний рынок производство в более или менее значительных размерах.

Известен коринфский стиль расписных ваз с мотивами, заимствованными с Востока. На них изображены цветы лотоса, лев и пантера, сказочные существа всякого рода — крылатые звери, люди-рыбы, сирены, грифы, сфинксы. Таких ваз найдено много и в Греции и далеко за пределами ее, в особенности в Этрурии, меньше всего в самом Коринфе. Но были ли они и изготовлены в последнем или этот стиль был заимствован и другими городами и они также воспроизводили восточный орнамент, по образцу коринфян? Мнения археологов расходятся. Одни утверждают, что в частности раскопки итальянские (этрусские) свидетельствуют об изделиях местного производства, обнаруживающих гораздо меньше искусности, чем работы самих коринфийских художников. Впрочем, и они признают, что промышленность Коринфа долго властвовала над значительной частью древнего мира, хотя и не своими произведениями, а образцами, которые широко распространялись и повсюду вызывали подражания. Другие исследователи, напротив, протестуют против этой моды приписывать грекам лишь наиболее художественные изделия и все, что обнаруживает меньше вкуса, оставлять на долю этрусков; по их мнению, центрами производства являлись различные местности Греции и в первую голову самый Коринф. Впоследствии Коринф был отодвинут на задний план производством глиняных сосудов в Афинах, и коринфийские вазы более нового происхождения упоминаются все реже и реже. Однако, коринфийская керамика все же не исчезла вполне. Страбон рассказывает, что посланные при Юлии Цезаре для восстановления (разрушенного в 146 г. до Р. Х.) Коринфа люди нашли среди развалин большое количество гробниц и в них «оказалось множество глиняных и бронзовых вещей». Пораженные этими находками, они не оставили ни одной гробницы без внимательного исследования и добыли большое количество этих предметов и,

распродав значительную часть их, наводнили город Рим этими «некрокоринфиями» (necros—мертвый) — так называли найденные в гробницах предметы, в особенности сделанные из глины. Первоначально последние ценились высоко, наравне с бронзовыми вещами выделанными в Коринфе, но впоследствии интерес к ним упал, находили их меньше, да и большинство вещей уже не представляли собою ничего достопримечательного [1]).

На ряду с вазами здесь говорится и о бронзовых изделиях. Еще Геродот повествует об одном либийском племени, где девушки ежегодно устраивали состязания и украшали самую красивую из своей среды коринфийским шлемом [2]). Но, быть может, речь идет лишь о шлеме определенной формы, но вовсе не данного происхождения. Изделия из коринфийской бронзы упоминаются и впоследствии, статуи из нее имелись у Александра Македонского и позже (в III ст.) у Птоломея Филадельфа; такова была и известная бронзовая амазонка Нерона. Однако, коринфийская была лишь бронза, была ли она и обработана в самом Коринфе? В Риме после разрушения Коринфа и после появления упомянутых «некрокоринфов» имелось много таких «антиков», они вошли в моду, появилась и подделка, стали подражать старине, возрождать; возродили коринфийский стиль, нередко выдавая эти новые произведения за старину.

Блюмнер указывает на то, что, хотя, несомненно, после разрушения Коринфа в Италию было вывезено много бронзовых изделий тамошнего производства, но все же совершенно немыслимо, чтобы вся та «коринфийская бронза», о которой упоминается и у римских авторов и в надписях, была коринфийским фабрикатом; надо полагать, что так обозначались и изделия из других частей Греции, так как их привозили из Коринфа, или их так называли, чтобы поднять этим путем их ценность.

Характерно, однако, что Антифан в IV ст., перечисляя продукты различных местностей и говоря о поваренном искусстве Элиды, о кастрюлях Аргоса и т. д., не упоминает по поводу Коринфа ни об оружии, ни о лампах или статуях, ни о глиняных вазах и иных сосудах, а сообщает лишь о покрывалах [3]). Последние встречаются и у Аристофана. Демокрит, упрекая жителей Эфеса в роскоши, называет носимые ими одежды, изготовленные из корин-

1) Strabo. VIII. 6. 23.
2) Herodot. IV. 180.
3) Athen. I. 27.

фийских тканей. Эти ткани были разных цветов и расшиты, повидимому, фигурами фантастических животных в стиле коринфийских ваз.

Во всяком случае, к какой бы мы ни обратились отрасли промышленности Коринфа, повсюду речь идет о предметах роскоши, о вещах высокой ценности, доступных лишь наиболее состоятельным слоям населения. О широком распространении их едва ли можно думать. Коринф—говорит Франкотт—можно сопоставить с Гамбургом, Бременом или Антверпеном в смысле его торгового значения; много там имелось необходимых для местного населения промыслов, и даже некоторые отрасли художественной промышленности достигли в известные эпохи значительного развития; но этого недостаточно для признания Коринфа промышленным центром, подобно тому, как производство кружев в Брюсселе и шлифовка алмазов в Антверпене еще не превращают эти города в индустриальные [1]).

На ряду с коринфийским стилем весьма рано появляется и другой—геометрический (или «дипиллонский», ибо наиболее ценные экземпляры найдены в гробницах у Дипиллонских ворот в Афинах), так названный вследствие декораций в виде прямоугольников, ромбов, треугольников, внутри которых изображены фигуры животных или людей. Этот стиль, достигающий своего расцвета уже в VII ст., широко распространен во всевозможных частях Греции—в Беотии, Родосе, Сиракузах, вплоть до острова Кипра. Но постепенно их всех затмевают Афины, где совершенствуется форма сосудов, они получают красноватый цвет и блеск, благодаря присоединению к глине окиси железа, наконец, отмечаются строгой стильностью рисунка и разнообразием его. Это первоначально черно-фигурная вазовая живопись, где на глиняном фоне нарисованы орнаменты и фигуры немногими цветами, среди которых господствует черный. Таких ваз найдено несколько тысяч, они находятся ныне в Британском музее, Лувре, во Флоренции, Дрездене и т. д. Происходят они, главным образом, из этрусских гробниц. Но кто их производил и расписывал? Афиняне ли или туземные гончары и художники? Особую группу среди этих ваз составляют вазы с подписями художников вроде известной «вазы Франсуа» (названной так по имени открывшего ее археолога), которая представляет собою большой сосуд для смешивания жидко-

[1]) Francotte. I. p. 105.

стей, сверху до низу покрытый изображениями мифологического содержания, и на которой значатся имена формовавшего ее гончара Эрготима и живописца Клития. Клейн, внимательно изучавший эти вазы, нашел на вазах этого рода более сорока различных подписей, при чем наиболее обильно представлены (около 80) вазы Никосфена; эти вазы с подписями, по его словам, принадлежат почти исключительно афинским мастерам и художникам.

С конца VI ст. появляются красно-фигурные рисунки, вместе с которыми живопись на вазах достигает высокого развития. Красные фигуры первоначально появляются лишь на внешнем рисунке ваз, позже и на внутренних рисунках, изображаются отдельные фигуры, движения которых приспособлены к круглой или изогнутой поверхности. «В одном месте—говорит Клейн—несут, поднимают, ползают, бегают, приседают, пляшут, прыгают; в другом происходит стрельба и метание, работа долотом и резцом, черпание воды, занятие музыкой, и все это только для того, чтобы оправдать те изгибы человеческого тела, которых как бы требует дно чаши». Из художников V ст., по мнению Райэ и Колиньона, большинство являются также афинянами. Появляются даже вазы с белым фоном, белые лекифы, цилиндрической формы, и их приписывают афинянам.

Но есть указания и на то, что все эти нововведения и достижения в области вазовой живописи вызывали прогресс и в других местностях. Афины давали направление, они являлись законодательницей мод, за ними следовали мастера и художники других государств, произведениями которых и могли быть многие из найденных в различных частях Греции и за пределами ее сосудов.

Вообще говоря, производство расписных сосудов, амфор, кратеров, кубков и всяких иных представляло собой в древнем мире едва ли не наиболее широко распространенную отрасль промышленности, которую мы находим везде и повсюду, не только в Афинах и Коринфе, но и на Крите, в Тера, Демосе, Евбее, Мелосе, Родосе, Спарте, Кирене, Беотии, Фокиде, Фессалии и т. д. В гробницах найдено несколько десятков тысяч ваз, не считая черепков от сосудов, а также статуй и иных керамических изделий. Исследователи, изучавшие надписи на найденных в различных местах вазах, приходят, на основании филологических данных, к тому выводу, что они произведены в различных местностях. Если мы возьмем одни только вазы с разрисованными надписями, игнорируя все прочие, на которых надписи вырезаны или выдавлены

(выдавленные надписи имеются на вазах, произведенных в Фасосе, Книдосе, Родосе, Паросе и Ольбии), то и тогда окажется, что выделка и разрисовка этой группы ваз имела место, помимо Афин и Коринфа, в Аргосе, Кирене, Беотии, Сикионе, Халкиде, в ионийских колониях Малой Азии, с IV ст. и в Южной Италии [1].

Характерно при этом то обстоятельство, что огромное большинство ваз найдено в Италии и Сицилии. Из тех ваз, производство которых приписывают Аттике, в различных коллекциях 70 и более проц. приходятся на Италию, тогда как в Аттике их почти не обнаружено. Если иметь в виду, что вазы изготовлялись и в самой Италии и что те же стили распространялись везде и повсюду, то не может не возникать сомнения, действительно ли найденные в Италии вазы аттического, а не местного происхождения. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что белые лекифы, которые обнаружены в одной только Аттике и ближайших островах Саламисе и Эгине, но совершенно отсутствуют в Италии, отличаются совершенно иным стилем, чем прочие, приписываемые также Аттике; в противоположность последним, изобилующим богатством мотивов и нередко вычурностью, лекифы замечательны своей простотой и тем, что они в течение нескольких столетий сохраняют ту же технику и отделку. Между тем, если бы экспорт афинских ваз в Италию производился в широких размерах, то было бы непонятно, почему эти прекрасные вазы с рисунками на белом фоне совсем не попадали туда.

Такое же постоянство форм характерно и для другой группы ваз—чернофигурных с изображением Афины Паллады, несомненно аттического происхождения. Это амфоры, раздававшиеся (наполненные маслом) в качестве призов победителям на панатенейских состязаниях. Они в огромнейшем количестве распространялись по всему миру—из надписей видно, что во время одного лишь состязания роздавалось до тысячи штук. Неудивительно при таких условиях, что везде и повсюду найдено столько ваз,—они составляют, повидимому, лишь небольшую часть всех, вывезенных из Аттики. Но при этом нужно иметь в виду, что торговля тут не при чем—победители их брали с собой, но никакого экспорта ими не производилось [2].

---

[1] См. Klein. ук. соч. Kretschmer. ук. соч. Dict. des antiq. s. v. Vasa Rayet-Collignon. ук. соч. Jahn. Die griech. bemalten Vasen (Aus der. Altertums wiss.). Reinach. Répert. des vases peintes. 1899-1900.

[2] Bücher. Griech. Wirtsch. 85 сл. См. Rayet-Collignon. ук. соч. Jahn ук. соч.

Бюхер, вообще, указывает на то, что в распространении всякого рода промышленных изделий древней Греции состязания и раздача на них призов имели огромное значение. В одних случаях победители получали медные сосуды, в других толстые шерстяные ткани, тут наполненные вином серебряные кувшины, там треножники, щиты или вазы. Игры, ведь, производились везде и повсюду и каждая местность давала победителям свои наиболее ценные произведения и этим путем они легко приобретали известность, о которой и трактуется в приводимых нами случаях. В особенности мы узнаем об этом из Пиндара, воспевающего победителей в состязаниях. Между тем, мы склонны все это приписывать торговле, говорить об экспорте промышленных изделий.

В частности, относительно действительно происходившего в целях товарообмена экспорта промышленных изделий из Аттики, мы не имеем никаких прямых доказательств; упоминается, «правда о произведениях последней, отличающихся своеобразной формой и качеством, каковы медовые пряники и благовонные масла, кубки и панцыри, фигуры из глины, обувь; кто путешествуя попадал в Афины, мог такого рода вещи привезти в подарок своим друзьям. Иностранец мог в Афинах легко спустить деньги, не хуже, чем в настоящее время в Париже или в Ницце. Но чтобы этими товарами производился сколько-нибудь значительный экспорт, самими ли производителями или через особых торговцев, этого нигде не заметно». Бюхер обращает внимание и на другое обстоятельство. Для возможности правильного экспорта промышленных изделий необходимы мирные условия, которые бы обеспечивали ему постоянство и непрерывность. Но как редко Афины в V и IV ст. могли пользоваться миром; ведь вечно происходили войны и войны. Мало того, греческие авторы, в особенности Фукидид и Ксенофонт, сообщают о многочисленных народных собраниях, имевших место по поводу войны и мира, воспроизводят произносимые на них речи, но нигде ни в них, ни в речах эпохи Демосфена нет ни намека на интересы афинской крупной промышленности в области экспорта, ни в одном из условий мирных договоров не встречается постановлений, гарантирующих внешний рынок промышленности. О бедствиях, переживаемых сельским хозяйством во время войны, мы много слышим—война уничтожает урожай, поля не засеяны, запасы разграблены. Мир нужен и ремесленнику, производящему мотыги, косы, горшки. Но о восстановлении прерванного войной экспорта и коммерческой жизни, об оживлении

крупной промышленности, о возобновлении работы на фабриках и заводах,—обо всем этом нет ни слова [1]).

Большее значение придает вывозу промышленных изделий Гювелен. Однако, говоря об экспорте фабрикатов в Греции вообще (а не в одних только Афинах), он находит в сущности всего три отрасли промышленности, изделия которых являлись предметом вывоза — шерстяную, металлическую и гончарную. Но и тут он вынужден сделать ряд оговорок и ограничений. Производство массовых гончарных изделий, простых, дешевых сосудов, было настолько распространено повсюду, что потребности в привозе их из других местностей не могло ощущаться. Речь может итти лишь о вывозе произведений искусства, художественной промышленности; из Коринфа они распространялись вплоть до Италии, Карфагена и Крыма; афинские керамические изделия доходили чрез посредство финикиян до Эфиопии, вывозились сосуды также из Самоса. Среди изделий из металлов имели значение различные виды оружия в качестве объектов торговли, тогда как прочие металлические предметы мало экспортировались. Наконец, развита была торговля шерстяными изделиями, среди которых первое место отводится милетским тканям [2]). Однако,—как мы видели выше—значительность экспорта этих тканей и в особенности наличность торговли ими доказана так же мало, как в отношении расписных ваз и металлических изделий; частью все эти предметы производились на месте, а не импортировались из других мест, частью распространялись—именно вазы и оружие—победителями на состязаниях, получившими их в качестве призов, частью доставлялись на рынки самими же производителями,—хотя, конечно, не исключено участие в их сбыте и профессиональных торговцев. Но, во всяком случае, роли и значения последних в сбыте промышленных изделий не следует преувеличивать.

Другие современные авторы идут, однако, еще гораздо дальше. Исходя из экспорта промышленных изделий из Аттики, они говорят об афинских фабриках, не сомневаются в существовании в Афинах крупных предприятий. В Афинах — говорит Бласс--была масса самых разнообразных фабрик [3]). Со всех сторон — читаем у Райе и Колиньона—возникали фабрики мебели, оружия, материй, в особенности же гончарных изделий. Афины стали и оставались уже

[1]) Bücher. p. 29 сл.
[2]) Huvelin. s. v. Mercatura. (Dictionn. III, 2. p. 1764).
[3]) Blass. Die sozialen Zustände etc. p. 10.

с тех пор промышленным центром [1]). Брейзиг, указывая на то, что после первых освободительных войн с персами обнаружилось большое оживление в хозяйственной жизни, прибавляет, что появляются фабрики, которые, хотя и не могут меряться с современными промышленными предприятиями, но все же, имея 20—30 рабочих, выходят далеко за пределы господствовавшего ранее мелкого производства [2]). Наиболее подробно останавливается на этом вопросе Белох, причем он уже говорит не об одних только Афинах, но о Греции вообще. Со времени Пелопонесской войны—объясняет он — Греция все более и более превращается в промышленную страну. Мелкий ремесленник, работающий единолично или при содействии немногих подмастерьев, постепенно уступает место крупному производству, покоющемуся на рабском труде. К концу Пелопонесской войны в Афинах имелись фабрики, в которых работало до 120 человек, хотя и предприятия с 20—30 рабочими считались уже значительными. Развитие крупной промышленности в Греции — говорит Белох в другом месте — которое началось с VII и VI ст., завершилось в V ст., и теперь мы в состоянии установить это явление на основании прямых данных. Больше всего материала мы имеем, конечно, для Афин. Разбогатевших промышленников мы находим там уже в половине V ст., напр., отца известного демагога Клеона, Клеайнета; ему, несомненно, уже принадлежала кожевенная и башмачная фабрика, которую впоследствии продолжал вести сын его. Показателем того возростающего общественного значения, которое приобретают промышленники, является—по мнению Белоха—тот факт, что люди этого сословия в эпоху Пелопонесской войны занимают высокое положение; примером является кроме Клеона Анит, который также разбогател, благодаря кожевенному производству, фабрикант ламп Гипербол и другие. Правда, поговорка гласит, что у ремесла золотое дно, но, производя его в небольших размерах, не разбогатеешь; следовательно, мы должны предполагать, что кожевенные предприятия Клеона и Анита были крупных размеров. Такова должна была быть и фабрика флейт, которую имел отец Исократа, Феодор, ибо и он в состоянии был занимать сопряженные с большими расходами почетные должности, так наз. литургии. Впрочем, о размерах этих предприятий мы не имеем конкретных данных» [3]).

---

[1]) Rayet-Collignon, p. 97.

[2]) Breysig. Kulturgesch. der Neuzeit. 10. II, 1. p. 95. 112.

[3]) Beloch. Die Grossindustrie im Altertum. Zeitschr. für Sozialwiss. B. II. 1899. p. 18 сл.

Последняя прибавка характерна. Именно, данных о крупных предприятиях нет и их в сильной степени заменяет у Белоха фантазия. В самом деле, какое значение могут иметь разговоры о крупном производстве в Греции вообще, когда наибольшая часть ее отличалась чисто-земледельческим характером и производство промышленных изделий не выходило за пределы домашнего хозяйства? Это совершенно недопустимое обобщение данных, относящихся к одним лишь Афинам. Мало того, даже из этого, якобы фактического, материала об афинских фабриках, приводимого Белохом, можно усмотреть, насколько его заключения построены на песке. Таково совершенно произвольное утверждение, что не только Клеон, но уже его отец владел кожевенной фабрикой; столь же бездоказательно заявление, что и Клеон и Анит и Гипербол и отец Исократа обладали крупными предприятиями, фабриками, так как иначе они не могли бы разбогатеть. Никаких сведений о размерах их предприятий у нас нет, все же прочие данные свидетельствуют как раз об обратном. Упомянутый продавец ламп Гипербол фигурирует у Аристофана в качестве коробейника, развозящего свои лампы на лодке, Анит, как нам известно из Ксенофонта, не только сам выделывал кожи, но и обучил этому промыслу своего сына («воспитывал его за кожами»). Относительно отца Исократа мы знаем, что он имел умеренное состояние и рабы его изготовляли флейты и другие музыкальные инструменты, и этим он существовал — о крупном производстве в этой отрасли менее всего приходится думать [1]). Наконец, из того факта, что изображенный Аристофаном Клеон был сыном Клеайнета, вовсе не следует, что отец его был тот самый Клеайнет, на которого в 467 г. было возложено устройство хорегии, как утверждает Белох. Между тем, путем такого отождествления и исходя из того, что к исполнению таких почетных обязанностей привлекались только состоятельные лица, Белох решил, что Клеон не мог быть простым кожевником, а, несомненно, имел кожевенную или сапожную фабрику, унаследованную от отца—получились разбогатевшие афинские промышленники. Между тем, сам Белох признает, что Клеон был человек мало образованный и грубый, о том же, что он получил от отца крупное наследство, нигде не сказано, напротив, его упрекали в том, что он разбогател иным путем—посредством хищений, которые он имел возможность производить благодаря занимаемым им должностям. У Аристофана он изображен в качестве простого кожевника,

[1]) Aristophan. Equit. 1315. Xenophon. Apol. Socr. 29. Plutarch. Isocrat. I. Бюхер, ук. соч.

который «продавал населению кожи павших животных, с виду толстые и отделанные, но на другой день совершенно расползавшиеся»[1]).

Не лучше обстоит дело и с теми крупными предприятиями, насчитывавшими до 120 рабочих, о которых упоминает Белох. Речь идет об одном единственном случае — о «фабрике», которой владел оратор Лисий вместе с братом Полемархом и которая, якобы, помещалась в его доме, находившемся в Пирее, когда их имущество было конфисковано тридцатью тиранами в 403 году. В речи Лисия, которая является единственным источником в данном случае, говорится, что посланные тиранами лица, захватив Лисия в его доме, отправились и в мастерскую и переписали рабов; а в другом месте переписано конфискованное тиранами имущество, в том числе 700 щитов и 120 рабов[2]). Из этого был сделан тот вывод, что имелась фабрика щитов со 120 рабами. Но помимо того, что говорится лишь о мастерской, но нигде не сказано, имела ли она постоянный или временный характер, так что она могла быть создана специально с целью свержения олигархии, противником которой был Лисий (отсюда вражда к нему тиранов),—еще важнее то обстоятельство, что упомянуто лишь о потере им 120 рабов, но нигде не сказано, что все они работали в предприятии и сколько из них там находилось. Оба брата были богатые люди, вели хозяйство отдельно, жили на широкую ногу, так что значительная часть этих рабов могла составлять их слуг и занятых для нужд дома работников[3]).

Что же остается после всего этого? «Фабрик» или, точнее, мануфактур, во всяком случае, никаких, а лишь небольшие промышленные заведения. Из них наиболее значительны оставленные Демосфену в наследство мастерские (о чем он упоминает в своей речи против Афоба). В одной выделывались ножи, в другой кровати. Они насчитывали 32 или 33 раба (первая) и 20 рабов (вторая)[4]). Отсюда взялось утверждение и Брейзига и Белоха, что «фабрики» в 20—30 рабов не составляли редкости. Однако, и это неправильно, ибо все другие предприятия были меньше. Эсхин

---

[1]) Aristophan. Equit. 316. Ср. Bücher, ук. соч.

[2]) Lysias. C. Eratosthen. 8. 19.

[3]) Bücher. Beiträge. p. 11. сл. Эдуард Мейер (Forsch. zur alten Gesch. II. 1899. p. 186) допускает, что не все 120 рабов работали на фабрике, но все же считает возможным утверждать, что большая часть их была там занята.

[4]) Demosthen. C. Aphob. I. 9.

упоминает о сапожной мастерской отца Тимарха, в которой работало 9 или 10 рабов; каждый из них вырабатывал ему ежедневно 2 обола, а старший мастер—3, получается в год около 600 обол или $^1/_6$ таланта. Но расточительный сын вместе с прочим имуществом быстро спустил и этих рабов. Эсхин утверждал, что ни одного не осталось и предлагал Тимарху в опровержение этого их представить [1]). Больше было, повидимому, заведение по изготовлению щитов, которое Аполлодор унаследовал от своего отца Пасиона, ибо оно было сдано в аренду за талант в год, тогда как вторая мастерская Демосфена приносила ему вдвое меньше дохода [2]). Упоминается и о других мастерских, в которых пользовались трудом рабов. Так, напр., Леократ «приобрел медников», Софилл, отец Софокла, «рабов-кузнецов и плотников», Феодор, отец Исократа, «рабов, выделывающих флейты», Филоктемон получил в наследство рабов - ремесленников [3]). Однако, о размерах этих мастерских у нас нет сведений.

Небольших мастерских, пользовавшихся рабским трудом, было, несомненно, в Афинах значительное количество. Рабов сдавали в наймы, как мы видели из Теофраста. Из дельфийских надписей об отпущенных на волю можно усмотреть, что среди них встречаются такие, которые занимались изготовлением промышленных изделий — сукновалы, кожевники. Получив свободу, они продолжают свой промысел, доставляя доход прежнему господину, причем, однакоже, часть его поступает в пользу самого раба, или же они работают за собственный счет, уплачивая господину определенный оброк. Вольноотпущенник Сотерихос, напр., признается собственником всего, чем он владеет и что он произведет, и вносит лишь известную сумму господину. В другом случае Сосий при отпуске его на волю обязуется выучиться ремеслу валяльщика и заниматься им в интересах своего господина [4]).

Мелкие предприятия являлись господствующей формой производства и в горном деле. Рассматривая подготовительные механические процессы, производимые в рудниках Лавриона в области добываемого там свинца, Ардалион приходит к следующим выводам: «Наиболее типичным предприятием, распространенным во всем

[1]) Aeschin. C. Timarch. 97.
[2]) Demosthen. Pro Phorm. 11.
[3]) Lycurg, C. Leocrat. 58. Plutarch. Vita X Orat. Isocrat. 1. Isaeus. VI. De succ. Philoct. 33.
[4]) Collitz. Dialectinschriften. III. №№ 1904. 1938. 2094. Requeil des inscr. gr. 2-e sér. Fasc. II—III. p. 257, 274.

Лаврионе, является состоящее из одной цистерны и двух помещений для промывания металла. Я представляю себе, что таков был состав обычной мастерской, ergasterion'а каждого концессионера. Правда, предприятия были неодинаковых размеров. Некоторые из них состояли из 6—7 помещений для промывания и 3 цистерн. Можно найти иногда следы стен, которые их разделяли. Но в общем получается впечатление, что эти крупные предприятия создавались путем соединения большего числа мелких мастерских, из которых каждая была независима от прочих, обладала собственными средствами и принадлежала особому владельцу. Нет обширных концентрированных единиц, находящихся под руководством того же хозяина и обрабатывающих в крупных размерах большое количество минералов; чувствуется, что промышленник древнего мира оставался почти всегда мелким промышленником»[1]).

В другом месте у того же автора при выяснении порядка отвода горнопромышленникам земель читаем: «По общему правилу границы отводимых участков недр соответствуют границам земли на поверхности — установление границ относится к последним. При таких условиях надо думать, что участки недр были весьма различных размеров, подобно тому, как и земли, в которых они находились; имелись и большие и незначительной величины. Благодаря этому, и лица, не отличавшиеся состоятельностью, наравне с богатыми людьми, могли брать их в аренду сообразно своим средствам. Этим об'ясняется как чванство колбасника у Аристофана, который намерен приобрести концессию на свои небольшие сбережения, так и те крупные барыши, которые Эпикрат извлекал из отведенного ему района. Многочисленность работ, производимых в древности, количество колодцев, густая сеть галлерей, все это заставляет предполагать, что территория, на которой добывались минералы, была разбита между большим числом лиц и концессии были весьма раздроблены; вследствие этого, масса частных лиц самого разнообразного положения могли в равной мере участвовать в эксплоатации Лавриона»[2]).

Таким образом, рабы, несомненно, составляли важную рабочую силу в промышленности, работая в мастерских в качестве наемных рабочих или открывая их за счет своего господина или даже за собственный счет. Но высказываемое обычно предположение о том, что на рабочей силе рабов покоилась крупная промышленность

[1]) Ardallion. Les mines du Laurion dans l'antiquité p. 74 (Bibl. des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome. T. 77).

[2]) Ibid. p. 181.

Греции или, точнее, Афин, не подтверждается источниками по той простой причине, что, именно, наличности этой крупной промышленности мы установить не можем. А при таких условиях в значительной мере отпадает и спорный вопрос о том, чем обусловливалось то предпочтение, которое отдавалось рабам перед свободным трудом в промышленности. Раз о существовании крупных предприятий говорить нельзя, то все сводится к использованию владельцем рабов рабочей силы последних для промышленных целей одним из трех способов: или устраивая собственную мастерскую или предоставляя им устраивать таковую (с уплатой оброка) или, наконец, отдавая рабов внаймы другим лицам.

Такой вывод вполне гармонирует с высказанным нами выше предположением, что число рабов в Афинах, вообще, не могло быть велико. В самом деле, если бы мы прибавили сколько-нибудь значительную цифру рабов к предполагаемой (также недостаточно достоверной, но все же более правдоподобной) цифре свободного населения, мы получили бы число последнего, которое противоречило бы как тому количеству хлеба, которое Аттика производила и привозила из других мест, так и размерам территории и едва ли значительной густоте населения.

Отпадает и предположение о вытеснении рабским трудом труда свободного, о пауперизации мелких самостоятельных ремесленников. Даже поскольку существовали более значительные мастерские, они никаких преимуществ перед мелкими не имели — техника и организация производства была в обоих случаях одинаково примитивна. Рабский труд был, правда, безвозмездный, но ведь и раб чего-нибудь да стоил: — «я за тебя заплатила деньги», — говорит Битинна в мимиамбе Геронда. Труд же раба был, повидимому, менее производителен, чем свободного человека.

Раб нерадив, не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу сам не возьмется охотой.

У греческих авторов нигде не упоминается о конкуренции крупных предприятий с ремеслом, рабского труда со свободным, одних областей с другими; отсутствует даже самое понятие конкуренции. Вопрос о положении ремесленников не затрагивается ни в одной из комедий, ни в одной из судебных речей, не служит предметом обсуждения на народном собрании, а между тем последнее—как мы видели—состояло главным образом из ремесленников. Неужели оно бы совершенно не коснулось судьбы их,

убивавшего их рабского труда, если бы последнее действительно имело место? [1]).

Но если таким образом Афины не обладали крупной промышленностью, работающей для экспорта, то возникает вопрос, чем же уплачивали они, вообще, за тот хлеб, который привозился в Аттику в значительных размерах и без которого она не могла существовать? Чем покрывался этот привоз? Ответ на это дается в сочинении «О доходах города Афин». «Я хочу доказать—говорит автор,—что Афины в морском отношении город самый приятный и самый выгодный. Прежде всего он обладает самыми лучшими и наиболее безопасными гаванями, в которых можно останавливаться во время бури. Затем в большей части городов необходимо суда нагружать новыми товарами, ибо их монета не имеет обращения в других местах. В Афинах же можно выменять всякого рода полезные предметы. Но если торговец не желает нагружать свой корабль товарами, он может взять вместо них серебро (деньги), прекрасный груз, так как где бы он его ни продал, везде он выручит больше, чем истратил» [2]).

Афины, следовательно, не нуждаются в вывозе, они могут платить за полученные товары своей высоко ценимой серебряной монетой, чеканенной из добываемого в рудниках Лавриона серебра. На это указывает и Бюксеншютц, говоря, что обширному привозу Афины могли противопоставить вывоз лишь немногих произведений почвы — оливкового масла, смоквы, меда, едва ли шерсти, затем гончарных изделий. «Составляли ли изделия из металлов, среди которых латы как будто пользовались известной славой, и ткани существенный об'ект вывоза, при наличности лишь немногих сведений об этом, невозможно утверждать с сколько-нибудь значительной уверенностью; и торговля галантереей, благовониями и т. п. едва ли достигала больших размеров». Вследствие этого соотношение между привозом и вывозом оказалось бы для Афин довольно неблагоприятным, если бы страна не получала больших доходов как от союзников, так и от посещавших город в большом количестве иностранцев и не извлекала бы высокой прибыли от товаров, привозимых в Афины со всех концов и предназначенных для различных местностей Греции. Афины в эпоху их расцвета являлись центром тогдашнего мира и не преувеличено заявление авторов

[1]) См. Bücher. Griech. Wirtsch. 16 сл. 93.
[2]) De vectigal. III. 1—2.

того времени, что в Пирее можно получить товары всех стран легче и дешевле, чем где бы то ни было [1]).

Как относились греки к физическому труду, в частности к труду промышленному? Долго господствовал взгляд, согласно которому это отношение было отрицательным; труд ремесленника, в значительной мере и торговца (кроме, впрочем, крупного коммерсанта с большим капиталом) находился в презрении, достойным же свободного человека считалось лишь занятие государственными делами, для чего необходим досуг, свобода от забот о насущных потребностях, возможность обойтись без оплачиваемого труда, выполняемого для других. В последнее время эта точка зрения сменилась другой, не решающейся присоединиться к столь решительному выводу и признающей, что вопрос гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Данные оказываются далеко не однородными, и в то время, как из одних вытекает отрицательное отношение ко всякому физическому труду и ко всякой деятельности ради заработка, в других случаях, напротив, не проводится различия между гражданами в зависимости от характера их заработка и их социального положения. Из создающегося таким образом противоречия современные авторы пытаются выйти различным путем. Для одних все сводится к разнице в образе правления: аристократия придерживается одной, демократия противоположной точки зрения. Другие противопоставляют отношение философов с их высокой оценкой одной лишь умственной деятельности гласу народа, отнюдь не презиравшему физического труда и его представителей. Есть и такие, которые стараются провести известную градацию в оценках труда, в зависимости от того, идет ли речь о бедном ремесленнике или владельце крупного предприятия, об оптовой или розничной торговле, при чем известное предубеждение к городскому труду, которое—этого и они не отрицают—обнаруживается и среди масс населения, они выводят из факта преобладания деревенских жителей, высоко ставящих только свой крестьянский труд, на земле, на вольном воздухе [2]).

---

[1]) Büchsenschütz. Besitz. p. 440—41.

[2]) См. Brants. De la condition du travailleur libre dans l'industrie athéniénne. (Revue d'instructionpublic Belge. T. 26). Cauer. Die Stellung der arbeitenden Klassen in Hellas und Rom (Neue Jahrbücher für das klass. Altert. 1899). Clerc. Les métèques Athéniens 1893. (Bibl. de l'école française d'Athènes et de Rome. 64) p. 320 сл. Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne. I. p. 234. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce p. 37 сл. Büchsenschütz. Besitz und Erwerb. B. II. Kap. 1. Blümner. Griech. Privatalterümer p. 389 сл. Schoemann-Lipsius. Griech. Altertümer p. 104 сл. Artifices. (Dict. des antiquités etc.).

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что мы имеем перед собою весьма разнообразные взгляды и устранить противоречие между ними невозможно ни ссылкой на характер государственного строя, ни утверждением, что нельзя принимать мнения немногих больших умов за выражения взглядов и чувств масс населения. В Афинах господствовал демократический образ правления, которому подобает ценить всякий труд, какого рода бы он ни был, и отрицательно относиться только к безделию; но если мы возьмем отношение населения—отнюдь не только людей науки,—то увидим, что они далеко не всегда этому соответствуют. Так что и при такой конструкции гармонии не получается.

К эпохе Солона, т. е. к древнейшим (незапамятным) временам афиняне относили такие постановления, как то, что «сын не обязан содержать отца, если последний не обучил его какому-либо ремеслу» [1]), как «предоставление права возбуждать иск об оскорблении против того, кто на рынке упрекал кого-либо из граждан или гражданок за их занятие» [2]). По поводу Солона же Плутарх говорит, что он «направил жителей на занятие ремеслами» и «признал последние почетными» [3]), ему же или Писистрату приписывается «закон против безделия»: всякий мог возбудить преследование против такого человека [4]). Наконец, по словам Эсхина, «законодатель... не лишал права выступать в народном собрании... и того, кто занимался каким-либо промыслом, зарабатывая себе необходимое пропитание» [5]).

Фукидид, противопоставляя афинян другим греческим племенам, влагает в уста Периклу (в его надгробной речи) слова: признавать свою бедность не является у нас позором, но позорно не делать ничего для устранения ее. Одни и те же люди занимаются у нас одновременно и своими частными и государственными делами; люди, занимающиеся промыслами, нередко имеют ясное представление о государственных делах. Следовательно, по словам Фукидида, вовсе нет надобности для этого быть свободным от всяких занятий человеком. Это подтверждается дальнейшими словами: мы признаем того, кто никакими делами не занимается, не любящим свободу человеком, а человеком бесполезным [6]).

---

1) Plutarch. Solon. 22.
2) Demosthen. LVII. (C. Eubulid). 30.
3) Plutarch. Solon. 22.
4) Diogen. Laert. I. 2, 55.
5) Aeschin C. Timarch. 27.
6) Thukydid. II. 40.

У Плутарха тот же Перикл заявляет: «Те, кто не носит оружия и вынуждены жить своими руками, получают часть государственных доходов; но то, что им дается, не есть вознаграждение за безделье. Ими пользуются при постройке больших зданий или они находят себе занятие в искусствах всякого рода». Он перечисляет далее всевозможные закупаемые государством материалы и многообразные виды промыслов и прибавляет: и вокруг всякого предпринимателя, подобно тому, как вокруг командующего армией, группируются поденные и наемные рабочие, которые являются как бы инструментом, применяемым по его распоряжению [1]).

Где же тут презрение к труду? Не является ли все приведенное, напротив, полным признанием его необходимости и полезности.

Мало того, ремесленники не только имели право—как мы видели—участвовать в народном собрании, но они составляли—как видно из Ксенофонта—большинство народного собрания: валяльщики, сапожники, плотники, кузнецы, крестьяне, торговцы—вот из кого состоит оно [2]). В демократиях, по словам Платона, эти люди физическсго труда образуют наибольшую и наиболее влиятельную часть народного собрания [3]). Кожевники, горшечники, сукновалы, принося жертвы богам, не скрывают при этом своей профессии, сапожники и кузнецы изображены на надгробных барельефах в героических позах с орудиями своего промысла [4]). Наконец, Гефест и Афина считались покровителями демиургов (ремесленников) [5]).

Это общее столь благоприятное для физического труда впечатление не изменяется и под влиянием презрительного отношения к отдельным промыслам, как, например, производящему ароматические вещества, кожевенному, или занятию мясника. Аристофан высмеивает кожевника Клеона, ламповщика, колбасника. Хуже уже то обстоятельство, что он ставит в упрек Еврипиду, что его мать продавала на рынке овощи—это, очевидно, считалось занятием недостойным афинского гражданина. Что такое утверждение являлось обидным для знаменитого трагика, видно из

[1]) Solon. Perikles. 19.
[2]) Xenophon. Memorab. III. 7, 6.
[3]) Platon. Polit. 565 A.
[4]) C. I. A. IV. 1, 42, 79, 88, 101, 103, Conze. Attische Grabreliefs. I. 119 Цит. Guiraud. 44.
[5]) Platon. Leges. 920 Д.

речи Демосфена в процессе Евкситея с Евбулидом. Последний утверждает, что мать Евкситея торговала лентами. Евкситей признавал это, но оправдывался тем, что семья его матери находилась в тяжелом материальном положении и другого исхода не было. «Если бы—говорит он—мы были богаты, нам не было бы надобности ни продавать ленты, ни искать других источников пропитания». И далее он прибавляет: «Мы видим часто свободных людей, вынужденных бедностью заниматься низменными работами. Их нужно сожалеть, афиняне, а не упрекать. Я знаю, что много афинянок по причине несчастно сложившихся обстоятельств нанималось в качестве кормилиц или работать на виноградниках, и многие из них находились в бедности, а теперь разбогатели» [1]).

Весь процесс возник из-за того, что Евкситей исключен был из списков афинских граждан на основании того, что его мать не была, якобы, афинянкой. Ему и приходится доказывать, что, хотя мать его и была торговкой, но все же не была ни иностранкой, ни несвободного происхождения. Таким образом, получается впечатление, что свободные афиняне не могут заниматься продажей лент, наниматься в качестве кормилицы или работать на винограднике, очевидно, вообще, плохо оплачиваемым физическим трудом; деятельность такого рода, повидимому, выполнялась рабами и метеками. К такому выводу мы должны неминуемо притти на основании этой речи Демосфена. В действительности, несомненно, и полноправные граждане нередко вынуждены были браться за такого рода профессии, но это считалось несоответствующим их достоинству и им грозило вчинение иска в неправильном присвоении себе прав афинского гражданина. Надо думать, что большинство ремесленников и мелких торговцев (см. выше) состояло из рабов и метеков, что граждане по общему правилу избегали этого рода занятий.

Что же признавалось достойным афинянина? «Ты прав—сказал Сократ—занятие известными ремеслами является делом низким и они справедливо уважением не пользуются, разрушая тело работающего... а если наносится ущерб телу, то от этого страдает и душа» [2]). В другом месте, впрочем, тот же Сократ говорит, что лучшие и наиболее любимые богами люди те, которые в области земледелия хорошо выполняют обязанности земле-

[1]) Demosth. C. Eubulid.
[2]) Xenophon. Oikonom. IV. 2.

дельца, во врачебном искусстве—обязанности врача, в политической жизни обязанности граждан; если же человек ни в чем не проявляет своей деятельности, то он ни на что не годится и не угоден богам [1]). Казалось бы, из этого вытекает прямо противоположный приведенному взгляд—достойна уважения всякого рода деятельность, если только человек свое дело знает и надлежащим образом выполняет. У того же Ксенофонта Сократ упрекает Аристарха в том, что у него полон дом родственниц и им всем все же приходится весьма плохо, ибо они никаким трудом не занимаются. Аристарх слушается совета Сократа, покупает шерсть и раздает ее для работы своим родственницам. Но тогда последние, занимаясь полезным трудом, стали упрекать его самого в том, что он один даром хлеб есть. Аристарх снова явился к Сократу и стал ему жаловаться. Последний посоветовал ему рассказать этим родственницам басню о собаке, которая на жалобы других животных, что хозяин ее кормит тем же, что сам ест, хотя она не доставляет ему ни шерсти, ни ягнят, ни сыра, отвечает: разумеется, так и должно быть, ибо я вас охраняю и, благодаря мне, вас люди не крадут и волки не уничтожают [2]). Таким образом роль Аристарха сводится к функциям сторожевой собаки, никакой другой действительно полезной работой он не занимается и Сократ это, повидимому, одобряет.

Если, таким образом, взгляды Сократа, как и самого Ксенофонта—и те и другие здесь смешаны—не выступают в данном случае с достаточной определенностью, то у Платона прямо читаем, что ремесла и ручные работы не должны вызывать отрицательного отношения [3]), тогда как в другом месте он говорит, что ни один гражданин не должен заниматься ремеслами [4]). Добродетель человека заключается в его способности заниматься политической деятельностью [5]). Но наиболее резко высказывается в этом смысле Аристотель. «Идеальное государство не дает ремесленнику гражданских прав; а если и ремесленник — гражданин, то нужно признать, что та гражданская добродетель, которая состоит в способности властвовать и подчиняться, подходит не ко всем свободнорожденным, но только к тем, кто избавлен от работ, необходимых для насущного пропитания. Исполняющие подобного

[1]) Xenophon. Memorab. III. 9, 15.
[2]) Там же. II. 7.
[3]) Platon. Polit. IX. 590. C.
[4]) Platon. Leges. VIII. 846 Д.
[5]) Platon. Menon. 71. E.

рода работы для одного лица—рабы, на общее пользование—ремесленники и поденщики»[1]). «Так как все занятия людей разделяются на такие, которые приличны для свободнорожденных людей, и на такие, которые свойственны несвободным, то, очевидно, из первого рода занятий должно участвовать лишь в тех, которые не обратят человека, занимающегося ими, в ремесленника. Ремесленными же нужно считать такие занятия, такие искусства и такие предметы обучения, которые делают физические, психические и интеллектуальные силы людей непригодными для применения их к добродетели и для связанной с нею деятельности»[2]).

Таким образом, ремесленный труд несовместим с «запросами, пред'являемыми добродетелью». Для осуществления последней пригодны только два образа жизни—«образ жизни политического деятеля и образ жизни философа». «Даже те, кто согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, колеблются, чему отдать предпочтение: политической ли жизни и практически деятельной, или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности, напр., той созерцательной жизни, которая некоторыми только и считается жизнью, достойной философа»[3]).

Мы имеем основания предполагать, что во взглядах на физический труд произошла постепенно перемена. В древнейшую эпоху физический труд считался достойным царей и даже богов. Одиссей и отец его Лаерт, сыновья Приама, царская дочь Навсикая—все они, как мы видели, работают, работает и Гефест и Посидон. Несвободных работников еще немного, свободные же демиурги пользуются почетом—певцы, врачеватели, жрецы, ремесленники разного рода, плотники, кузнецы,—все они вызывают к себе уважение, ибо они знают и умеют то, что другим неизвестно[4]). К древнейшей эпохе относятся, повидимому, и приведенные выше взгляды на физический труд (приписываемые Солону, Писистрату и т. д.), признающие его необходимость и полезность[5]).

---

[1]) Aristotel. Polit. III. 3, 2 (пер. Жебелева).
[2]) Ibid. VIII. 2, 1.
[3]) Ibid. VII. 2, 3.
[4]) См. выше, гл. V, отд. I.
[5]) См. выше, стр. 150.

Но постепенно точка зрения изменяется. Уже Гезиод вынужден наставлять Персея на путь истинный—работай, избегай безделья. «Позорен не труд, а позорно безделье».

Тот и богам ненавистен и нам, кто от дела летая,
Трутням подобный, живет куцохвостым, что в праздности вечной
Трудолюбивых питаются пчел неустанной работой.
Труд тебя ставит владельцем овец и иного достатка,
Труд добывает тебе и богов неуклонную милость [1]).

Из этой необходимости превозносить труд можно заключить, что, очевидно, были уже и люди иного образа мыслей, которые предпочитали жизнь «трутней куцохвостых». А у Геродота уже читаем: фракийцы, скифы, персы, мидяне, т. е. почти все варвары, меньше ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслами, напротив, высоко ставят тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые заняты только военным делом. Это—прибавляет он—заимствовано всеми эллинами, более всего лакедемонянами, наименее отрицательно относятся к людям ручного труда в Коринфе [2]). Для афинян он не делает исключения, они войдут скорее в группу лакедемонян, чем в категорию коринфян—ремесло у них низко ценится, в противоположность военному делу.

И этому соответствовало законодательство. «В некоторых государствах—сообщает Ксенофонт—в особенности в тех, которые счастливы в военных предприятиях, никому из граждан не дозволено заниматься ремесленными работами» [3]). Это относится главным образом к Лакедемонии, но также и к другим областям.

Могла ли при таких условиях в Греции развиваться промышленность? Такое законодательство и такие взгляды среди населения и среди людей науки—хотя, конечно, мнения массы населения и философов далеко не вполне совпадали—могли ли они способствовать созданию в Греции хотя бы крепкого ремесла, мы не говорим уже о крупной промышленности? Ведь всякая работа ради заработка, ради дохода, работа для других, всякое общение с рынком,—все это противоречило гражданской добродетели. Доходит же Плутарх до следующих слов: найдем ли мы хорошо воспитанного молодого человека, который, увидев статую Зевса, пожелал бы быть Фидием, или, увидев статую Юноны, захотел бы стать Поликлетом, или кто мечтал бы стать Анакреоном, Филемоном

---

[1]) Hesiod. Opera. 298, 303 сл. (Пер. Зелинского).
[2]) Herodot. II. 167.
[3]) Xenophon. Oikon. IV. 3.

Архилохом, будучи в восторге от их поэзии? [1]). Дальше этого уже трудно итти. Едва ли мы можем найти какую-либо другую эпоху, когда наиболее выдающиеся люди, аристократы ума, подобным образом относились бы к труду, как физическому, так и умственному. И не трудно понять, как это должно было отражаться на хозяйственной жизни.

Аристотель упоминает о Фивах, где тот, кто в течение десяти лет занимался рыночной торговлей, не имел права занимать государственные должности, об Эпидамне, где ремесленники являлись государственными рабами, о Феспиях, где считалось позорным заниматься ремесленным или сельскохозяйственным трудом [2]). И в тесной связи с этим находится, повидимому, приведенное выше другое сообщение Аристотеля: «в древние времена в некоторых государствах рабы и иноземцы составляли класс ремесленников, почему и в настоящее время этот класс состоит большею частью из рабов и иноземцев» [3]). И Платон относит к одному и тому же классу «ремесленников и вообще иноземцев» [4]). Если уже на основании приведенной речи Демосфена у нас не мог не получиться вывод, что ремесло находилось в руках рабов и метеков, то оно еще более подтверждается словами Платона и Аристотеля.

Хозяйство, построенное на труде рабов и ремесленников-иностранцев, не могло выработать иной идеологии, как презрения к труду—полноправные граждане им фактически мало занимались. Но, с другой стороны, во многих городах существовали, на ряду с рабами и метеками, работавшими в промышленности, и полноправные граждане-ремесленники. Отсюда колебания во взглядах на труд, стремление во многих случаях добиться его признания.

Для философов во всяком случае идеалом являлось безделье. Праздность—родная сестра свободы,—цитирует Диоген Лаертий слова Сократа [5]). Выше всех стоит тот, кто вырос в состоянии свободы и праздности — говорит Платон [6]). Граждане должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости—читаем у Аристотеля [7]). Анаксагор утверждал,

---

1) Plutarch. Perik.
2) Aristot. Polit. III. 3, 4, II. 4, 13.
3) Ibid. IV, 3, 2.
4) Platon. Leges. VIII, 848 A.
5) Diogen Laert. II 5, 31.
6) Platon. Theaetet. 25.
7) Aristot. Polit. II. 6,2.

что цель жизни—созерцание ее и получающаяся в результате созерцания этого свобода [1]). По словам Плутарха, Фалес заявлял, что лучшим является тот дом, где господин имеет возможность наиболее широко осуществлять идеал праздности [2]). Согласно Исократу, государственными делами могут заниматься только те, кто живет в праздности и в состоянии вести соответствующий образ жизни [3]). Словом, одна и та же мысль о праздности повторяется во всевозможных вариантах. Это та цель, которую—как мы видели—осуществляет Аристарх у Ксенофонта и которую осуществляла афинская золотая молодежь, околачивавшаяся на рынке и в близлежащих лавках брадобреев, парфюмеров, в гимназиях, в стоах [4]). Занятий у них не было, о пропитании им думать не приходилось.

И спросим опять-таки: могла ли при таких условиях развиваться хозяйственная жизнь Греции, когда идеалом провозглашались безделье и праздность? Находилось ли последнее в связи с жарким, знойным климатом страны, создававшим свойственное Востоку сонливое состояние и прогонявшим мысль о труде; вытекало ли оно из мысли о невозможности соединять физический труд со столь высоко ценимой греком политической деятельностью—«государственная жизнь только и есть удел мужа» (Аристотель), «добродетель мужа заключается в способности заниматься политическою деятельностью» (Платон) [5]),—во всяком случае мы не можем не усмотреть в таком отношении лучших умов к труду отсталости в хозяйственной жизни, выражения той эпохи, когда возможность свалить труд на подневольное население да воспользоваться деятельностью неполноправных иностранцев создавала для граждан привилегированное положение и давала им право смотреть сверху вниз на всех, кто работает. Несвободное население существовало и в христианской Европе и если вовсе не христианству принадлежит заслуга уничтожения рабства, если—как справедливо подчеркивают исследователи древнего мира — рабство в том же или видоизмененном (едва ли лучшем) виде просуществовало столетиями, то все же современный мир, по сравнению с классическим, имел одну и очень крупную заслугу, хотя и в другой области—в признании труда и в непризнании праздности. Аристо-

---

[1]) Цит. Аристот. «Политика». Пер. Жебелева, 300.
[2]) Plutarch. Sympos. 12.
[3]) Isocr. III. 26.
[4]) См. Xenophon. Memorabl. I, 1, 10.
[5]) Aristot. Polit. VII. 2,4. Platon. Menon. 71. E. Cp. Francotte. I. 258 сл.

кратия и впоследствии придерживалась той же точки зрения Платона и Аристотеля, Фалеса, Плутарха, Исократа и многих других; средневековый рыцарь и дворянин-помещик нового времени всегда стояли на этой почве, но ведь эта была аристократия имущества, а не аристократия ума и таланта. Если средневекового ремесленника презирал феодал, то только он, другие слои населения с уважением относились к его труду. И принцип праздности осуществлял только феодал, никто другой. Хозяйственный строй изменился по сравнению с древностью, а с ним вместе и взгляды на труд стали иными.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Торговля *).

I.

Теобальд Фишер утверждает, что «Одиссея» является истинно-морским эпосом, эпосом моряков, который мог появиться и получить широкое распространение только у народа, вполне слившегося с морем. А сказание о походе аргонавтов указывает, по его мнению, на обширные плавания, на морские путешествия, на знакомство греков с отдаленными странами [1]). Когда появляется гомеровская поэзия—говорит Шрадер—греческое судно в своих важнейших частях уже имеется в законченном виде. Терминология не обнаруживает никакого финикийского влияния и указывает на то, что приморские греческие племена стали мореплавателями и пиратами задолго до того, как они познакомились с финикиянами. Различные виды судов, кроме «nees» и «nees fortides» (грузовых кораблей), у Гомера еще не упоминаются; но «schedia» Одиссея («schede»—доска) едва ли является простым плотом, а не своего рода судном. Названия судов в последующую эпоху заимствованы главным образом от разных видов сосудов, как, напр., грузовое судно означает сосуд для доенья

---

*) Huvelin. s. v. Mercator (Dictionn. des antiquit. grecs et romains. III. 2). Его же. s. v. Mercatura (Ibid. III, 2). Его же. Negotiator (Ibid. T. IV). Caillemer. s. v. Agoranomoi (Ibid. T, I). Saglio. s. v. Deigma. (Ibid. II, 1). Szanto s. v. Agora. (Pauly-Wissowa. Reallexicon. B. I). Perrot. Le commerce des blés en Attique au IV siècle avant notre ère. (Revue historique. T. IV). Köhler. Attische Psephismen aus den Jahren der Teuerung (Mitteil. des deutsch. archäolog. Instit. in Athen. VIII). Gernet. L'approvisionnement d'Athènes en blé au V et au IV siècles (Melanges d'histoire ancienne. 1909). Francotte. Le pain á bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques (Mélanges de droit public grec. 1910). Büchsenschütz. Besitz und Erwerb. B. II. Kap. V—VIII. Poland. Geschichte des griechischen Vereinswesens. Тюменев. Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I. 1920.

[1]) Fischer. Mittelmeerbilder. Neue Folge. 1908. p. 5.

название другого вида судна равнозначуще горшку, третьего—корыту [1]).

Все это свидетельствует о более высоком уровне судостроения, по сравнению с той эпохой, когда судно именуется попросту «деревом». Но на ряду со всем этим нельзя упускать из виду и обратной стороны. В той же «Одиссее», где центром тяжести является море, где все действие происходит на воде, это море внушает греку страх, «его фантазия населяет отдаленные страны страшными чудовищами; читая «Одиссею», испытываешь чувство, что море жестоко, что его безбрежный простор наполнен ужасами, что в минуту гнева оно не знает пощады. Напротив, народы, свыкшиеся с морем, любят его даже в гневе».

Говорит же няня Эвриклея Телемаху:

Лучше останься у нас при своем. Ни малейшей нет нужды
В страшное море тебе на беды и на бури пускаться.

Посидон обращает феакийский корабль в утес за то, что феаки смеют разъезжать по морю, за то, что они довезли Одиссея благополучно домой в Итаку [2]).

Не отличается храбростью и Гезиод. Он тщательно выбирает времена года, наиболее безопасные для мореплавания. Спустить ладью на воду можно только весною, как только появятся вороны и зазеленеют верхушки деревьев, или к концу лета, когда вся природа устала, когда воздух прозрачен и воды текут безопасно—тогда ни судно не будет разбито, ни людей не поглотит волна, если, конечно, колебатель земли Посидон или властитель богов Зевес не решили тебя погубить—ибо добро и зло в их руках. Но спеши скорее домой, не ожидая сбора винограда и осенних дождей, бури и ветра, который вместе с дождями Зевса возбуждает море, когда приближается осень и когда плаванье морем так трудно. Впрочем, вообще—продолжает Гезиод—плаванье вещь не легкая и не в моем вкусе; не могу хвалить того, где опрометчивость так возможна, трудно тогда избежать несчастья; но ошибки свойственны людям, неразумны они и гонятся несчастные смертные за наживой, а ведь не весело смерть обрести в волнах морских [3]).

---

[1]) Schrader. Reallexicon der indogerman. Altertumskunde. s. v. Schiff.
[2]) «Одиссея». II. 369. XIII. 150 сл.
[3]) Hesiod. Opera. 663—686.

Когда греки древнейшей эпохи пускаются в море, их цель не мирная—поход аргонавтов, поход на Трою, т. е. какой-нибудь поход микенских царей против того города, остатки которого найдены в шестом слое Гиссарлыка. «Илиада» и «Одиссея» наполнены рассказами о совершенных Ахиллесом, Агамемноном, Одиссеем и другими героями набегах и нападениях, о разрушенных ими городах и убитых людях, о награбленных ими сокровищах, уведенном скоте, взятых в плен и обращенных в рабство женщинах [1]).

Встретив тень убитого Агамемнона, Одиссей спрашивает его, как он погиб:

Был умерщвлен ты рукою врага, им захваченный
в поле,
Где нападал на его криворогих быков и баранов,
Или во граде, где жен похищал и сокровища
грабил [2]).

Таково отношение к иноплеменникам. Оно, как у первобытных народов вообще, выражается в насильственном захвате имущества. Иноземец («xenos») и враг равнозначущи: лакедемоняне, по словам Плутарха, называли варваров, в особенности персов—«xenoi», т. е. врагами. Но в то же время «xenos» получает и новый смысл—обозначает гостя, который обращается за помощью. Он находится под покровительством хозяина; он уже не враг, а друг, пользуется неприкосновенностью, защитой, в обычае не только угостить его, но и дать ему подарок. Личность чужеземца священна, он находится под охраной Зевса [3]).

Одиссей, попав к циклопу, обращается к нему с такими словами [4]).

Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас бесприютных к себе дружелюбно принять и
подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей
наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем
покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный
Кронион,
Бог гостелюбец, священного странника вождь и
заступник.

[1]) См. выше, стр. 20.
[2]) «Одиссея». XI. 401.
[3]) См. Schrader. Reallex. s. v. Gastfreundschaft.
[4]) «Одиссея». IX. 266. 478.

Только циклоп—дикарь, не признающий богов („нам циклопам нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих ваших блаженных богах“), способен нарушить права гостеприимства и убивать просивших у него помощи иноземцев („дерзнул иноземцев, твой дом посетивших, зверски сожрать“), за что его и наказали боги, лишив его единственного глаза („наказали тебя и Зевес и другие боги блаженные“). Менелай, гостивший у царя Полиба в египетских Фивах, получил от него в подарок серебряные тазы, два треножника и десять талантов золота, а жена его подарила Елене золотую прялку и серебряную рабочую корзинку с золотыми краями. А от царя сидонян тот же Менелай получил, когда, возвращаясь на родину, гостил у него, серебряную кратеру искусной работы; ее он дарит в свою очередь приезжающему к нему Телемаку [1]). Следовательно, она переходит уже в третьи руки. Таким путем различные предметы, переходя от одного племени к другому, могли совершать путешествия на отдаленные расстояния и очутиться, при помощи дарений, у народов, живущих весьма далеко от места производства. Одиссей, изображая собой странника, прибывшего из дальних стран, рассказывает, что среди иностранцев, посещавших его и угощаемых им, был и Одиссей, которому он дал много подарков—семь талантов золота, серебряную чашу, по двенадцать покровов, мантий и хитонов и четырех обученных работам невольниц, молодых и красивых. На это Лаерт ему отвечает:

Ты не напрасно с таким гостелюбьем истратил подарки,
Если б в Итаке живым своего ты давнишнего гостя
Встретил, тебя одарил бы он так же богато, принявши
В дом свой; таков уж обычай, чтоб гости друг другу дарили.

Как мы видим, дары настолько обильны, что они требуют, чтобы одаренный в свою очередь отплатил тем же,—как это делается у современных первобытных народов; обмен подарками превращается в своего рода товарообмен. Подарки обязательно брать („не позволено то отвергать, что дарят нам“), а следовательно,

[1]) «Одиссея». IV. 125 сл. 615.

и отвечать на них. Такой обмен подарками мы находим и в «Илиаде»:

Встарь богоравный Эней угощал в своих царских чертогах,
На двадцать дней удержав, беспорочного Беллерофонта.
Оба друг другу они знаменитые дали гостинцы:
Пояс Эней подарил, разукрашенный пурпуром ярким,
Беллерофонт подарил двусторонний из золота кубок.

Припоминая эту старинную дружбу своих предков, Главк и Диомед, встретившись на поле сражения, «обещают взаимную верность» и в знак ее обмениваются оружьем—опять обмен подарками, притом как выражение дружелюбных чувств [1]).

Были и другие способы безвозмездного перехода имущества кроме насильственного захвата и дарений, напр., подати и выигрыши в состязаниях. О первых идет речь в «Одиссее», где царь Алкиной и другие цари феаков, чтобы покрыть расходы, произведенные ими на Одиссея, вознаграждают себя «богатым сбором с народа»; в «Илиаде» Агамемнон обещает Ахиллесу в приданое за дочерью семь хорошо населенных городов.

Люди живут в них богатые овцами, также быками.
С богом его наравне они чествовать будут дарами,
Будут под скиптром его платить богатейшие дани [2]).

О выигрышах упоминается, когда Ахиллес устраивает игры в честь Патрокла и выставляет многочисленные награды для победителей—«тазов и треножников много, мулов и крепкоголовых быков, и коней пышногривых» и железо и рабынь. Так, победивший в кулачном бою:

Пусть терпеливого мула берет и уводит в палатку.
А побежденный в бою этот кубок возьмет двусторонний.
Чашу назначил герою быстрейшему в беге,
Рядом большого быка он поставил второму,
В дар же последнему золотом дал половину таланта [3]).

1) «Илиада». VI. 216 сл. 233. «Одиссея» XXIV. 265 сл. 283 сл.
2) «Одиссея». XIII. 14. «Илиада» IX. 154.
3) «Илиада». XXIV. 259. 662. 749.

Упоминается в гомеровском эпосе и о торговле, но крайне редко. Мы находим в сущности только два случая этого рода— один в «Илиаде»: привезенное с Лемноса вино ахейцы выменивают на железо, медь, бычачьи шкуры, быков и рабов; другой—в«Одиссее»— царь тафийский отправляется в Темессу, чтобы выменять железо на медь [1]). Но при этом существенно, что часть привезенного с Лемноса вина является даром Агамемнону и Менелаю и лишь остальное ахейцы выменивают, так что обмену предшествует подношение подарков. Кроме того, железо и медь, быки и рабы, которыми ахейцы платят за вино, результат разрушения и ограбления соседних Трое местностей,—там ведь они извлекли эту добычу. Упомянутые же тафийцы, царь которых едет в Темессу для обмена, известны были в качестве пиратов. Отец Антиноя грабил вместе с ними феспротов; это вызвало гнев жителей Итаки, ибо феспроты были их союзниками верными — союзников, очевидно, грабить нельзя, они ведь друзья, «свои». У тафийцев же куплен был Евмеем Мезавлий, повидимому, уведенный ими в рабство. Тафийцы захватили и продали в рабство и ту финикианку, которой было поручено смотреть за царским сыном Евмеем и которая в свою очередь увезла его и продает финикийским торговцам.

Последние фигурируют уже в поэмах Гомера и не только в качестве производителей сосудов и тканей (серебряный кубок сидонской работы и покрывала, вышитые привезенными из Сидона рабынями), но и в виде торговцев. Они «странствуют из гавани в гавань». С большим количеством всяких безделушек («мелочи всякой») приезжает финикийский корабль и остается, пока товар не распродан, иногда целый год («те же год целый оставшись на острове нашем»), при чем предварительно подносят царю дары (царю Фоасу серебряный сосуд). Но они не только раскладывают свои товары у берега, но также разносят их по домам («в дом он отца моего дорогое принес ожерелье»). Тогда женщины, и госпожи, и рабыни обступают торговца («глазами осматривали и руками трогали»). Но они не разговаривают: покупатель показывает предлагаемую им взамен вещь, а торговец «молча кивает головой» [2]). Но те же финикиане, как упомянуто, были не только купцами, но и разбойниками. Одиссей в вымышленной повести о себе рассказывает, как он попал в Египет и как прибывший туда финикийский торговец пригласил его отправиться с ним в

[1]) «Илиада» VII. 474. «Одиссея». XIV. 452. XVI. 426.
[2]) «Одиссея». XV. 414. 452 сл.

Ливию, якобы для того, чтобы выгодно продать там товары, на самом же деле желая продать его самого в рабство [1]). Об этом повествует и Геродот: «По прибытии в Аргос с египетскими и ассирийскими товарами финикияне занялись распродажей своих товаров. На пятый или шестой день, когда все почти было продано, пришла на морской берег в числе других женщин дочь тамошнего царя Инаха по имени Ио. Расположившись у кормы, женщины покупали понравившиеся им товары. Между тем, финикиане, заранее уговорившись, бросились на женщин; большая часть их успела спастись бегством, но Ио и несколько других были захвачены. Посадив женщин на корабль, финикияне отплыли в Египет» [2]). Главными покупательницами и здесь оказываются женщины, которых привлекают цветные ткани, всякого рода вещицы из металлов и глины и т. п.; они отправляются к морскому берегу, где финикияне выставляют привезенные товары, и покупательницы легко сами превращаются в товар в руках этих торговцев, не гнушающихся заниматься и разбоем, когда это безопасно— людской товар ведь особенно ценился. «За великую цену этот товар продадите вы людям иного языка», говорит рабыня, доставляя финикийским торговцам малолетнего Евмея.

При этом пиратство считается занятием вполне допустимым и достойным.

> Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
> Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчася,
> Жизнью играя своей и беды приключая народам?

С таким приветствием обращается Нестор к своим гостям — Телемаку и его спутникам (не зная их), и такой же вопрос предлагает циклоп Одиссею [3]). И ни тот, ни другой не усматривает в этом обиды. Да и удивительного в этом ничего нет. Ведь Одиссей добывал в битвах и сокровища и рабов, брал себе лучшее из добычи и многое ему по жребию доставалось. И среди рабов в его доме были не только купленные им, но и взятые в плен. Даже богоравный Ахилл продавал людей в рабство и на Самос, и на Имбр, и на Лемнос и возвращал им свободу лишь за выкуп [4]). Но тот же Одиссей чрезвычайно обижен, когда Эвриал его

[1]) «Одиссея». XIV. 284. 295.
[2]) Herodot. I. 1.
[3]) «Одиссея». III. 71. IX. 252.
[4]) «Илиада». XXIV. 751. «Одиссея». I. 392. IX. 158. 178 185. XIV. 231. XIX. 283.

принимает за торговца. Последний противополагает атлету человека, который старается сбыть свой товар и опять корабли нагрузивши, побольше нажить барыша—«но с атлетом ты вовсе не сходен». Одиссей отвечает:

> Слово обидно твое, человек ты, я вижу, злоумный.
> Оскорблен я твоим безрассудно-ругательным словом.

При этом самого слова, обозначающего торговца, еще не имеется. Понятие это приходится выражать описательно — «корабельщики, которые разъезжают ради дела» («precter» — деловой человек вообще, а не только торговец); выражение же «emporos», впоследствии употребляемое в смысле купца, в «Одиссее» имеет значение человека, которого берут с собой на корабль, едущего на чужом судне, попутчика. Термин «emporie»—торговля—впервые появляется у Гезиода, хотя спорным является, не обозначает ли он здесь мореплаванье, а вовсе еще не торговую деятельность, и вообще, не имеется ли здесь позднейшая вставка [1]).

Приведенное вполне подтверждается той характеристикой древнейшей эпохи, которую дает Фукидид: «В древности эллины и те из варваров, которые жили на материке близ моря, а равно все обитатели островов обратились к пиратству с того времени, как стали чаще сноситься друг с другом по морю. Нападая на города, не защищенные, состоящие из отдельных поселений, они грабили их, большею частью так добывая себе средства к жизни. Тогда занятие это еще не почиталось постыдным, напротив, даже приносило некоторую славу, доказательства чего представляют и теперь еще те из обитателей материка, у которых ловкость в этом занятии почетна, а также древние поэты, которые везде предлагают пристающим к берегу людям один и тот же вопрос: «не разбойники ли они» (см. выше), ибо ни те, которых спрашивают, не считают это занятие недостойным, ни те, которым желательно узнать, не вменяют его в порок. Впрочем, жители грабили друг друга и на суше, а во многих частях Эллады до наших дней существует старинный способ жизни, именно у локров этольских, этолян, акарнанов и у обитателей пограничного с ними материка: самый обычай ношения с собою оружия остался у этих материковых народов от занятия разбоем в древности. Ничуть не меньше занимались разбоем и островитяне, именно кары и финикияне,

[1]) «Одиссея». II. 319. XXIV. 300. Hesiod. Opera. 646. Riedenauer. Handwerk etc. 169. Anm. 74. Büchsenchütz. Besitz. 359.

населявшие большинство островов»[1]. И Аристотель рассматривает пиратство в качестве одного из обычных промыслов и ни в чем не проявляет своего отрицательного отношения к нему. Он перечисляет среди способов добывания средств жизни: кочевой, земледельческий, морской грабеж, рыбную ловлю, охоту. «Некоторые люди—прибавляет он — живут в довольстве, комбинируя те или иные из этих видов и заимствуя у одного из них то, чего не хватает другому для его восполнения, лишь бы только иметь все необходимое для жизни; напр., одни люди ведут одновременно и кочевнический и разбойничий образ жизни, другие—земледельческий и охотничий»[2].

Таким образом, еще в V ст., во времена Фукидида, многие греческие племена попрежнему продолжали заниматься пиратством. О первоначальном же отношении к торговле свидетельствуют следующие слова Геродота. «Самим лидянам даруй прощение—советует Крез Киру,—а чтобы они не бунтовали против тебя, сделай такое распоряжение: отправь туда посла и запрети им носить военное оружие, прикажи носить хитоны под верхним платьем и подвязывать высокие башмаки, прикажи им также обучать детей своих игре на кифаре и на арфе и торговле,—и ты, царь, скоро увидишь их женщинами, а не мужчинами, и больше не нужно будет опасаться, что они восстанут против тебя»[3].

Торговля, следовательно, свойственна людям слабым, превращает их в женщин; сильный человек добывает нужное ему силой, а не хитростью и обманом, — ибо последние качества считались характерными для торговца. «Никогда не боялся я таких людей— сказал тот же Кир спартанскому глашатаю, — которые имеют по середине своего города определенное место, собираются туда и под клятвою обманывают друг друга. Объявленная Киром угроза — прибавляет Геродот — обращалась ко всем эллинам, так как все они имеют у себя рынки для купли и продажи»[4]. Объяснение Геродота весьма любопытно, он сам как будто признает, что греки на рынках действительно «под клятвой обманывают друг друга».

Рынки, о которых говорит Геродот, являлись первоначально, повидимому, теми «определенными местами», куда собиралось население и где только и совершался товарообмен. Это были, как и у других народов, пограничные рынки, ибо каждое племя опа-

[1] Thukydid. I. 5 и 8. (Пер. Мищенко). (См. нов. пер. Жебелева).
[2] Aristot. Polit. I. 3, 4—5.
[3] Herodot. I. 155. (Пер. Мищенко).
[4] Ibid. I. 153.

салось вступать на территорию другого и в свою очередь не желало впускать к себе иноплеменников. Демосфен упоминает о таком «порубежном рынке» (ephoria agora) и поясняет этот термин: «в прежнее время, насколько мне известно, на пограничной полосе сходились по близости живущие, как из нас, так и из наших соседей, почему рынок и получил название пограничного» [1]). Такой рынок существовал, по словам Страбона, около Триподиска на острове Саламине и в Алейсии, лежащем на пути из Элиды в Олимпию; сюда «ежемесячно стекаются на рынок окрестные жители» [2]). Из этих рынков во многих местах образовались (как и в современной Африке) города, как видно из самых названий их. Рынки находились под покровительством богов, которые и именовались «рыночными богами» (theoi agoraioi), а рынки «священными» (hiera agora, theon agora) [3]). Курциус и определяет рынки (порубежные) «освященными договором и находящимися под охраной богов обоих сторон местами, которыми пользовались для мирного обмена между соседними общинами» [4]). На рынке в Миное — рассказывает Геродот—помещался алтарь Зевса [5]), в Спарте—по словам Павсания—на рынке находим храмы Зевса «agoreus'а» (рыночного) и Афины «agoreua», под покровительством которых находился рынок [6]). Он же повествует о том, что в Фарах имелось обширное рыночное место, на котором стояла мраморная статуя Гермеса, именуемого Гермесом Агорейсом или Гермесом торговым [7]); последний считался главным покровителем торговли.

«Agora» обозначает не только рынок, но и народное собрание и место собрания. И то и другое по общему правилу совпадало. Рынок происходил там и тогда, где и когда имели место скопления народа. Вследствие этого, рынки были тесно связаны с празднествами, происходившими в честь различных богов. Напр., в Титорее, по словам Павсания, где весною и осенью совершались празднества в честь богини Изиды, происходила ярмарка—на второй день празднества открывались будки и лари торговцев, выстроенные из дерева, а на третий день производилась торговля рабами, скотом всякого рода,

[1]) Demosthen. C. Aristocrat. 37. 39.
[2]) Strabo. VIII. 3, 10. XI. 1, 10.
[3]) См. Schrader. Reallex. s. v. Markt. p. 522.
[4]) Curtius. Attische Studien II. Abhandl. der. königl. Ges. der Wiss. Zu Göttingen. XII. 124.
[5]) Herodot. V. 46.
[6]) Pausan. VII. 22.
[7]) Ibid. III. 11.

одеждой, золотом и серебром [1]). Страбон рассказывает о понтийском городе Команах, куда к «празднику выхода богини народ стекается со всех сторон из городов и деревень, мужчины и женщины; некоторые приходят сюда по обету, чтобы принести жертву богине. К этому присоединяется множество женщин, торгующих своим телом, большая часть которых посвящена богине». Но Команы же — по всем этим причинам — представляют собою значительный торговый пункт [2]). «Народный праздник на острове Делосе—читаем у него же—есть отчасти коммерческое учреждение... Афиняне, овладевши островом, обращали особое внимание на священнодействия и на торговлю» [3]). И то и другое здесь соединено вместе.

Из надписей мы также узнаем о различных местностях, где религиозные празднества сопровождались товарообменом. Так, напр., в Адании происходили мистерии в честь кабиров, которые сопровождались большим наплывом населения. С ним был соединен и рынок, место которого определялось по указанию жрецов. Агораном наблюдал за правильностью мер и весов у торговцев. Цены устанавливались вольные, на основании соглашения между продавцом и покупателем [4]).

Выражением этой связи между религией и торговлей, которую мы находим первоначально у всех народов, являются и храмы, устроенные греками в других странах, где путники находились под охраной богов и где в связи с этим мог совершаться и торговый обмен. Сюда относятся, напр., храмы Зевса, Аполлона, Геры в Навкратии (Египет), о которых сообщает Геродот [5]). Еще более существенны «панегирии, об'единявшие вокруг храма жителей той или другой местности или данного племени (в Афинах панатенеи, в Лакедемонии гиацитии, в Ионии Delia или Ephesia, для дорийцев—karneia) или даже всех греков (олимпийские, истмические, немейские, пифийские),—они являлись не только празднествами, но в то же время ярмарками. В этом смысле употребляется греками слово «panegyris», а римляне его переводят—mercatus, т. е. рынок [6]).

---

[1]) Pausan. X. 32, 15.
[2]) Strabo. XII. 3, 36.
[3]) Ibid X. 5,4.
[4]) Le Bos-Foucart. Inscript. II. 326a. Sylloge (Dittenberger). II. № 653. Francotle. I. 365.
[5]) Herodot. II. 178.
[6]) См. Saglio s. v. Panegyris Dict. des antiquit. IV. 1. 1913. p. 313.

Диоген Лаертий рассказывает о «панегириях», что одни приходили туда ради зрелищ, другие—для участия в состязаниях, третьи—для торговли [1]). На празднества—говорит Дион Хрисостом—одни собираются, чтобы смотреть состязания, другие являются с произведениями своего искусства или промысла или умственного труда; в большом количестве посещают их со всевозможными товарами и торговцы [2]). Во время истмических празднеств—сообщается у него в другом месте—можно было у храма Посидона услышать много софистов, кричавших и ругавших друг друга, и их спорящих учеников, многих авторов, подносивших свои скучные произведения, массу поэтов, выкрикивавших свои стихи, и других, которые их расхваливали, кучу клоунов с их фокусами, прорицателей, предсказывавших судьбу, компанию болтунов, извращавших право, и в большом числе торговцев, продававших все что угодно [3]).

Во время олимпийских празднеств устанавливался в Элладе мир, так что торговцы могли туда безопасно отправляться, находясь под защитой богов [4]). Безопасность путешествий, вообще, обеспечивалась торговцами и государством. Последнее охраняет людей, «которые много времени проводят на таких дорогах, где многие подвергаются нападениям», т. е. прежде всего торговцев; «им обещана безопасность при въезде, как и при выезде» [5]), как это мы находим повсюду в ранние эпохи истории торговли.

II.

Если товарообмен в своем зачаточном состоянии ограничивался ярмарками и рынками, находившимися под покровительством божества, куда сходились жившие по близости племена для обмена собственных продуктов, отчасти, быть может, уже и покупных,—то с течением времени выделился особый торговый класс, занимающийся перепродажей приобретенных предметов в качестве профессии и в свою очередь состоящий из различных по своему характеру групп торговцев. Промысел перепродавцов (kapeloi)—читаем у Платона—отличается от промысла тех, которые занимаются сбытом собственных произведений (autopoloi); перекупщики—

[1]) Diogen Laert. VIII. 8.
[2]) Dio Chrysostom. XXVII.
[3]) Ibid VIII. 9.
[4]) Thukydid. V. 49.
[5]) Xenophon. Hellen. IV. 7,2. Memorab. II. 1,15.

те, которые проданные им чужие продукты снова продают [1]. В другом месте он говорит о лицах, доставляющих необходимые людям предметы—пищу, напитки, одежду, обувь, постель, и различает уже не две, а три группы лиц, оказывающих такого рода услуги—kapeloi, emporoi и, наконец, самых производителей, как, напр., хлебника, повара, ткача, сапожника, кожевника. Таким образом, торговцы разбиты здесь на две группы: emporoi это—оптовые торговцы, kapeloi—не торговцы вообще (как выше), а только розничные [2]). В «Софисте» Платон раз'ясняет различие между теми и другими. Здесь он снова берет за исходную точку autopolike—сбыт собственных произведений—и противопоставляет ему продажу чужих продуктов—metabletike; последняя распадается на kapelike—сбыт товаров в небольших размерах в пределах города, и emporike—привоз товаров, приобретенных в одном городе, в другой [3]). Разграничивается, следовательно, местная и междугородская торговля, производство закупки и сбыта в том же месте и привоз из других мест (emporia и значит в сущности привоз). Обращено внимание и на мелкие размеры первой, но не на сбыт в мелких размерах, по частям и притом потребителям, а не торговцам; между тем, эти последние признаки мы в настоящее время считаем характерными для розничной торговли.

Иную классификацию находим у Аристотеля. Всю хозяйственную деятельность он делит на три группы. В первую входит земледелие, скотоводство, пчеловодство. Вторая заключается в обмене (metabletike), который в свою очередь распадается на торговлю (emporia), на кредитные операции (tokismos) и на продажу своей рабочей силы (mistharnia); в последнюю входит и ремесло. Наконец, среднее место между первой и второй группой занимает добывающая промышленность, не состоящая однако же в обработке земли; это рубка леса и добыча металлов [4]). В другом месте и Аристотель понимает однако под эмпорией не всякого рода торговлю, а только, повидимому, оптовую, противопоставляя ей kapeleia [5]) Наконец, самую (оптовую) торговлю (правильнее коммерческую деятельность), эмпорию, он различает троякого рода: naucleria, fortegia, parastasis [6]). Только в отношении первой все

[1]) Platon. Politikos. 260 C. D.
[2]) Platon. Gorgias. 517. D.
[3]) Platon. Sophist. 223.
[4]) Aristot. Polit. I. 3. I. 4, 2.
[5]) Ibid. IV. 3,11.
[6]) Ibid. I. 4, 2.

комментаторы согласны, что речь идет о судовладении, ибо Гесихий в своем словаре определяет слово «naucleros»—владелец судна. Но смысл остальных двух терминов не ясен и вызывает споры. Под fortegia некоторые подразумевают сухопутную торговлю, в противоположность (упомянутой) naucleria—морской торговле; напротив, большинство (Брантс, Блюмнер, Боше, Франкотт, Гелль), ссылаясь на то, что у других авторов (Геродота, Эсхина) это выражение обозначает погрузку судна, усматривает в fortegia фрахтованье корабля и самую операцию отправки товара. Так что, naucleros—владелец судна, предоставляющий его для плаванья, fortegos—торговец, погружающий на нем товар или, точнее, экспедитор, отправляющий его за чужой счет, как понимает большинство авторов; Гювелен присоединяет к транспорту товаров морем (включает в понятие fortegia) и перевозку их сушей. Наконец, третий (упомянутый) вид торговли у Аристотеля, parastasis, одни определяют в смысле закупки и сбыта товаров (Бюксеншютц, Блюмнер, Гелль, Франкотт), тогда как другие усматривают в ней деятельность комиссионера, которому отправляются товары для продажи (Герман, Брандтс, Боше, Гювелен); третье, более старое об'яснение parastasis в смысле розничной торговли, повидимому, теперь уже оставлено [1].

Как бы то ни было, из Аристотеля вытекает наличность как судовладельцев, сдающих в наймы свои суда, так и торговцев, погружающих их, и, наконец, (если принять второе толкование слова parastasis) и лиц, которым эти товары отправляются для продажи. У Демосфена действительно находим все эти три категории участников в коммерческих операциях; в третьей группе встречаются и рабы и свободные. Так торговец Хрисипп держит в Босфоре раба, исполняющего его поручения. Купец из Гераклеи имеет компаньона и комиссионера в Скиросе [2].

В сочинении «О доходах Афин» дается нечто среднее между классификацией Платона и делением Аристотеля. Здесь имеется оптовая и розничная торговля, но рядом с ними еще третья

[1]) Brandts. Sociétés commerciales à Athènes. 114. 117. Beauchet. IV. 89. 369. 380—83. Büchsenschütz. 456. Hermann-Blümner. 428. Becker — Göll. II. 184. Francotte. I. 301. Huvelin. s. v. Mercatura (Dictionn. III. 2. p. 1756). Старк во 2-м изд. Hermann'a (Griech. Privataltert.) в связи с такими выражениями, как parastaseis es ta hiera (т. е. в храмах) определяет parastasis в смысле выставления товаров и продажи их в храмах, под охраной богов и с уплатой известной суммы за охрану.

[2]) Demosthen. C. Phormion. 8. C. Callipp. 3.

форма коммерческой деятельности—ссудные операции [1]). Еще детальнее деление торговой деятельности у схолиаста к Аристофану. Он различает целых пять видов: продажу собственных произведений на месте (autopoles), закупку товаров у производителя и сбыт их в той же стране (kapelos), скупку товаров в других странах (emporos), закупку товаров у привозящего их из других местностей (palinkapelos), наконец, продажу товаров по мелочам (metaboleus) [2]).

Из приведенных взглядов различных авторов мы можем во всяком случае заключить, что в Греции совершался сбыт продуктов и промышленных изделий потребителям самими производителями—сельскими хозяевами и ремесленниками; но на ряду с этим те же произведения приобретались торговцами для перепродажи. О ремесленниках, продающих свои произведения, мы уже упоминали выше. У Плутарха читаем о земледельцах, отправляющихся в город на рынок со своими продуктами, у Эсхина—о рабыне, изготовляющей материи для продажи на рынке [3]). Но такой непосредственный сбыт потребителю, повидимому, далеко не всегда имел место. Нередко между производителем и потребителем стоял посредник—kapelos. «Если земледелец или ремесленник—спрашивает Сократ в «Государстве» Платона,—доставив на рынок свои товары, не найдет в данное время покупателей, то неужели же он бросит свою деятельность и будет сидеть на рынке, ожидая их?» Отнюдь нет. Есть люди, которые берут на себя продажу их произведений; в благоустроенных государствах это обыкновенно люди слабые, неспособные, вследствие этого, ни к какой иной деятельности. Они-то и сидят на рынке и либо приобретают то, что другие желают продать, либо продают товары имеющим в них надобность. Вследствие этого, в городе и появляются kapeloi, сидящие на рынке и занимающиеся куплей-продажей или же ходящие по городу и в разнос продающие товары.

В «Характеристиках» Теофраста постоянно идет речь о торговцах, о лавках, о покупке нужных в хозяйстве предметов, хотя в некоторых случаях, быть может, и у самих производителей — отличить одно от другого у него не всегда возможно. Один покупает у Архия соленой рыбы, другой обходит

---

1) De vectig. 4, 6.

2) Схол. к Aristophan. Plutos. 1156. (Huvelin s. v. Negotiator. Dictionn. IV. p. 41).

3) Plutarch. Orat. 8. Aeschines. Timarch. 97.

мясные, рыбные и сельдяные лавки и взыскивает с торговцев проценты с выданных им ссуд, третий покупает провизию у мясника и кидает при этом в чашку весов кусок мяса или кость для супа или хватает с полки потрохи и убегает с ними, четвертый отправляется в парфюмерную лавку. Алчный торгует вином и даже приятелям продает его в разбавленном виде, хвастун подходит к барышникам, торгующим хорошими лошадьми, и начинает прицениваться или входит в лавку, выбирает одеяло таланта в два и ругает раба за то, что тот, провожая его, не захватил с собой денег [1]). У Теофраста есть и другие случаи торговли. Тщеславный покупает сицилийских голубей, игральные кубики из костей серн, круглые турийские флаконы для духов, гнутые спартанские палки, тканые персидские ковры,—словом, все, чем можно удивить людей и обратить на себя внимание. Льстец покупает яблоки и груши детям патрона. Суеверный приобретает в четвертый и седьмой день месяца миртовые ветви, ладан, жертвенные лепешки и украшает ими статуи богов. Недоверчивый продает товары; покупатель ему говорит: «сосчитай и запиши на счет, мне некогда посылать тебе деньги», а он в ответ—«пожалуйста, не беспокойся, если тебе некогда, я пройду к тебе домой». Нахал, узнав, что другой что-либо купил дешево, требует, чтобы он поделился с ним. Для скупого другой купил дешево различные вещи, но он находит, что заплачено слишком много. Нелюдимый, продавая те или другие предметы, не говорит покупателю, сколько хочет за них, а предлагает последнему назвать цену, которую он готов дать [2]).

Здесь мы имеем перед собой, несомненно, на ряду с покупкой у розничных торговцев, и приобретение товаров у самих производителей. Рядом с профессиональными торговцами фигурируют далее и люди, случайно сбывающие свои вещи, как это, напр., ясно из таких мест: когда друг его за пол-цены сбывает свои вещи, алчный тайком их покупает и затем перепродает их с барышем, или скряга, выдавая замуж дочь, продает все остающееся после принесения жертвы мясо [3]). Во всяком случае любопытно, что, давая характеристику того или иного типа (скупого, нахала, болтуна, льстеца, надоедливого, неряшливого, лицемера, безтактного, рассеянного и т. д.), Теофраст всегда считает нужным определить отношение его к куплепродаже. Из этого можно вывести тот факт, что, по крайней мере,

[1]) Ibid. Charakter. Рус. пер. В. Алексеева, стр. 5, 6, 9, 10, 21, 27.
[2]) Ibid. 3, 14, 15, 17, 19.
[3]) Ibid. 20, 28.

в Афинах этого рода действия составляли обычное, необходимое явление в жизни каждого. Роль торговцев подтверждается также словами Ксенофонта о том, что народное собрание состоит из земледельцев, разного рода ремесленников, купцов и базарных торговцев, мысль которых направлена лишь на то, чтобы купить возможно дешевле и продать подороже [1]). У Аристотеля читаем, что жизнь ремесленника, торговца и человека, живущего наемным трудом, не соответствует добродетели, при чем говорится о том, что они проводят время на рынках и улицах, т. е. речь идет преимущественно о kapeloi [2]).

И Аристофан никогда не забывает на ряду с крестьянами и ремесленниками выводить на сцене и торговцев. Когда петух запоет встают все, не только кузнецы и сапожники, но и торговцы мукой и банщики. Народ отдается торговцам лампами (имеется в виду Гипербол), торговцам овцами (Лисикл) и кожевникам (Клеон); торговец паклей становится у руля государственного корабля; речь идет об Евкрате, который торговал льном и пенькой [3]). Свита Лисистраты в «Собрании женщин» состоит из торговок семенами, горохом, чечевицей, свининой, чесноком, маслом, сыром, хлебом. Это и есть те женщины, которые добиваются власти. По зову Лисистраты они бросаются на представителя магистрата [4]):

Соратницы, бегите все сюда,
Вы семенем и овощью торговки,
И чесноком, и булкой, и вином,
Тесните их, ломите, не сдавайтесь.

В «Лягушках» встречаем и торговок хлебом («ругаться не к лицу поэтам, как калачницам на рынке») и трактирщиц:

Сюда скорей, Платана, вот он, вор,
Который, к нам в трактир тогда забравшись,
Сожрал шестнадцать караваев...
Да и жаркого двадцать сплел кусков
По полгроша...
Да чесноку без меры...
Да что. Еще я рыбу позабыла...
Ее-ей, да сыр у нас зеленый был,
Так и его уплел с плетенкой разом.

---

1) Xenophon. Memorab. III. 7, 6.
2) Aristot. Polit. VII. 2
3) Aristophan. Aves. 489. Equit. 130. 738.
4) Aristophan. Lysistr. 456 сл.

А когда с него потребовали деньги, он вынул меч; трактирщица с рабыней бросились бежать, а он удрал, захватив посуду [1]).

Как мы видели выше (из речи Демосфена в защиту Евксителя), самый факт занятия торговлей вызывал подозрение, что данное лицо не является афинским гражданином [2]). Действительно, как можно установить, на основании надписей, разработанных Клерком, как среди иностранцев, поселившихся в Афинах, так и среди вольноотпущенников, насчитывалось довольно много розничных торговцев, имевших лавки в Пирее или в самом городе. Один торговал пряжей, другой ладанам, третий сесамом, четвертый овощами, пятый соленой рыбой [3]).

Торговля эта совершалась, как мы видели из слов Платона, отчасти в форме разносного торга. У Аристофана Дикеополис изображает идиллию деревенской жизни с ее тишиной и спокойствием, в противоположность городскому шуму и крику. В деревне не приходится слышать: «покупайте угли», «купите уксус», «купите оливковое масло», там ничего не покупают, все тут же растет—крик не режет слуха [4]). О разносной торговле упоминается у комика Дифила (продажа роз, лупин, хрена и иных растений); у другого комика Антифана, где торговец рыбой отправляется и по деревням, как и у позднейшего автора — Диона Хрисостома, также речь идет о разносе товаров по домам [5]).

Но главным центром розничной торговли является рынок. Как мы видели, у Платона крестьяне и ремесленники выносят свои произведения на рынок, на рынке же сидят неспособные ни к какой иной работе торговцы. Agorazo (от agora—рынок) получает значение торговать, agoraion равносильно торговле [6]).

В Афинах городская площадь и городской рынок являлись, повидимому, главным местом города, центром всей жизни его. Рынок разделялся, как сообщает Поллукс, на несколько рядов в зависимости от характера торговли. Существовал рыбный ряд, сырный, по продаже вина, по продаже благовоний, рынок горшечный и, наконец, по продаже рабов [7]). Отсюда места и получили соответствующие названия. На ряду с будками и ларями, где обычно

---

1) Aristophan. Batr. 849. 549 сл.
2) См. выше, стр. 152.
3) Clerc. Les métèques Athén. p. 396.
4) Aristophan. Acharn. 32 сл.
5) Athen. II. 14 (55 D). VIII. 14 (358 E). Dio Chrysost. LIV. 3.
6) Aristot. Polit IV. 3, 11.
7) Pollux. IX. 47.

и происходила продажа, имелось и крытое помещение (stoa) для торговли мукой. О рынке часто упоминается в «Характеристиках» Теофраста. Льстец «мчится, высунув язык, с ношей из Женского рынка, забирает для своего патрона провизию, нанимает флейтисток» — очевидно, существовал и специальный женский рынок, где, быть может, нанимались женщины разных профессий. Скряга, купив с'естные припасы, сам несет с рынка говядину и зелень — другие имели для этого, вероятно, рабов. Наглец, когда рынок наполнен народом, подходит к лотку с орехами, миртовыми ягодами или каштанами, становится около них и начинает есть, а сам болтает с торговцем. Тщеславный расхаживает на рынке у столов менял. На рынке, конечно, шатается постоянно «разносчик новостей». «Есть ли хоть одна галлерея, хоть одна мастерская, хоть один уголок на рынке, где бы не торчали они целый день, до тошноты надоедая слушателям своим враньем». «Они постоянные посетители рынка... Брань не сходит у них с языка, эхо их зычной глотки отдается и на рынке, и в трактирах» [1]). Но и серьезных людей мы находим на рынке. Исхомах человек дельный, и, встретив его, Сократ говорит: обыкновенно я вижу тебя или за каким-либо занятием или же на рынке, тоже не совсем без дела [2]). Рынок посещают для закупки припасов, как мы видим, не только женщины, но и мужчины, при чем они нередко появлялись на рынке, подобно Терею, мифическому царю Фракии, в полном вооружении, с головой горгоны на щите. Это мы можем усмотреть из следующих стихов в аристофановской Лисистрате. На вопрос о намерениях женщин («что хотите вы сделать?») она отвечает:

Да прежде всего помешать вам таскаться с оружьем,
Как глупцам, по базару...
А сейчас то они в горшечном ряду и в зеленом равно постоянно
По базару гуляют в оружии всем. точь-в-точь Корибанты на битве..
Но это потешно,
Если, щит вознося и Горгону свою, покупаете вдруг вы селедку.
Так то. видит Зевес, на коне я вчера командира признала отряда,
Как в железный шелом он яиц наложил, накупив у старухи-торговки
А другой-то фракиец, точь-в-точь как Терей, потрясая копьем и колчаном,
На торговку фигами робко смотрел, смакуя незрелые смоквы [3]).

[1]) Theophrast. Charakt. l. c.
[2]) Xenophon. Oikonom. VII, 1.
[3]) Aristophan. Lysistr. 556—61.

Во всех приведенных нами случаях и Аристофан и Теофраст упоминают лишь о покупке на рынке съестных припасов—говядины, рыбы, яиц, зелени и фруктов всякого рода (а также орехов, смокв, каштанов и др.). Этому соответствуют и указанные выше названия рядов на рынке (рыба, сыр, вино). И Ксенофонт, говоря, что многие «покупают на рынке предметы удовольствия», очевидно, имеет в виду лишь всякого рода вкусные предметы питания, вино и т. п. [1]). Лишь в виде исключения встречается горшечный ряд. Но нам известно, что на рынок выносились и промышленные изделия. Так поступает раб Тимарха, выделывающий ткани [2]); о том же говорится в «Лягушках» Аристофана:

Я то, несчастная,
Вся погрузилась в работу,
Льном моим полную прялку
Свива-вивая руками
В круглый клубок,
Чтобы с зарею на площадь
Выйти продать [3]).

Но преимущественно продажа промышленных изделий совершалась, повидимому, не в ларях и будках на рынке, а в закрытых лавках и мастерских, из которых некоторые (как, напр., шорная мастерская, в которой постоянно сидит Эвтидем, разыскиваемый Сократом) находились по близости от рынка [4]).

Рыночные площади и рынки имелись и в других городах. На них сосредоточивался местный товарообмен, купля-продажа сельскохозяйственных продуктов, быть может, и промышленных изделий местного производства. Судя по описаниям Павсания и других авторов и по раскопкам в Фере, Пергаме и других местах, всякий греческий город имел рынок. И там мы находим ряды и галлереи, в Митрополисе, напр., Филипповы галлереи и ряды продавцов благовоний [5]), в Элиде «рынок, устроенный не на манер ионических и соседних греческих городов, а по старинному образцу, с галлереями, находящимися на известном расстоянии друг от друга и отделенными проходами [6]). При раскопках греческих городов повсюду найдены рынки, хотя они и относятся, вероятно,

---

1) Xenophon. Socrat. 18.
2) Aeschin. I. 97.
3) Aristophan. Batr. 1346—51.
4) Xenophon. Memorab. IV. 2, 1.
5) Pausan. VIII. 30,
6) Ibid. VI. 24.

к более поздней, эллинистической эпохе. Так, на острове Фере установлена «agora» древнего времени, имеющая только с одной, юго-западной, стороны галлерею; в ней найден был стол с нормальными весами, где происходило, повидимому, клеймение весов. В Пергаме рынок находился в верхнем городе и другой в нижнем городе; последний был окружен лавками и мастерскими—Дерпфельд насчитал их всего 44. Они сдавались в наем, повидимому, храмами; в записях одного из храмов указаны доходы от сдачи в наймы «эргастерий». В другом греческом городе в Малой Азии—Приене, несмотря на небольшое количество населения, находим рынок, который сделал бы честь всякому большому городу. Лавок и мастерских на рынке насчитывалось 31; найден и погреб с амфорами и черепками от кубков, очевидно, помещение винотор-говли. Но продажа мяса и рыбы происходила в особом ряду, где оказались довольно грубой формы мраморные столы. В надписи, найденной в одном городе, указывается, что лари для мясного и рыбного рынка пожертвованы богатым жителем города [1]).

III.

Рыночной полицией ведают агораномы. В Афинах избиралось пять агораномов для города и пять для Пирея, при чем закон им предписывал заботиться обо всех товарах, чтобы они были настоящие и неподдельные [2]). Агораномы имелись, однако, не только в Афинах—это был широко распространенный по всей Греции институт. Кайллемер насчитывает 30 городов, относительно которых мы можем установить существование этих должностных лиц, среди них Спарту, Аргос, Милет, острова Кос, Фасос, Лесбос, Делос, Эгину, Крит и т. д. [3]). Однако, из надписей нам известны агораномы и в менее значительных городах и поселениях. Они упоминаются, напр., не только в Эфесе, Оропе, но и в Истрополе, Астипалее, Парионе, Андании [4]). Аристотель ставит среди магистратур на первом месте агораномов, ту власть, «в круг деятельности которой входит попечение о поддержании необходимого порядка на городском рынке». Агораномы «наблюдают за совершением торговых сделок и, вообще, за благочинием на рынке». Купля-продажа—поясняет он—ведь необходима во всяком государстве,

[1]) Ziebarth. Kulturbilder aus griech. Städten. 1907. p. 21. 35, 41. 55.
[2]) Athen. Polit. 51.
[3]) Caillemer. s. v. Agoranomoi (Dictionn. I. 155).
[4]) Sylloge. 2 изд. II. №№ 548, 547, I. №№ 325, 502, 503, 653.

она создает то самодовление, ради которого люди, очевидно, и образовали единую общину [1]). И у Платона агорономы поддерживают порядок на рынке, согласно установленным законам; за нарушения они карают рабов и иностранцев телесными наказаниями и тюрьмой, граждан же денежным штрафом [2]). Платон высказывает это в своих «Законах», предлагая такие правила в идеальном государстве, но они, повидимому, соответствовали действительности. У Аристофана крестьянин Дикеополь устраивает себе рынок и обводит его канатом—«это границы моего рынка,—заявляет он—всем жителям Пелопонесса, Мегары и Беотии предоставляется здесь свободно торговать, но только торговать со мной (а не с Ламахом). Агорономами пускай будут, мною назначенными, три кожаных ремня из Лепроса» (он вешает три бича). Затем он выставляет на рынке свой «мирный договор», т. е., очевидно, обещание спокойствия и возможности безопасно торговать на рынке [3]). В виде рыночной черты и рыночного мира здесь появляются старинные рыночные институты, имеется и бич для агоранома, который должен служить для поддержания рыночного мира. В другой комедии Аристофана к агораному угрожает обратиться торговка хлебом с жалобой на Филоклеона, испортившего ей товар [4]). С другой стороны, агорономы проверяют качество и вес товаров. Поэтому-то Филипп у Ксенофонта, расхваливая сложение Сократа, являющееся последствием проделываемых им гимнастических упражнений, прибавляет: даже если бы ты показался на рынке, то агорономы признали бы тебя безупречным, совершенно как безупречный хлеб.

У Платона мы находим и такое требование: «торгующий чем-либо на рынке никогда не должен назначать двух цен своему товару, а только одну и единственную. Если по этой оценке он не найдет покупателя, то он в праве унести свой товар с рынка. Но в один и тот же день он не должен расценивать свой товар то дороже, то дешевле» [5]). Действительно, на острове Делосе найдена надпись (III ст. до Р. Х.), которая регулирует торговлю дровами и углем. В этом законе признается обязательной раз об'явленная цена: до продажи товара торговцы дровами и углем обязаны заявить агораномам, по какой цене они желают продавать.

---

[1]) Aristot. Polit. VI. 5, 2.
[2]) Platon. Leges. VI. 764. B.
[3]) Aristophan. Acharn. 719 сл.
[4]) Aristophan. Ran., 1407.
[5]) Platon. Leges. XI. 917 B. C

и не могут сбывать товары ни дороже, ни дешевле этого. В противном случае они лишаются права пользования общественными мерами и весами и подлежат особой плате за место, где положены их товары. В этой же надписи устанавливаются и другие правила рыночной полиции—обязанность пользования общественными весами, запрещение выкрикивать товар для продажи; право продавать товар предоставляется только самим импортерам, но не перекупщикам [1]). В надписи г. Кизика (I ст. до Р. Х.) находим даже распоряжение властям заботиться о том, чтобы продукты продавались не дороже установленной цены с угрозой нарушителям последней лишением права гражданства для граждан и изгнанием для иностранцев [2]).

Из всего этого видно значительное развитие рыночной организации и рыночной полиции в греческих городах. На первом плане стоял, конечно, хлеб, заботы о том, чтобы население было им снабжено и притом получало своевременно и по недорогой цене. В Афины хлеб привозился прежде всего с Черного моря. Фукидид сообщает о том, что уже в 424 г. до Р. Х. афинские суда были в Геллеспонте и в Черном море, но это были, повидимому, суда военные, а не торговые. Однако, к тому же времени относится установление в Афинах особых hellespontophylakes, т. е. надзирающего за Геллеспонтом учреждения, которое должно было следить за проходящими через Геллеспонт судами. Жителям Метаны афиняне предоставили вывозить отсюда ежегодно определенное количество хлеба [3]). Очевидно, вывоз хлеба из этих мест находился в их руках. В речах, приписываемых Демосфену (против Лакрита и против Формиона), как и в речах Лисия упоминается о торговых судах, направляющися в Крым и Босфор [4]). Оттуда вывозится хлеб, Афины пользуются правом беспошлинного вывоза зерна из Босфора, и они первые, по Исократу, даже они только одни—нагружают свои суда, другие уходят нередко без груза. В этой речи Исократа о «Трапезитике» фигурирует сын наместника крымского царства, который доставил в Афины два корабля с грузом хлеба [5]). В речи Демосфена против Поликла Аполлодор рассказывает о том, что ему приходилось

---

[1]) Schulhof - Huvelin. Fouilles de Deloss. Lois régnant la vente du bois et du charbon à Delos. B. C. H. 1907. p. 46.

[2]) Sylloge. I. № 366, 19 сл.

[3]) C. I. A. I. № 40=Sylloge. № 32. Ср. Boeckh. II. Прил. 21

[4]) Demosthen. C. Phormion. 34, 10. C. Lacrit. 35, 34.

[5]) Isocrat. Trapezit. 4, 29.

неоднократно конвоировать суда с хлебом, возвращавшиеся осенью с Понта в Афины, ибо, в виду войны, существовала опасность захвата их врагами [1]). Демосфен, всячески провознося значение для Афин Босфора, доходит, как известно, даже до утверждения, что половина всего получаемого Афинами хлеба идет с Понта [2]). Быть может, он и преувеличивает роль доставляемого оттуда зерна (рассказывали ведь, что он сам ежегодно получал по тысяче медимнов хлеба от босфорских царей). Но все же в том, что Понт являлся важным поставщиком хлеба для Афин, едва ли можно сомневаться.

Впрочем, хлеб доставлялся в Афины вовсе не только с Черного моря. Его привозили также из различных местностей Греции—из Евбеи, Кипра. Фукидид рассказывает, что во время Пелопонесской войны «подвоз сʼестных припасов из Евбеи, который прежде производился из г. Оропа через Декелею сушей, теперь приходилось совершать морем вокруг Суния»; афинянам пришлось укрепить Суний, «чтобы их корабли с хлебом могли проходить мимо него». Вообще, по его словам, в этом отношении афиняне извлекали больше выгоды из Евбеи, чем из самой Аттики [3]). И в «Осах» Аристофана идет речь о хлебе из Евбеи, но при распределении его среди афинского населения каждый получает вместо 50 мер всего лишь 5 и притом не пшеницу, как полагалось, а только ячмень [4]). О «хлебе из Кипра» упоминает Андокид, и весьма важно то, что это подтверждается надписью конца IV ст. о конвоируемых судах с зерном, отправляющихся из Кипра в Афины [5]). Наконец, хлеб привозился в Афины из Сицилии и Египта. Торговцам, отправляющимся за хлебом в Сицилию (в Сиракузы), посвящена речь Демосфена (или ему приписываемая) против Зинофема, а экспедицией за хлебом в Египет вызвана его речь против Дионисодора. Из последней узнаем о факте такого рода: Дионисидор отправил судно за хлебом в Египет, а в это время прибыл флот из Сицилии с грузом зерна, цены на хлеб в Афинах сразу и упали. Дионисидор решил, что при таких условиях ему нет смысла везти хлеб в Афины, гораздо выгоднее продать его где-нибудь в другом месте, где цены выше, и направил его в Родос. Отсюда и возникло все дело, суд

[1]) Demosthen. 50, 19 (C. Polycl).
[2]) Demosth. C. Leptin. 33.
[3]) Thukydid. VII. 28. VIII. 4 и 96.
[4]) Aristophan. 715 сл.
[5]) Andocid. De redit. 20. C. I. A. II. 1. № 195. Cp. Genet. p. 307.

над ним—он нарушил основной афинский закон, посмел направить хлеб в другое место [1]).

В этой же речи сообщается о том, что при Александре Македонском (в 331 г. до Р. Х.) наместником Египта был некий Клеомен, которому поручено было заведывание постройкой Александрии, и который в то же время собирал всевозможные подати и, наконец, занимался торговыми операциями, скупая и продавая хлеб. Спекуляции Клеомена—как утверждает автор речи—были весьма неприятны для Афин, пожалуй, даже для всех эллинов. Операции его были поставлены на широкую ногу. Одни люди его закупали хлеб в Египте и грузили его на суда, других он отправлял на кораблях с грузом, третьи сидели в Афинах и продавали прибывший хлеб; но они же, следя там за ценами, должны были извещать о том в Египет. Если цены в Афинах падали, то хлеб уже менял свое направление, шел не в Аттику, а в другие места. Дионисидор и принадлежал к людям всесильного Клеомена и действовал согласно этому распоряжению [2]). Итак, Клеомен устроил свою «частную почту», получал сведения о ценах на хлеб в разных местах и посылал египетское зерно туда, где цены стояли наиболее высоко. На резких колебаниях в ценах он мог хорошо наживаться, во время сильной дороговизны 330—328 г. г. он создал для себя монопольное положение за границей. Об этих любопытных операциях Клеомена трактует и автор приписываемой Аристотелю «Экономики». Клеомен—читаем там — установил высокие вывозные пошлины на хлеб и сильно затруднил этим вывоз его из Египта, а для себя создал тем самым возможность закупать хлеб по дешевой цене. Устранен был частный экспорт и вывоз сосредоточился в его руках; для казны получились крупные доходы. Страдали лишь потребители хлеба—греки и торговцы хлебом, производителей же он не обижал, уплачивая им по тем же ценам, что и торговцы,—последнее специально подчеркивается в «Экономике» [3]).

Все это свидетельствует о том, что Афины весьма нуждались в привозе хлеба. Подвоз последнего являлся для них вопросом жизни и не в некоторые лишь эпохи, как утверждает Жене, а, повидимому, всегда, с той только разницей, что в тот

---

[1]) Demosthen. C. Dionysodor. 56, 7.
[2]) Demosthen. 56. C. Dionysod. 7—8.
[3]) Oikonom. II. 33. См. Riezler. Ueber Finanzen und Monopole im alten Griechenland. 1907 p. 33 сл. 53 сл.

период, когда они были владычицей морей, добывать его было несравненно легче, чем впоследствии, когда власть ушла из их рук. Снабжение населения хлебом в достаточном количестве и удержание цен на умеренном уровне всегда составляло важную задачу государства.

Для надзора над торговлей хлебом имелась специальная коллегия ситофилаков (sitos — хлеб, phylakes — хранители, надсмотрщики). «Для всех других товаров—говорит Лисий—вы учредили в качестве надзирателей над торговлей агораномов, для этой же торговли (зерном) вы специально избираете по жребию ситофилаков». Положение последних было опасное — достаточно было обвинения в небрежности, в том, что они повинны в дороговизне—и они могли лишиться головы. Нередко—читаем у того же Лисия—на них возводились такого рода обвинения и нередко ситофилаки приговаривались к смерти [1]).

Первоначально выбиралось десять ситофилаков, пять для Пирея и пять для города; впоследствии—очевидно в виду важности возложенной на них задачи—число их было увеличено до двадцати для города и до пятнадцати для Пирея. «Они заботятся прежде всего о том, чтобы зерно на рынке продавалось по справедливой цене, далее о том, чтобы мельники продавали муку соответственно цене ячменя, а пекаря—хлеб сообразно с ценой пшеницы и согласно установленному весу». Кроме них имелись смотрители над портом (epimeletoi tu emporiu), которые также имели отношение к хлебной торговле, должны были следить за тем, чтобы импортеры доставляли две трети привезенного хлеба в город; только остальной третью они могли распоряжаться по своему усмотрению [2]).

Были и другие ограничения в интересах снабжения населения хлебом. Демосфен (в речи против Лакрита) приводит следующий закон: «запрещается афинским гражданам, а равно проживающим в Афинах метекам и всем подчиненным им лицам давать деньги под судно, которое не предназначено было бы для привоза в Афины зерна и других (указанных) товаров. Если ссуда выдана с нарушением этого правила, то надзиратели над портом конфискуют и деньги, и судно, и хлеб, кредитор же не может взыскивать денег, которые выдал, если груз не предназначен для Афин» [3]). В той же речи, как и в другой (в защиту Формиона)

---

[1]) Lysias. XXII. (Kata ton sitopolon), 16.
[2]) Athen. Polit. 51.
[3]) Demosthen. XXXV (C. Lacrit), 51.

Демосфен упоминает о другом законе, строжайше запрещающем кому бы то ни было из афинян везти хлеб в иное место, кроме Пирея; об этом читаем и у оратора Ликурга в речи против Леократа [1]).

Таким образом, находим ряд мер как рыночной полиции—справедливая цена зерна, такса для мельников и для пекарей, так и регламентирующих самый импорт—обязанность афинян везти хлеб в Пирей, запрещение им давать ссуду под корабли, везущие хлеб в другие места, обязательность оставлять две трети привезенного хлеба в Пирее. Стеснения торговли, как внешней, так и внутренней, были, следовательно, весьма велики, но их вызывала нужда, печальная необходимость. Но этим ограничения не исчерпывались. Из речи Лисия, направленной против торговцев хлебом, узнаем еще и о запрещении закупать сразу свыше определенного количества зерна (более 50 phormoi) что это за мера, неизвестно). Оказывается, что в год заключения Анталкидова мира (387 г.) несколько торговцев зерном (sitopolai) подверглись преследованию за то, что они составили сообщество «для совместной закупки» (sympriasthai) зерна у импортеров; они нарушили указанное правило о максимуме закупки. Торговцы своей вины не отрицали, но ссылались на Анита, известного политического деятеля, который принял на себя столь опасную во времена дороговизны должность ситофилака. В таких случаях, когда появлялся, наконец, долгожданный корабль с зерном, импортер мог требовать любую цену и мелкие торговцы ее наперерыв повышали, чтобы получить свои 50 мер, зная, что голодный народ на все пойдет. Анит и посоветовал торговцам об'единиться против импортеров: если они будут придерживаться одной и той же цены, то импортеры вынуждены будут пойти на уступки, вывезти ведь хлеб за пределы Афин они не могут. Конечно, для импортеров это было весьма неприятно и отсюда-то и возник весь процесс. В такое время, когда подвоз был затруднен, эти импортеры являлись силой, государству приходилось с ними считаться, их жертвой и должны были пасть местные торговцы хлебом—метеки. Лисий напоминает судьям о дороговизне, при которой цена нередко в течение дня ростет более, чем на драхму, указывает на то, что эти местные торговцы удерживают запасы и отказываются продавать более одного медимна. Они—прибавляет Лисий—раньше всех осведомлены обо всем и они же, в целях поднятия цен, выдумывают

[1]) Demosthen. XXXV, 50. XXXIV, 37. Lycurg. C. Leocrat. 27.

несчастья всякого рода, распространяют слухи о том, что наш флот погиб в Черном море, что другой захвачен лакедемонянами, что рынки закрыты или предстоящий мир не состоится, и они так ненавидят вас, афинян, что стараются извлечь выгоду из тех же обстоятельств, как и ваши враги. «Убейте их—заключает он— тогда хлеб станет дешевле» и прибавляет характерные слова: «что скажут импортеры, если вы освободите этих людей, об'единившихся против них,—им осуждение будет только приятно» [1]. Решение суда нам неизвестно.

Однако, довольствоваться тем хлебом, который доставляла торговля, афиняне не могли. К мероприятиям, обеспечивавшим доставку зерна торговцами, должны были присоединиться еще и другие. Государство выпрашивает у владетелей хлебородных местностей хлеб для раздачи его народу. В особенности во время голодов это было необходимо; запасов не хватало и цены были столь высоки, что население его, вообще, покупать не в состоянии было. При Перикле—читаем у Плутарха—египетский царь сделал крупный дар афинянам, 30 или 40 медимн зерна [2]. Из Демосфена (речь против Лептина) узнаем о таком же даре босфорского царя Левкона в 357 г. [3]. О других случаях этого рода говорят надписи, в которых восхваляются заслуги ряда лиц. Их награждают золотыми венками и разного рода привилегиями за их великие благодеяния. Прославляется Зенон, начальник флота египетского царя Птолемея (288—87)—он позаботился о благополучной доставке хлеба в Афины [4]; босфорский царь Спартак, который прислал 10.500 медимн зерна (287—86) [5], Авдолеон, царь Пеонии (в Македонии), дар которого равнялся $7^1/_2$ тыс. медимн (286—85 г.) [6], Филлипид, доставивший 10 тысяч медимн от царя Лисимаха (284—3 г.) [7], Федр Тимохарис, сумевший раздобыть для афинян хлеб у царя Птолемея (около 280 г.) [8].

Прибегали Афины —это видно также из надписей—и к сбору пожертвований среди богатых граждан для закупки хлеба и раздачи его населению (ситония)—жителям выдаются марки (жетоны) на определенное количество зерна. Раздачей хлеба (sitodotis) ве-

[1]) Lysias. XXII. См. Wilamowitz-Moellendorff. Aristot. und Athen. II. 374 сл.
[2]) Plutarch. Pericl. 37.
[3]) Demosthen. XX, 33.
[4]) C. I. A. IV. 2. № 309 b=Sylloge (Dittenberger). I. № 193.
[5]) C. I. A. II. 311 = Sylloge. I. № 194, 23.
[6]) C. I. A. II. 312 = Sylloge. I. № 195, 26.
[7]) C. I. A. II. 314 = Sylloge. I. № 197, 12.
[8]) C. I. A. II. 331 = Sylloge. I. № 213.

дают специальные лица—situ epigrapheis [1]). При такой ситонии (около 330 г.) Гераклид Саламинский дважды подписал по 3 тыс. драхмы, за что он награжден золотым венком, почетным званием проксена и различными правами [2]). Хрисипп и его брат сделали также пожертвования, как видно из речи, приписываемой Демосфену [3]), да и сам Демосфен во время ситонии пожертвовал талант (6 тыс. драхм) [4]). Участие в таких подписках считалось делом чести: у Теофраста, хвастун заявляет, что во время дороговизны он издержал свыше 5 талантов в пользу бедных—отказать у него якобы, не хватило духу [5]).

Другие области Греции отличались более высоким плодородием, чем Аттика. По Фукидиду прекрасная почва имеется во Фессалии, Беотии и во всем Пелопонесе, за исключением Аркадии [6]). Насчет Беотии Страбон признает, что «эта область по своим размерам почти равна Аттике или лишь несколько меньше ее, но качеством почвы далеко превосходит ее» [7]). Относительно Фессалии находим подтверждение у Ксенофонта: кто из двух народов—спрашивает фессалиец Полидам—легче в состоянии содержать флот, тот ли, который, имея избыток в хлебе, вывозит его, или же афиняне, которым не хватало бы хлеба, если бы они не покупали его в других местностях [8])? Мало того, «фиванцы, вследствие недостатка в хлебе, которого они не собирали уже два года, отправляют в Пагасы две триремы за покупкой хлеба на 10 талантов» [9]). Этот факт новое доказательство обилия хлеба в Фессалии, но он же свидетельствует о том, что та самая Беотия, о плодородии которой сообщают Фукидид и Страбон, нередко сама нуждалась в привозе хлеба. И о столь плодородном, по словам Фукидида, Пелопонесе Геродот сообщает, что Ксеркс видел корабли, отправлявшиеся туда с Понта с грузом хлеба; у него же читаем, что афиняне старались прекратить подвоз хлеба в Пелопонес [10]).

Итак, по временам, во всяком случае, даже столь плодородные области, как Беотия и Пелопонес, нуждались в привозном

---

1) Pollux. IX. 103.
2) C. I. A. IV. 2. № 179 b = Sylloge. I. № 152. 7 сл.
3) Demosthen. XXXIV.
4) Plutarch. Orator. 851 B.
5) Theophrast. Charakter. XXIII. 5.
6) Thukydid. I. 2.
7) Strabo. IX. 2, 1.
8) Xenophon. Hellen. V. 4. 56.
9) Ibid. VI. 1. 11.
10) Herodot. VII. 147. Thukydid. III. 86

хлебе. Но то же можно сказать по поводу других местностей Греции—не только мелких островов, но даже Евбеи. Демосфен в первой речи против Филиппа утверждает, правда, что на Лемносе, Фасосе и других островах имеется достаточно хлеба и других продуктов, необходимых для войска, но автор «Афинской республики» полагает, что, если даже допустить, что жители островов об‘единились бы и все вместе переселились бы на один остров, то они все же умерли бы с голоду [1]). С одной стороны, из Фукидида мы узнаем, какое огромное значение имела для Афин Евбея в смысле снабжения их хлебом [2]), а с другой стороны, надпись конца III ст. говорит о совершенно ином: жители городы Оропы на Евбее выражают благодарность жителю Тира Дионисию и жителю Сидона Гелиодору за то, что они доставили в Оропу хлеб и уступили его городу за соответствующую (очевидно, не высокую) цену. За это их награждают почетными званиями проксена и евергета и различными правами, которых обычно не имели иностранцы [3]). Стало быть, и Евбея при всем обилии в хлебе иногда нуждалась в привозе его из Финикии.

Повидимому, из-за низкого уровня сельскохозяйственной техники и культуры, повсюду сплошь и рядом собственного продукта не хватало (как это бывало, напр., в средние века даже в таких плодородных местностях, как область Ганзы, Тевтонского ордена и т. д.). Очевидно, везде необходима была, в интересах населения, определенная политика, учитывавшая размеры предстоящего урожая и соответствующим образом регулировавшая вывоз и привоз хлеба. В распоряжении царя Антигона конца IV ст., касающемся Теоса и Лебедоса, устанавливается правило, согласно которому весь хлеб, как привозимый, так и вывозимый, должен быть прежде всего доставлен на рынок. Привезенный хлеб, после заявления о нем на рынке и уплаты пошлины, может быть снова вывезен. Равным образом хлеб из окрестных деревень должен быть заявлен и должно быть указано количество, которое вывозится, агораному и уплочена соответствующая пошлина [4]). Область Херсонеса изобиловала хлебом и вывозила его в больших размерах и все же юноши по достижении зрелого возраста и при принятии их в число граждан, давая клятву именем

---

[1]) Demosthen. IV. (C. Philipp. I). 33. Respubl. Athen. II. 2.
[2]) Thukydid. VII. 28. VIII. 4.
[3]) Sylloge. II. № 547.
[4]) Sylloge. I. № 177, 94 сл.

Зевса, Земли, Солнца, богини-Девственницы (Партенос) и других олимпийских богов и богинь, обещают хлеб из области никуда не продавать и не вывозить, за исключением города Херсонеса [1]).

Не только удерживали хлеб и направляли его на местный рынок, но выпрашивали себе и особые льготы при вывозе хлеба из различных местностей. Митилены (в пол. IV ст.) добились у босфорского царя Левкона для вывоза первых ста тысяч медимн зерна пониженных вывозных пошлин [2]), жители Самотраки (в пол. III ст.) обращаются к Ипомедону, состоящему на службе у Птоломея, с такой же просьбой относительно вывоза зерна из Херсонеса или других местностей, которые он укажет [3]). Но хлебная торговля и при столь выгодных условиях, повидимому, функционировала слабо, на помощь должны были приходить агораномы и ситофилаки, обязанность которых состояла не только в том, чтобы следить за продажей по справедливой цене, но и в том, чтобы добиваться у импортеров продажи его по пониженной цене или же они обязаны были закупать хлеб для безвозмездной раздачи его народу. Агораном в Парионе во время панатенейских празднеств принимает меры к тому, чтобы хлеб продавался по надлежащей цене [4]), агораном в Антипалее не только заботится о справедливой цене, но вместе с тем и сам приобретает хлеб [5]), агораном Аристагор в Истрополе закупает хлеб, вино и другие продукты и по дешевой цене продает их жителям [6]). Всем им об'является в специальных грамотах (надписях) благодарность, как и агораному в Эфесе, который обратился (III ст.) к жителю Родоса Агафоклу, привезшему 64 тыс. медимн пшеницы, с просьбой продать ее по более низкой цене, чем существующая на рынке. Агафокл это сделал и ему даруются права гражданства [7]).

Здесь иностранец является благодетелем. То же происходит в Истии, населению которого оказывает огромную услугу житель Родоса Афинодор сын Писагора (в III ст.). Когда из Истии были посланы люди для закупки хлеба, он дал им беспроцентную ссуду и, вообще, всячески содействовал скорейшему выполнению возложенного на них поручения [8]). В третьем случае восхваляются заслуги

[1]) Sylloge. II. № 461, 49 сл.
[2]) Ibid. II. № 914.
[3]) Ibid. I. № 221, 25.
[4]) Ibid. II. № 503, 14.
[5]) Ibid. II. № 502, 9.
[6]) Ibid. I. № 325, 40.
[7]) Ibid. II. № 548, 3 сл.
[8]) Ibid. I. № 226, 25 сл. 69, 72.

собственного гражданина Протагора, который родному городу Ольвии доставлял хлеб по пониженной цене: сначала 2 тыс. медимн, затем еще $2^1/_2$ тыс. и сверх того дал тысячу золотых (chrysus) [1]). Эти пожертвования сделаны были им по случаю об‘явленной ситонии. Такие публичные подписки для снабжения населения хлебом мы находим, следовательно, не в одних лишь Афинах, но и в других местах вплоть до самых мелких островов. Повсюду этим путем совершается закупка хлеба городом для продажи его населению по пониженной цене или даже для раздачи даром [2]).

О последнем узнаем, напр., из надписи, касающейся Самоса, где народное собрание во II ст. до Р. Х. постановило произвести следующую операцию. Образуется путем добровольной подписки капитал; он помещается под проценты и эти проценты идут на закупку хлеба, который приобретается у храма Геры; этот храм получает двадцатую часть урожая с принадлежащих ему на материке земель. Назначаются специальные лица для получения процентов с капитала и для передачи их другим, заведующим закупкой хлеба. Если после этой операции получится остаток, то либо он будет сохранен в кассе, либо, если народ пожелает, будут сделаны дополнительные закупки зерна. Хлеб раздается ежемесячно населению в количестве двух мер на каждого [3]). В записях делосского храма также встречаются поступления, расходы и баланс кассы ситоний (193 г. до Р. Х.) и списки должников храма, обязавшихся внести деньги на приобретение хлеба, для чего храм выдал аванс. Храм, следовательно, предварительно выдавал деньги на закупку хлеба, но затем богатые люди возвращали их ему [4]).

---

[1]) Sylloge. I. № 246, 9 сл.
[2]) Francotte. Mélanges etc. p. 301 сл.
[3]) Wiegand и Willamowitz—Moellendorff. Ein Gesetz von Samos über die Beschaftung von Brotkorn aus oeffentlichen Mitteln. Sitzungsber. der Preuss. Akad. d. Wissensch. 1904.
[4]) Homolle. Les archives de l'intendance sacrée à Delos. App. II. 115. 141.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Роль торговых городов.—Об'екты торговли [1]).

Большим оживлением отличался товарообмен в Афинах. Ваксмут не без основания называет Пирей крупнейшим приморским рынком Греции [2]). «Все, что есть хорошего в Италии, на Кипре, в Египте, в Ливии, у Черного моря, в Херсонесе, в Пелопонесе или в других местах,—все притекает сюда, благодаря нашей власти над морем»,—говорит неизвестный автор Афинской республики [3]). В том же смысле высказывается Перикл у Фукидида: «все проникает сюда со всех сторон благодаря величию города» [4]). Афины — центральное место, «лежат в середине Эллады и всего мира». Кто бы ни отправлялся из одной части Эллады в другую, должен непременно проехать мимо Афин, «как мимо центра в круге». Аттика, как бы остров омываемый водами, но в то же время и материк, потому что она получает товары и с моря и с суши; наконец, она находится вдали от варваров, так что они не могут нанести ей ущерба [5]). У Исократа читаем, что в Афинах встречаются самые различные племена Греции, где они обмениваются излишками своих продуктов. Именно, в качестве такой постоянной ярмарки, привлекающей в большом количестве жителей со всех сторон, мы и должны себе представить Пирей в цветущую пору Греции. «Не везде страна—говорит он — удовлетворяет по-

---

[1]) Литер см. выше—гл. VII.
[2]) Wachsmuth. Jahrb. für Nationaloekon. B. XIII. 1886. p. 90.
[3]) Athen. Polit. II. 7.
[4]) Thukydid. II. 38.
[5]) De vectigal. I. 6—8.

требности населения, напротив, нередко ощущается недостаток в тех или иных предметах, тогда как другие имеются в избытке— не знают, откуда добыть одно и куда девать другое. Афины устранили это неудобство, создав в центре Греции Пирей, который отличается столь выгодным местоположением, что там легко добыть все то, что в других случаях можно достать лишь частями и с трудом». Но велики, по его словам, и другие достоинства Афин. Они частью создали, частью развили все те искусства и промыслы, которые нужны как для удовлетворения необходимых потребностей, так и для удовольствия, и все это распространилось оттуда в другие местности. Афины отличаются гостеприимством, принимают и того, кому жилось хорошо у себя дома, и того, кому было плохо— одному доставляют возможность приятного времяпрепровождения, другому—убежище; удобны и для тех, кто хочет заработать денег, и для тех, кто желает истратить их на удовольствия. Благодаря устраиваемым в Афинах празднествам и состязаниям, одни могут обнаружить свои таланты, другие—посмотреть, в результате довольны и те, и другие. Получается огромный наплыв иностранцев, а это привлекает людей, как и вызывает прекращение на время празднеств враждебных действий во всей Греции. И в других местах происходят национальные празднества, но лишь от времени до времени, «Афины же являются для всякого, кто туда приезжает, непрерывным празднеством» [1]).

Несомненно, панатенейские, дионисские и прочие игры вызывали особенно сильное скопление народа и оживление торгового обмена в Афинах и Пирее. Афины стали обширным рынком транзита [2]). Бюхер сравнивает их с Нижегородской или Ирбитской ярмаркой: «как там стекаются народы бесконечной России и их соседи, так здесь встречались живущие у морского побережья племена широко рассеянного эллинского народа, как и финикиане, быть может, и отдельные италики для взаимного обмена своих не повсюду встречающихся в достаточном количестве продуктов... Привоз товаров, непосредственно предназначенных для Аттики, и вывоз из нее составлял, вероятно, лишь небольшую часть всего товарообмена в Пирее» [3]). Этому соответствует утверждение Ксенофонта, что большинство афинян живет морем [4]), как и слова другого

[1]) Isocrat. Paneg. 10—12.
[2]) Francotte. I. 122.
[3]) Bücher. Griech. Wirtsch. 30.
[4]) Xenophon. Hellen. VII. 1, 4.

приписываемого ему же сочинения: кто не нуждается в Афинах (в мирное время), начиная от судовладельцев и купцов? Нуждаются в них страны, изобилующие хлебом, вином простым и вином высокого качества, те, кто имеет избыток оливкового масла или овец, те, кто желает пустить в оборот свои сведения или свои деньги; ремесленники, софисты, философы, поэты, все, кто интересуется религиозными празднествами или ищет величественных зрелищ, кому нужно что-либо купить или продать,—все они могут достичь этого только в Афинах [1]).

Здесь нам даются уже указания на об'екты товарообмена в Афинах: хлеб, вино, оливковое масло, шерсть —все сельскохозяйственные продукты и притом, кроме одной лишь шерсти, с'естные припасы, предметы личного потребления. Такая же картина получается у неизвестного автора, изображающего выгоды приморского расположения Афин. «Гибель полевых растений, ниспосылаемая Зевсом, тяжело отзывается на тех, кому принадлежит суша, гораздо менее на тех, кто владеет морем. Ибо не во всех странах она происходит одновременно и поэтому из страны, где благоприятный урожай, он доставляется тем, кто властвует над морем... Одни афиняне из всех эллинов и варваров могут обладать богатствами. Если какое-либо государство имеет в избытке строевой лес, куда ему девать его, если оно не находится в дружественных отношениях с теми, кто владеет морем? Или если у государства изобилие железа или меди или пеньки, куда их сбыть? А ведь из этого строятся корабли. Один дает лес, другой железо, третий медь, четвертый пеньку, пятый воск. Отправлять эти товары к противникам никто не позволит, рискуя лишиться владычества на море. Здесь же получается все это, благодаря морю, и нет надобности самому их добывать. Никакое иное государство не имеет одновременно двух из этих продуктов—в одной и той же стране не находим и пеньки и леса одновременно, ибо где много пеньки, почва безлесная; не получается из той же страны меди и железа и точно также из других продуктов государство не располагает двумя или тремя одновременно, а одно одним, другое каким-либо другим» [2]).

И в этой крайне любопытной цитате выражена та же мысль, что Афины являются единственным местом, куда, благодаря их

[1]) De vectigal. V. 3—4.
[2]) Athen. Polit. II. 6. 11—13.

местоположению и роли в политической жизни, стекаются всевозможные товары, рынком, который располагает всем, хотя сам производит весьма мало, тогда как другие создают гораздо больше, и все же имеют только собственные произведения. Но в то же время и здесь идет речь о привозе лишь сельскохозяйственных продуктов, в особенности хлеба и материалов для судостроения. К этому надо еще прибавить приведенные выше слова того же автора, что все, что есть приятного (вкусного) в Италии, Сицилии, в Кипре, Египте, у Понта, в Пелопонесе, идет в Афины, следовательно, сюда доставляются и всякого рода вкусовые вещества, лакомства и тонкие блюда, быть может, это обозначало и такие предметы, как масла и благовония, драгоценности и т. д. Во всяком случае ни о промышленных изделиях, ни о сырье для промышленности ничего не упоминается.

И Аристофан, говоря об афинском рынке, называет товары, которыми он наполнен — лук и чеснок, огурцы, дыни, гранаты, коротенькие камзолы для рабов, беотийские гуси, утки и голуби, корзины с рыбой из Копайского озера [1]). Наконец, Гермипп, автор различных не сохранившихся комедий (извлечения из него приводит Афиней) и современник Перикла, изображает корабль, везущий всевозможные товары: из Кирены стебли сильфиона и бычачьи кожи, из Геллеспонта скумбрии и соленую рыбу, из Италии полбу и бычачье мясо, от фракийцев чесотку для лакедемонян, из Ликии полный корабль лжи, из Сиракуз свиней и сыр, из Египта паруса и папирус, из Сирии ладан; Крит шлет кипарис, приятный для богов, Ливия много слоновой кости для продажи, Родос виноград и сушеную смокву, которая дает хорошие сны, из Евбеи доставляются груши и овцы, из Фригии рабы, из Аркадии наемники, Пагасы посылают клейменных рабов, пафлагонцы каштаны и миндал, Финикия финики и муку, Карфаген ковры и подушки [2]).

Здесь рыба сменяет мясо, фрукты идут за сыром, имеется скот, хлеб, ладан, наконец, рабы, из фабрикатов только ковры, из сырья—одни кожи.

В частности Афины вели, повидимому, оживленную торговлю с местностями, расположенными у Средиземного моря. Что же они привозили оттуда? Мы имеем некоторые сведения о том, что эти страны экспортировали, вообще, но больше данных о том, что они

[1]) Aristophan. Pax. 999—1005.
[2]) Athen. I. 21 (27. E. 28. A.).

производили и могли вывозить. Так, Полибий говорит, что из Понта в Грецию привозятся продукты скотоводства, рабы, мед, воск, соленая рыба, туда же отвозят вино и оливковое масло [1]). В эпоху, предшествующую Полибию, как мы видели, главным предметом вывоза из черноморского побережья в Грецию, вообще, и в Афины, в частности, являлось зерно, которое — как можно усмотреть из Геродота — обитавшие в степях у Черного моря скифы сеяли не столько для собственного потребления, сколько для сбыта [2]). Страбон рассказывает о Колхиде, что она изобилует всем необходимым для кораблестроения — лесом, льном, пенькой, воском и смолой, а также льняными изделиями. Далее, в городе Танаиде происходит обмен местных жителей, которые доставляют рабов и кожи, с другими племенами, сбывающими платье и вино. Рабов они похищают в большом количестве [3]). У него же сообщается о Босфоре, отличающемся плодородием и дающем много хлеба, с гаванью Феодосией, которая может вместить сто кораблей [4]). У различных авторов, приводимых Афинеем, упоминается о рыбной ловле в понтийских странах и о солении рыбы — в Греции эти соления именовались tariche и составляли одно из любимых блюд населения [5]). О ловле пиламид (тунцов) и о солении их в Синопе рассказывает и Страбон [6]). Наконец, находим сообщение Диона Хрисостома о том, что население, живущее в устье реки Борисфена (Днепр), имеет много соли, которую и приобретают варвары, как и живущие на Херсонесском полуострове греки и скифы. Город Борисфен разрушен был гетами, и после этого жившие там прежде греки покинули его. Однако, скифы старались их снова привлечь туда, ибо они не могли обойтись без торговли с греками и привоза ими товаров с моря, скифы же сами не в состоянии были создать торговый порт на эллинский манер [7]).

Весьма возможно, что все эти произведения Понта, не только хлеб, но и рыба, соль, рабы, кожи, воск, необходимые для кораблестроения предметы: лес, лен, пенька, — доставлялись в Грецию и в частности в Афины, хотя в речах Демосфена упоминается лишь о хлебе да кроме того в одном случае о тысяче кож,

[1]) Polyb. IV. 38.
[2]) Herodot. IV. 17.
[3]) Strabo. XI. 2, 3, 12, 17.
[4]) Ibid. VII. 4, 4.
[5]) Athen. III. 117 A. 119 B. VII. 295 C.
[6]) Strabo. VII. 6. 2.
[7]) Dio Chrysost. XXXVI. 3. 5.

нагруженных в Босфоре, из-за которых перегруженное судно потерпело крушение, в другом о нагрузке в Пантикапее 1—2 тюков шерсти, 11—12 бочек соленой рыбы и 2—3 кип козлиных кож [1]). Во всяком случае, если мы будем даже исходить из предположения о вывозе в Афины всех упомянутых выше черноморских продуктов, то мы и тут должны будем констатировать, что привоз в Афины с Понта состоял в пищевых продуктах (хлебе, соленой рыбе, соли) и рабах, фабрикатов же не было, а из сырья, необходимого для промышленности, привозились, если не считать материалов для кораблестроения, только кожи [2]).

Мало того, не следует упускать из виду, что, вообще, все эти данные об оживленной торговле Афин сельскохозяйственными продуктами, судостроительными материалами и т. п. касаются, именно, одних лишь Афин. Распространять их и на прочие города и местности Греции, утверждать на основании их, что Греция имела развитой товарообмен, отличалась обилием торговых городов, что там существовал значительный торговый класс, привоз и вывоз товаров играл существенную роль,—нет решительно никаких оснований. Наши сведения относительно торговой деятельности других областей, в том числе таких, о значительном развитии товарообмена которых обычно говорят, более чем скудны и в большинстве случаев никаких выводов из них сделать невозможно. Когда Бюксеншютц или Гювелен (мы не говорим уже о Гюлльмане и других) говорят о товарообмене греческих городов, то они исходят частью из данных о колонизации, частью из сведений о судоходстве, но факт наличности (военного) флота еще ничего не доказывает в отношении торговой деятельности и еще менее свидетельствует создание тем или другим городом колоний в данной местности и о торговых сношениях с ней. Мало того, в то время, как о товарообмене Афин нам рассказывают и притом дают определенные сведения очевидцы и современники, те немногие данные, которые мы можем почерпнуть из древних авторов о торговле других местностей, либо получены современниками из вторых рук, либо еще чаще содержатся у таких писателей, как Страбон, Дион Хрисостом или Павсаний, живших на несколько столетий позже, чем совершались описываемые ими явления (Страбон жил во время имп. Августа, Дион в I ст., Павсаний во II ст. нашей эры) и далеко не всегда располагавшими

[1]) Demosthen. C. Phormion. 10. C. Lacrit. 34. C. Dionysodor. 7 сл.
[2]) См. Bücher p. 30.

достаточными материалами относительно жизни Греции в столь отдаленную от них классическую эпоху.

Несколько примеров сразу подтвердят высказанное нами мнение. Возьмем «известные своей торговлей» греческие острова, расположенные у малоазиатского берега: Самос, Хиос, Лесбос, Родос, или малоазиатские колонии Милет и Эфес, или острова Эгейского моря— Коркиру, Делос, Эгину. Что нам известно об их торговой деятельности?

О Самосе Геродот сообщает, что самосский корабль, направляясь в Египет, был отнесен восточным ветром в сторону и попал в Испанию—в Тартесс, который еще не был известен грекам и где они, благодаря этому, извлекли большую прибыль из продажи товаров. О том, сумели ли они завязать постоянные торговые сношения с Тартессом, он ничего не упоминает [1]). О Лесбосе мы узнаем из Фукидида всего лишь, что остров получал съестные припасы с черноморского побережья [2]). Страбон рассказывает об одной из пирамид, находящихся поблизости от Мемфиса, что она сооружена в честь своей возлюбленной братом поэтессы Сафо Хараксом, который сюда привозил лесбийское вино для продажи [3]). Из этих данных можно заключить об экспорте вина с острова Лесбоса в Египет и об импорте туда хлеба с Понта (возможно, что в обмен на то же вино). О торговле Милета ничего не известно, ибо рассказ Геродота о том, что завоевание дружественного Сибариса Кротоном вызвало в Милете такое огорчение, что все население, стар и млад, в знак траура обрили себе головы, едва ли можно без сильной натяжки истолковать в смысле потери Милетом выгодного рынка [4]). Остров Керкира, по словам Бюксеншютца, отличался своим богатством, «его аристократия являлась денежной и торговой аристократией», как бы представительницей торгового капитала [5]). Он ссылается на Фукидида. Действительно, Фукидид неоднократно называет Керкиру богатой; жители свысока смотрели на Коринф, ибо принадлежали к числу наиболее богатых государств в Греции, чванились своим богатством [6]). Он упоминает о Керкире и в другом месте и рассказывает, что во время борьбы аристократов, в руках которых находилась власть, с народной партией, первые заняли рынок, у

[1]) Herodot. IV. 152.
[2]) Thukydid. III. 2.
[3]) Strabo. XVII. 1, 4.
[4]) Herodot. VI. 21.
[5]) Büchsenschütz. Besitz. 409
[6]) Thukydid. I. 25 и 38.

которого большинство из них жило, и находившийся неподалеку от него порт. Когда же народная партия одержала верх, аристократы, опасаясь, что она может захватить верфи, подожгли дома, расположенные вокруг рынка, не щадя ни собственных, ни чужих жилищ, чтобы оттуда невозможно было совершить нападения на них; при этом погибло много товаров [1]). Но что следует из этого? Можно ли на основании того факта, что аристократы жили по близости от рынка, утверждать, что они занимались торговыми операциями? Не надо забывать, что на рыночной площади (agora) в греческих городах происходили и народные собрания, там находились и важнейшие государственные учреждения (аристократы ведь управляли государством). Еще менее есть оснований полагать, что товары, находившиеся в сожженных аристократами зданиях, расположенных на площади, действительно принадлежали им—Фукидид ведь говорит о жилищах, принадлежавших не только аристократам, но и другим лицам; на рынке были, вероятно, лавки и галлереи, где хранились товары. Мало того, не только утверждение о существовании торговой аристократии в Керкире ничем не доказано, но и, вообще, из наличности на рыночной площади товаров еще не видно, были ли это туземные произведения, доставленные на рынок для местного потребления, или же объекты привозной или вывозной торговли. Об Эфесе Страбон говорит, что «город растет с каждым днем, благодаря выгодному расположению его; он является наиболее крупным рынком в Азии по эту сторону Тавра» [2]). Он прибавляет, что город имеет верфи и гавань, но последняя и вход в нее мелки, засоряются наносным илом—так что для больших торговых судов глубина недостаточна. Но все это относится, как видно из слов Страбона, к его времени (к I ст. до Р. Х.), о предшествующих же столетиях ничего не известно.

Несколько более определенны, как будто, хотя тоже весьма недостаточны, сведения о торговой деятельности других названных нами местностей. Так, по поводу острова Родоса, афинский оратор IV в. Ликург в своей жестокой речи против Леократа, которого он хотел погубить, хотя его деяния никаким уголовным законом предусмотрены не были, упоминает о том, что родосцы весь известный грекам мир объезжают на своих судах, в целях торговли [3]). В Ольвии, находящейся у Черного моря, найдены остатки сосудов,

[1]) Thukydid. III. 72—71.
[2]) Strabo. XIV. 1, 24.
[3]) Lycurg. C. Leocrat. 15.

происходящих из Родоса, Фасоса, Книда, в которых, повидимому, вывозилось вино к Понту—эти острова были известны своими виноградниками [1]). Относительно острова Хиоса читаем у Геродота, что «на желание фокиян купить у хиосцев острова, называемые Энуссами («Винными островами») последние отвечали отказом, опасаясь, что Энуссы станут торговым пунктом, а их собственный остров потеряет всякое торговое значение [2]). По словам Аристотеля, в Византии и Таранте имелось много рыболовов, в Афинах—матросов с военных судов, на Тенодосе—перевозчиков, на Хиосе и Эгине—торговцев [3]).

Что касается упомянутой здесь Эгины, то Геродот рассказывает о том, что Ксеркс, находясь в Абидосе, видел суда, нагруженные зерном, которые отправлялись из Черного моря через Геллеспонт в Эгину и в Пелопонес [4]). Он же, повествуя об огромной прибыли, вырученной самианами, попавшими в Тартесс (см. выше), прибавляет, что они извлекли такой барыш, как никто из эллинов, за исключением, впрочем, Сострата, Лаодомантова сына, из Эгины [5]). Но кем был этот счастливец Сострат, что он продал столь выгодно, с кем он торговал,—все это остается для нас загадкой. Богатство жителей Эгины Геродот выводит из того, что после победы над персами при Платее (479 г. до Р. Х.) илоты, которым велено было собрать оставленные в большом числе персами, а также находившиеся на убитых всевозможные золотые и серебряные вещи (кубки, чаши, кувшины, браслеты, ожерелья, мечи), многое из этого богатства утаили и продали за бесценок эгинетянам [6]). Страбон приводит сообщение историка IV ст. до Р. Х. Эфорба, сочинение которого до нас не дошло, что на Эгине ранее, чем где-либо, началась чеканка серебряной монеты, потому что остров стал рынком—бесплодность почвы заставила жителей обратить свое внимание на море. Отсюда мелочной товар—прибавляет Страбон—называют эгинским товаром [7]). Во всяком случае на значение Эгины в области международной торговли указывает, повидимому, тот факт, что ее монета широко распространилась; ее монетную систему приняли Пелопонес, Крит, даже Циклады и

[1]) Büchsenschütz. Besitz. p. 430.
[2]) Herodot. I. 165.
[3]) Aristotel. Polit. IV. 4, 1.
[4]) Herodot. VII. 147
[5]) Ibid. IV. 152
[6]) Ibid. IX. 80.
[7]) Strabo. VIII. 6, 16.

Книд. Это более ценное доказательство, чем довольно легендарное сообщение Павсания об элидском царе Помпе, который развил торговлю своей страны, допустив приезд жителей Эгины в Киллину, которые оттуда возили свои товары на вьючных животных в Аркадию[1]). Свое значение Эгина во всяком случае утратила весьма скоро—после завоевания ее Афинами в 457 г. до Р. Х. и изгнания жителей с острова в 431 г. Так что торговля ее могла достигать значительного развития лишь в VI и V ст., не позже—Демосфен уже рассматривает остров[2]), как населенный пиратами. Впрочем, и впоследствии у греков сохранилось представление об эгинетянах, как о пронырливых торговцах, готовых на все, лишь бы заработать[3]).

Таким образом получается впечатление, что Эгина действительно занималась торговым посредничеством, что она производила торговые операции с другими странами. К такому же выводу мы приходим и относительно Коринфа. Богатство Коринфа превозносят и Гомер[4]), и Пиндар[5]), и Фукидид. Последний об'ясняет богатство Коринфа (ему дано прозвище: «богатый») его местоположением и тем, что греки первоначально вели торговлю более на суше, чем на море. «Так как обитаемый коринфянами город находился на перешейке, то он уже с давних пор стал торговым центром, ибо греки как в Пелопонесе, так и за пределами его вели торговые сношения между собой на суше, больше чем на море, именно через их территорию... Когда же греки ближе познакомились с морем, то, создавши морское могущество Коринфа, они уничтожили пиратство, сделали этот город торговым пунктом для обоих морей и, благодаря доходам, сила его увеличилась»[6]). В другом месте у Фукидида коринфяне, несомненно, имеют в виду себя, когда они советуют своим союзникам, чтобы они, «живя дальше в глубине страны, а не у моря, помнили, что, если они не окажут помощи приморским жителям, то вывоз их произведений и привоз того, что море дает континенту, будет для них затруднен». На торговой деятельности Коринфа останавливается и Страбон, хотя он повествует частью о временах весьма отдаленных от него и едва ли ему хорошо знакомых, частью же о явлениях самого

---

1) Pausan. VIII. 5. 8.
2) Demosthen. LIII. 6.
3) Схолии к Pindar. Olymp. 28. См. Bücher. p. 62.
4) «Илиада» II. 570.
5) Pindar Olymp. XIII. 1.
6) Thukydid. I. 13.

последнего времени, периода после восстановления разрушенного в 146 г. до Р. Х. Коринфа, следовательно, о вещах, не относящихся к классическому периоду греческой истории. «Коринф — читаем у Страбона — называется у Гомера богатым потому, что он служил складочным местом товаров; он находится на перешейке и обладает двумя гаванями, из которых одна обращена к Италии, а другая к Азии. Это облегчает взаимный обмен товаров для народов весьма отдаленных друг от друга». Он указывает далее на то, что моря, омывающие Коринф, были весьма бурны и поэтому купцы старались заходить в коринфский порт, где и взимались пошлины с товаров, как провозимых далее в Пелопонес, так и вывозимых оттуда. Доходы от этих пошлин с течением времени возросли, так как истмические игры привлекали туда толпы народа. «Бакхиады, тираны Коринфа, принадлежавшие к богатому, обширному и знатному роду, в течение почти двухсот лет извлекали выгоды из этой торговли». Но кроме истмических празднеств последняя поощрялась и благодаря храму Афродиты, где имелось более тысячи гетер — моряки здесь оставляли много денег, почему и сложилась поговорка: «не всякому плаванье в Коринф идет впрок», а одна гетера заявляла: как я ни ленива, я все-таки в короткое время сокрушила три станка (histos—и станок, и мачта), желая сказать — моряков с трех кораблей [1]. По словам Диона Хрисостома, киник Диоген (IV ст. до Р. Х.) поселился в Коринфе, потому что туда, вследствие порта и гетер, стекается больше всего людей и город лежит как бы на перекрестке Греции [2]. И Ливий указывает на то, что, благодаря выгодному своему расположению при слиянии двух морей, Коринф был призван играть роль торгового посредника между Европой и Азией [3].

Как это обстоятельство, так и другие приведенные выше моменты, в особенности истмические игры, отчасти и храм Афродиты, несомненно, содействовали развитию посреднической торговли Коринфа, хотя последний момент — храм с гетерами — является скорее именно последствием оживленности порта, посещения его большим количеством моряков. Но все же открытым остается вопрос о том, был ли Коринф попросту складочным местом, куда заходили суда, идущие с Запада и с Востока, в виду выгодного расположения порта, и где совершались торговые опе-

[1]) Strabo. VIII 6. 20.
[2]) Dio Chrysostom. VIII. 5.
[3]) Titi Livi. XXXII. 32.

рации, или же он вел и самостоятельную торговлю, снабжал и другие страны различными товарами и вывозил товары оттуда, как это мы могли установить для Афин, можем предполагать и в отношении Эгины. Из приведенных сообщений, касающихся Коринфа, такая активная торговая деятельность не видна.

Еще менее можно о ней говорить в отношении острова Делоса, где храм — как мы видели — привлекал купцов, производивших торговлю под охраной его, и где празднества в честь Аполлона были в то же время и ярмарками. То, что нам известно о торговом значении Делоса, относится к римской эпохе, начиная со II ст. до Р. Х. С этого времени в надписях (во II ст.) находим указания на существование здесь иностранцев — римлян, афинян и иных греков, а также финикиян из Лаодикеи, александрийцев, купцов из Тира, египтян. Многие из них образовывали купеческие коллегии. Другие случаи упоминания о торговых корпорациях на Делосе относятся к еще более позднему времени [1]). Торговля Делоса развилась в особенности после разрушения римлянами Коринфа — купцы перешли сюда [2]). Главным об'ектом ее являлись, однако, и раньше и впоследствии рабы. По словам Страбона, туда ежедневно доставлялось и оттуда вывозилось огромное количество рабов, так что сложилась поговорка: «приставай, купец, и разгружай, все продано» [3]). Павсаний к концу II ст. по Р. Х. уже говорит о минувшем богатстве Делоса и рассказывает, что сильно пострадала его торговля после разрушения Делоса одним из полководцев Митридата Мелофаном, который сравнял город с землей, уничтожил жителей и приезжих, женщин и детей продал в рабство, а товары и сокровища храма увез [4]).

Специально о торговых отношениях греков с Египтом мы узнаем из Геродота. Любопытно, что им отведен был один определенный порт — Навкратис, куда иноземные суда только и могли приставать; если же они заходили в другую гавань, то должны были поклясться, что попали туда по необходимости (вероятно, по причине бурь или пиратов) и отплыть обратно. Это вполне соответствует ранним эпохам истории товарообмена, когда страна является по общему правилу закрытой для иностранных купцов и им разрешается приставать лишь в известных установленных местах и

[1]) См. Poland 81. 124 сл. Francotte, 109 сл. Ziebarth. 106 сл.
[2]) Strabo X. 5, 4.
[3]) Ibid. XIV. 5, 2.
[4]) Pausan. III. 23. VIII. 33.

оттуда же отправляться обратно, но не ездить вглубь страны. Характерно здесь и другое обстоятельство: египетский царь Амасис — как рассказывает тот же Геродот — отвел греческим купцам места для устройства храмов своим богам; такое право обыкновенно купцы себе выговаривают повсюду и в другие эпохи. Наибольший из сооруженных ими храмов назывался Эллинием и устроившие его города в то же время назначали лиц, которые ведали торговою деятельностью приезжавших сюда купцов, быть может — прибавим от себя — даже являлись посредниками между ними и местным населением. Это также свойственное ранним эпохам в истории торговли явление — связь последней с храмами, выражающаяся здесь в назначении городами, создавшими храм, этих представителей. Храм основан был совместно городами Хиосом, Теосом, Фокеей, Клазоменами, Родосом и Книдом, Галикарнасом и Фаселисом. Отдельные храмы построили для себя эгинетяне (храм Зевса), самияне (Гере) и милетяне (Аполлону)[1].

Таким образом, мы приходим к тому выводу, что если не считать Афин — в сущности можно говорить о торговой деятельности лишь таких городов, как Коринф и Эгина, быть может, и в меньшей степени, также Родос и Хиос, хотя и тут еще не доказано, что они вели активную торговую деятельность. Все же остальные города в товарообмене, повидимому, принимали мало участия — по крайней мере, утверждать противное, за отсутствием доказательств, мы не в праве. Если не считать Афин и еще двух-трех городов, то Греция являлась страной сельскохозяйственной, имела и ремесло, работавшее для местного сбыта, рынки, где сходились жители данного района, но в товарообмене с другими странами, кроме подвоза хлеба в неурожайные годы, мало нуждалась, и во всяком случае те немногие предметы, которые привозились, получала из рук афинских, быть может еще эгинских и родосских, купцов, или же население само отправлялось за покупкой их в Афины, в Коринф, в Делос. Так обстояло дело в ту эпоху, относительно которой мы еще сравнительно лучше осведомлены — в период от VI до IV ст.

---

[1]) Herodot II. 178—79.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Денежное обращение в кредит[1]).

I.

Обмен, как известно, появляется сравнительно поздно и поэтому деньги являются первоначально не орудием обмена, а платежным средством, применяемым для уплаты дани, оброка, виры, для дарений и т. д. При этом первоначально в качестве денег обычно фигурируют самые разнообразные предметы, которые в то же время служат в качестве предметов потребления и которые обыкновенно, в силу обычая, находятся в известном взаимоотношении, так что до известной степени представляется возможным заменять определенное количество одних соответствующим числом других. Эти положения подтверждаются данными, относящимися к древней Греции.

[1]) Babelon. Les origines de la monnaie. 1897. Его же. Traité de monnaies grecs et romains. 1901—10. Cybulski-Regling. Griechische Münzen. 1902. Head. Historia nummorum (Handbook of greck numismatics). 2 ed. 1911. Hill. Historical greck Coins. 1906. Mommsen. Geschichte des römischen Münzwesens. 1860. Ed. Meyer. s. v. Münzen (orientalische und . griechische). Handwört. der Staatswiss. Friedensburg. Die Münze in der Kulturgeschichte. 1909. Boeckh-Fraenkel. Der Staatshaushalt der Athener. B. I. Das Geld. Pauly-Wissowa. Realencyclop. der klass. Altertumswiss.

Guillard. Les banquiers athéniens et romains. 1875. Cruchon. Les banques dans l'antiquité. 1879. Bernadakis. Les banques dans l'antiquité (Journal des Economistes. 1881). Dareste. Les plaidoyers civils de Demosthène. 1875. Lecrivain. Trapezitai (Dictionnaire des antiquités. Fasc. 48-e. 1913). Caillemer. Lettres de change et contrats d'assurance. (Etudes sur les antiquités juridiques d'Athènes. II. 1865). Beauchot. Histoire du droit de la republique Athénienne. T. II. T. IV 1897. Becker-Göll. Charicles. I. (IV Szene: die Trapeziten). Mitteis. Trapezitica. Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgesch. Roman. Abt. 1898. Hitzig. Das griechische Pfandrecht. 1895. Partsch. Griechisches Bürgschafsrecht. T. I. 1909. Ср. Szanto Zum griech. Recht 2. 3. 8. (Ausgew. Abhandl. 1906).

Как мы видели выше, в гомеровском эпосе встречается много разнообразных видов платежей, для которых необходимы были платежные средства—подати, брачные дары, выкуп из плена, призы на состязаниях; лишь в виде исключения встречается и плата за купленные товары [1]). В качестве денег при этих платежах фигурируют чаша «серебряная светлая, шесть заключающая мер», она является выкупом Ликаона из плена, в другом случае бык и половина таланта золотом, в третьем—таз «быку равноценный». За вино ахейцы платят также разнообразными товарами — железом, медью, бычачьими шкурами, быками или «рабами — людьми» [2]). Наиболее частым платежным средством являются быки, но бык в то же время и мерило ценности, к которому сводятся другие предметы. Главк и Диомед обмениваются своим вооружением, но совсем не равноценным, первое из золота, второе из железа; Главк, совершив этот обмен подарками, «сто быков дал за девять». Ахиллес установил в качестве приза в состязании «огнеупорный треножник огромный, войско его меж собою в двенадцать быков оценило», и рабыню «в разных работах искусную», в четыре быка оцененную. На щите Афины «сто развевалось бахром... и цена в сто быков была каждой» [3]). Девушка именуется «alphesiboia», ибо она, выходя замуж, доставляет родителям много быков—плату за невесту. На ряду с этим в качестве богатства фигурирует в «Илиаде» золото, железо и медь. О Долоне говорится, как об имеющем много золота и много меди (polychrysos polychalkis); Адраст умоляет пощадить его и взять выкуп, ибо у его родителей «золота много и меди, чеканного много железа» [4]). В частности большую роль играют предметы из железа, служащие одновременно и для потребления и в качестве орудия платежа. Победитель в состязаниях получает «десять двуострых секир», а другой—секир «однолезвенных десять получит за выстрел похуже». Предание гласит, что царь Фидон в Аргосе, вводя впервые монету, пожертвовал железные копья—obeloi, obeliskoi. Это повествование подтверждается фактом нахождения в раскопках храмов связок железных копьев в 1—1/5 метра длины—по шести штук связанных вместе; столько человек в состоянии охватить рукой. Отсюда название их «drachma» (от «drassomai»—охватывать). В Мике-

[1]) См. выше, гл. VII, отд. I.
[2]) «Илиада». XXIII. 741. 746. 749. сл. 885. VII. 473.
[3]) «Илиада». II. 448. VI. 236 XXIII. 702—05.
[4]) Там-же. VI. 48. X. 315.

нах Шлиманом были найдены и деньги в виде колец—золотые крученые спирали из проволоки, носимые в волосах или в ушах [1]).

Характерно, что упомянутые драхмы, состоящие из шести железных пластинок—оболов вполне соответствуют, с одной стороны, греческому весу—драхме в 4,36 грамм из 6 оболов, а с другой стороны, последующей монете в виде тех же драхм из шести оболов. Греческий вес и греческая денежная система—как это было и на Западе в средние века и на Руси—вполне совпадают. Идет ли речь о монете или о весе, и в том, и в другом случае талант состоит из 60 мин, мина из 100 драхм, драхма из 6 оболов. Это подтверждение того, что первоначально благородные металлы фигурировали в виде слитков, которые взвешивались. В «Илиаде» встречается уже «talanton»—наиболее крупная монетная единица последующей эпохи, однако в это время она еще не была монетой. Этим термином обозначаются здесь весы, как и взвешиваемая на них масса металла (основное значение его, повидимому, «поднятие», именно поднятие взвешиваемого предмета). Быть может, как указывает Риджвей, этот талант золота находился в определенном соотношении к более ранней денежной единице в виде скота, и талант золота соответствовал ценности быка или коровы [2]). Талант делится на мины (mnea, mna), это весовая единица, распространенная по всей передней Азии вплоть до Египта и Индии. Павсаний упоминает о той отдаленной эпохе, когда лакедемоняне «еще не имели ни золотой, ни серебряной монеты, а по старинному обычаю платили быками, рабами, слитками золота и серебра» [3]). По словам Поллукса, деньги в Афинах первоначально именовались даже попросту bus, т. е. бык—он об'ясняет это тем, что на них изображен бык [4]), но более вероятно, что это название находится в связи с гомеровским счетом на быков.

Лидяне «первые, насколько нам известно—говорит Геродот—ввели в употребление золотую и серебряную чеканную монету, они же были первые торговцы» [5]). В другом месте он упоминает о назван-

[1]) Schliemann. Ilios. p. 570. 590 сл.
[2]) Ridgeway. The origin of metallic currency and wright standards. 1892. Schrader. Reallexikon der indogerman. Altertumskunde. s. v. Geld, Wage und Gewicht.
[3]) Pausan. III. 12.
[4]) Pollux. IX. 61.
[5]) Herodot. I. 91.

ном выше аргосском царе Фидоне, который в Пелопонесе ввел меры и весы[1]), тогда как Страбон, на основании сообщения Эфора (IV ст. до Р. Х.), утверждает, что этот Фидон ранее, чем кто-либо, стал чеканить серебряную монету на Эгине, что он изобрел не только весы, но и чеканную монету из разных металлов, в том числе и серебряную[2]). Фриденсбург считает и то, и другое сообщение правдоподобным. Ссылка на царя Фидона касается эпохи приблизительно 700 г. до Р. Х., и действительно сохранились монеты из Эгины с изображением черепахи, которые и по своему стилю принадлежат к древнейшим, вообще дошедшим до нас чеканам и поэтому могут быть отнесены к этому времени. Но точно также возможно исходить из известия Геродота, ибо богатство лидян и в особенности их последнего царя Креза (в 554 г.) вошло в поговорку и в окрестностях их древней столицы Сарда находят еще и теперь весьма древние, повидимому, золотые монеты с изображениями льва и быка, встречающимися и на других предметах искусства этой местности; многие из найденных здесь монет относятся к временам даже предшествующим Крезу. А к этим золотым монетам близки по своей системе веса другие азиатские монеты из серебра и электрона (смеси из золота и серебра), указывающие частью на Фокею и другие ионические города, частью на Кизик и Пропонтис[3]). Сохранились, далее, монеты разрушенного в 510 г. города Сибариса и почти одновременно исчезающего Сириса, которые также относятся к самым древним; таким образом, и здесь мы доходим до седьмого века. Наконец, и многие племена и города северной Греции оставили нам монеты, повидимому, очень старинного происхождения,—все это изделия из благородных металлов, чеканенные, тогда как несколько более поздние деньги среднеиталийских народностей состоят из меди и являются результатом литья. Меньшую внутреннюю ценность свою они стараются наверстать огромными размерами и весом. Чеканка монет быстро распространилось, так что сохранились коллекции монет даже таких городов, относительно которых нам нередко ничего кроме их имени неизвестно. В половине V ст., повидимому, весь эллинский культурный мир пользовался монетой[4]).

---

[1]) Herodot. VI. 127.
[2]) Strabo. VIII. 3, 33 и 6,16.
[3]) Friedensburg. Die Münze. p. 20.
[4]) Ibid.

Налагая свой штемпель на монету, государство тем самым «признавало» ее—отсюда самое название ее «nomisma», то, что признано «в интересах обмена», как говорит Платон; рынок и монета у него необходимые условия торговли [1]). Однако старинные лидийские монеты еще не имеют настоящего чекана. Это овальные куски металла, на одной стороне которых находим параллельные полоски, первые шаги на пути к появлению изображений на монете, на другой же только углубления от долотообразного штампа, по которому били молотом. Так что эти монеты отличаются от слитков по внешнему образу своему только иным способом выделки и иной формой. Вскоре появляется и знак государства, в Лидии обычно голова льва; но на обратной стороне еще долго остается пустое место, пока и здесь углубления не заменяются квадратом, который затем и тут уступает место изображению, а с V ст. обратная сторона столь же искусно и художественно чеканится, как и лицевая сторона монеты.

На монетах изображены священные животные, являющиеся атрибутом данного города, напр., сова в Афинах, орел в Элиде, или предметы, содержащиеся в названии города, напр., лев в Леонтинах, яблоко (melon) в Мелосе, роза в Родосе или же беотийский щит, голова Горгоны, наводящей ужас. Имеются и произведения данной местности, напр. ветка маслины в Афинах, колосья в Метапонте, виноградник в Хиосе, Маронее, Фракии, кони в Сицилии и Фессалии, тунцы (рыба) в Кизике и у Черного моря, сильфиум в Кирене (откуда он вывозится), быки в Италии. Для греков, надо думать, несмотря на все многообразие этих изображений, последние являлись ясным указанием происхождения монеты, ибо большинство монет, в особенности старинных, не имело надписей. Напротив, впоследствии находим кричащие надписи, напр., в Эфесе и Смирне: «первая в Азии», «первые по красоте и величию». И ценность монеты обычно не отмечена—она видна частью из формата, частью из чекана или из весьма остроумных изменений в изображениях. Колесница с четырьмя конями обозначает монету в 4 драхмы, пара коней характеризуют 2 драхмы, одна лошадь имеется на драхме, обол и его части вплоть до одной четверти выясняются из количества дисков луны, от четырех до одного, для драхмы и полудрахмы принят целый волк или половина его.

---

[1]) Platon. Respubl. 371. B.

Не встречается на греческих монетах и года чекана. Этот обычай вводят впервые наследники Александра Македонского—диадохи, а их примеру следуют прочие, при чем священное и обычное в Греции исчисление на Олимпиады заменено здесь годами царствования или счетом с начала династии или с основания или восстановления города. Вместо года обозначено ведающее чеканкой лицо или «тиран»—Фемистокл в Магнезии, Агафокл в Сиракузах, Нимфодор в Абдере или такие знаменитости, как Эпаминонд в Фивах, Онимарх в Фокиде, философ Демокрит в Абдере. Но изображения своего даже Александр Великий еще не помещал на монете, хотя и подозревают, что голова Геркулеса, имеющаяся на некоторых особенно удачных монетах, напоминает его черты лица.

Религиозный момент на греческих монетах сильно отразился. Есть монеты, выпущенные, повидимому, самими храмами с именами жрецов, такие, которые сами себя именуют наградой за победу в священных играх. Но огромное большинство монет имеет все же государственный, а не частный характер—монетная регалия является господствующей. И все же изображения на монетах преобладают религиозного характера. Перед нашими глазами открывается весь греческий сонм богов «как если бы разверзся сам Олимп». На них появляются не только сами боги, но и демоны, речные нимфы, всякого рода сверхестественные существа, которыми греки населяли горы, поля, источники, сказочные химеры, Кекропс, эрехтоний, героические образы Миноса, Тезея, Филоктета. Мы участвуем в празднествах, об‘единяющих всю Элладу или часть греческих племен, с бегом колесниц, с состязаниями атлетов, с венками и оружием для победителя, и богиня победы выжидает, кто окажется достойным награды, или же несется навстречу избраннику, чтобы увенчать его.

На наиболее старинных монетах находим лишь атрибуты богов, священных животных, с половины VI стол. и самих богов со старинным неуклюжим и церемонным выражением лица и такой же осанкой и движениями. Но вскоре в северной Греции ухитряются на небольшом пространстве помещать несколько фигур—пахаря с волами, сатира и нимфу в любовной сцене, даже бегство Энея вместе с отцом, женой и сыном. Нередко монеты позднейшего времени представляют собою истинные произведения искусства. Прогресс в чеканке их идет рука об руку с развитием иных областей греческой пластики, находится в тесной связи с мотивами и формами последней. Монеты Элиды порази-

тельно напоминают Зевса Фидия — первоначально в старинной форме, со строгим выражением лица, волосы и борода в древнем стиле. Позже, с половины IV стол. совершается перемена—волосы и борода развиваются как по ветру, выражение лица становится более мягким, приятным. В Элиде находим и Геру Поликлета, во Фракии голову Гермеса, напоминающую фигуры Парфенона. Аполлона редкой красоты встречаем на монетах Амфиполиса, Клазомен, Родоса, не менее прекрасны изображения Афины в Гераклее, Артемиды в Аркадии. «Весь эллинский мир обнаруживает соревнование в этой области, и не только большие и богатые города оставили нам замечательные монеты, на которых изображено, например, как в глуши лесов Аркадии под искусной рукой Иктина возник замечательный храм Фигазеи, но и незначительные и бедные местности и островки принимают полное участие в этом способе почитания богов». Наиболее совершенны сицилийские монеты с изображением колесницы, запряженной парой или четверкой лошадей на беговых состязаниях. Ими восхищались такие художники, как Микель Анджело или Торвальдсен, изучая на них законы вечной красоты, а Гете о них писал: «эти чудесные монеты представляют собой бесконечную весну цветов и плодов искусства» [1]).

Таким образом, мы находим в Греции крайнее многообразие видов и сортов монет. Но все они могут быть сведены к немногим монетным системам—эгинской и евбейской, которые в свою очередь имеют связь с Востоком—первая с финикийской монетной единицей, вторая с вавилонской (евбейская мина равна четырем пятым вавилонской). Эгинская система исходит из серебряной мины в 630 гр. и главным представителем ее, действительно чеканенным, является статер в 12,6 гр. и драхма половинного веса, которая делится на 6 обол. Эта монетная система в VI стол. распространилась почти по всему Пелопонесу, как и во многих областях средней Греции, Беотии, Фокиде. Эти местности частью заимствуют эгинскую чеканку с черепахой, частью создают свою собственную на тех же основаниях. Халкида и Эретрия на Эвбее, как и Коринф, строят свою монетную систему на основах мины равной приблизительно двум третям эгинской, статер весит 8,73 гр., драхма (в 6 обол.)—4,37 гр. Эту монетную единицу приняли и Афины со времен Солона, при чем главной монетой являлась монета

[1]) Friedensburg. l. c.

в 4 драхмы (tetradrachmon) в 17,28 гр., на ряду с которой чеканились драхмы и оболы, иногда и 10-драхм. и 2-драхм. монеты. Эти 4-драхм. афинские монеты особенно охотно принимались повсюду и поэтому их чекан—голова Афины старинного образца с локонами и смеющимся выражением—сохранен был и впоследствии, когда появился уже другой тип богини и изображение лица стало более приятным. Монеты эти вызвали подражание в широких размерах как в различных местностях Греции, так и далеко за пределами ее. Подобным же образом местности северной Греции подражали, хотя и весьма грубо, македонским монетам с всадником, западная Греция и южная Италия—коринфским монетам с изображением пегаса, а Карфаген—сиракузанским с колесницами. Мировая монета, охватывающая весь известный в то время мир, появляется со времен золотого статера Филиппа Македонского и 4-драхм. серебряной монеты, принятой Александром Великим (александрийская драхма) — последний ввел серебряную аттическую монету. Эти монеты обращались во всем эллинистическом мире от Адриатики до Инда (за исключением Египта) и чеканились в течение столетий наследниками Александра.

Афинская монета всегда высоко ценилась. Автор сочинения «о доходах» указывает на то, что в отличие от монет других государств, которые имеют обращение лишь в пределах своей территории, афинское «серебро», т. е. серебряная монета везде охотно принимается [1]), а у Полибия упоминается о платежах, которые должны быть произведены в монете не худшей, чем аттическая [2]). У Аристофана читаем:

Червонцы наши неподдельный чистый клад—
Те прекраснейшие, верьте, изо всех иных монет,
И с надежною чеканкой и испытаны стократ
Пред очами всей Эллады и у варваров везде [3]).

В то время, как древнейшие монеты, чеканенные греческими колониями в Малой Азии, перенявшими монету из Лидии, чеканились из золота, в греческих государствах, в том числе в Афинах, находим почти одну лишь серебряную монету; золотая же появляется лишь в виде исключения; в годы сильной нужды в средствах приходилось прибегать к золоту, находившемуся в храмах, и чеканить из него монету. Чеканка золота в Греции

[1]) De vectigal. III. 2.
[2]) Polyb. XXII. 15.
[3]) Aristophan. Ranid. 721 сл.

началась в сущности лишь со времен Филиппа, при котором приступили к эксплоатации залежей золота в Кренидах в Македонии. Страбон рассказывает о том, что «очень много золотых рудников в Кренидах, где лежит теперь город Филиппы, недалеко от горы Пангея; самая гора богата золотыми и серебряными рудами... говорят, что крестьяне в Пэонии находят иногда целые слитки золота» [1]). И медной монеты, повидимому, первоначально не было— разменной монетой служила серебряная, которую чеканили вплоть до четверти и даже до одной восьмой обола, т. е. ценностью в нашу копейку. Только при Перикле, по предложению Дионисия, стали чеканить медную монету в размере одной восьмой обола (chalkys), а также дальнейших делений — половины и четверти ее. Отсюда Дионисий — читаем у Афинея — и получил прозвище «медный» (chalkys) [2]).

II.

Хотя развитие кредита относится лишь к более поздним ступеням хозяйственной жизни, тем не менее, долговые обязательства в их первоначальной форме в качестве потребительного кредита встречаются у всех народов уже в наиболее ранние эпохи. Нередко бедняки занимают у более состоятельных лиц скот, при чем не только обязуются отдавать им приплод, но и их самих принимать у себя и кормить и в известное время года (во время жатвы) помогать им своим трудом. Последнее легко создает постоянную зависимость должника от кредитора. Относительно древнейшей Греции у нас сохранились сведения о таком долговом рабстве, отмена которого приписывается Солону. Он сам хвалится тем, что освободил землю от межевых столбов (знак залога) и вернул проданных в рабство [3]):

Свидетельницей будет пред судом времен
Из всех богинь Олимпа величайшая
Святая наша матерь черная Земля:
Расставленных повсюду крепостных камней
С нее я снял обузу, возвратил рабе
Свободу. Многих я сынов ее вернул
В Афины, в их отчизну богозданную,
Что на чужбину были проданы—одни
Законно, а другие—силою господ.

---

[1]) Strabo. VII. Fragm. 34.
[2]) Athen. XV. 669 Д.
[3]) Solon. Fragm. Ed. Bergk. 36. Пер. Зелинского. Athen. Polit. 12, 5 сл.

Во многих местностях—на Хиосе, в Миконе велись публичные реестры ипотечным долгам (ипотечные книги), в Кизике они в течение пяти дней об'являлись глашатаями, в Афинах же для этой цели служили устанавливаемые на участке столбы или камни (horoi), на которых было обозначено имя кредитора и размер долга. Примеру Афин последовали их соседи—Аморгос, Сирос, Наксос. После Солона, повидимому, в течение продолжительного периода к этим horoi, как знаку обременения земли долгами, не прибегали более. На землях храмов, на дорогах, на гробницах их впоследствии ставили для обозначения, что данная земля принадлежит государству или храму, но на частных землях эти камни, упразднение которых вызвало в свое время такой энтузиазм, появляются—как мы видели—не ранее Пелопонесской войны [1]). Наиболее раннюю форму земельного кредита, повидимому, составляла — как указывают Дарест, Боше, Гитциг—«prasis (one) epi lysei» (продажа с правом выкупа), форма продажи, при которой вещь немедленно же переходила от должника к кредитору, но с правом первого, в случае возврата им полученной суммы в известный срок, получить свое имущество обратно [2]). Позже находим на ряду с ней и ипотеку, где недвижимость остается в руках должника.

И в Западной Европе временная продажа с правом выкупа предшествовала кредиту в тесном смысле слова; кредит вообще, повидимому, возник из сделки на наличные. В самом деле, «продажа с правом выкупа» есть ни что иное, как постепенный переход от купли-продажи к кредитной сделке — за полученную сумму отдается известный эквивалент немедленно, никакого промежутка по времени между получением и отдачей не существует, имеется в сущности продавец и покупатель, а не должник и кредитор, и только право продавца вернуть себе обратно отданную им вещь вносит в сделку идею кредита и превращает эту вещь в залог, возвращаемый обратно при уплате полученной суммы.

Спорным является лишь вопрос, возникла ли ипотека из этой формы, как полагает Дарест, или независимо от нее, как утверждает Гитциг. Впоследствии оба вида кредита существуют одновременно. Мы находим ряд надписей такой «продажи с

[1]) Recueil des inscript. jurid. gr. I. p, 118 сл.

[2]) Darsete. Nouv. Revue histor. de droit. I. 1877. Beauchet. Hist. du droit privé de la républ. athen. III. 176 сл. 191 сл. Hitzig. Das griechische Pfandrecht. 1895. p. 1 сл., 16 сл. Против них Szanto. Hypothek und Scheinkauf im griech. Rechte и Ueber die griech. Hypothek в Сборн. Ausgewählte Abhandl. 1906.

правом выкупа», относящихся не только к Аттике, но и к другим местностям, напр., к Декелее на Лемносе. На ряду с этим встречается и ипотека в различных видах, применяемая, однако, не только к случаям займа, но и в качестве гарантии прав малолетних или обеспечения приданого. Напр., залогом имущества мужа обеспечивается возврат приданого; так поступает—в речи Демосфена против Афоба—Онетор, выдавая свою сестру за Афоба. Или же имущество отца гарантирует уплату им еще не внесенного приданного: Полиевкт—в речи Демосфена против Спудия—уплачивает при выдаче дочери из 4 тыс. драхм 3 тыс., остальные же должны быть выданы после его смерти, при чем в залог поступает принадлежащий ему дом (apotimema) и устанавливаются каменные знаки—horoi [1]). Есть даже предположение, что ипотека в тесном смысле имела место лишь в случаях обеспечения приданого или аренды имущества, в особенности принадлежащего малолетним, тогда как к кредитным операциям применялась и впоследствии одна лишь форма «продажи с правом выкупа». Из характера последнего вытекает, однако, что залог земли не мог появиться ранее, чем свободное обращение недвижимостей и исчезновение родовой собственности. Но, судя по различным данным, Солон лишь допустил переход земли по наследству, тогда как другие виды отчуждения земли могли существовать еще до него, так что и обременение земли долгами могло иметь место еще до Солона [2]).

На ряду с поземельным кредитом мы имеем кредит коммерческий, главным образом в форме бодмереи—морского займа. Эта форма займа обыкновенно в своем историческом развитии предшествует сухопутному и последний заимствует свои формы у первого. Яркую картину этих кредитных операций дают речи Демосфена или, вернее, приписываемые ему, составленные в связи с судебными разбирательствами по делам о морских займах. В этих случаях нам известны самые обстоятельства, из-за которых возник спор, хотя, как он был разрешен судом, мы не знаем. Остановимся подробнее на этих речах.

Вот первый случай. Дионисидор и Пармениск берут у Памфила и Дария ссуду для поездки в Египет за хлебом. Должникам принадлежит и самое судно, почему оно и является залогом; они принимают на себя солидарную ответственность за уплату капитала и процентов, за исключением, однако, того случая, если

[1]) Demosthen. C. Onetor. II. 1. 12. C. Spud. 5, 6.
[2]) См. Caillemer. Crédit foncier. p. 12. Beauchet. T. III. p. 192.

бы последовало кораблекрушение. Они обязаны в течение того же года, пока удобное для плаванья время не истекло, вернуться обратно и либо уплатить капитал и проценты наличными, либо судно, свободное от всяких долгов, предоставить в распоряжение кредиторов; в случае нарушения договора, они уплачивают пеню в размере удвоенной суммы займа.

Уже при самом заключении договора Дионисидор и Пармениск пытались выговорить себе право по своему выбору либо обратно вернуться в Афины, либо с грузом отправиться в Родос, очевидно, в зависимости от того, каковы будут цены на хлеб на афинском рынке, но кредиторы, исходя из обязательности возвращения афинских судов, нагруженных зерном, обратно в Пирей (см. выше), настояли на установлении последнего в договоре. Кредиторы пошли на это, повидимому, в виду того, что в то время цена на зерно в Аттике стояла на высоком уровне. Однако после этого прибыли корабли с хлебом из Сицилии и цены упали. Дионисидор, оставшийся в Афинах, сообщил об этом уехавшему Пармениску в Родос, где он должен был остановиться на обратном пути, и последний, в виду этого, вопреки соглашению, выгрузил там хлеб и продал его. Но этим дело не ограничилось. Из Родоса корабль снова отправился в Египет, и вернулся обратно в Родос — он раз'езжает повсюду, кроме одних лишь Афин, куда должен был возвратиться.

Заявляя это, кредиторы указывают на нарушение сделки, как и афинского закона, но первоначально требуют себе уплаты лишь капитала и процентов — от неустойки они готовы отказаться. Но Дионисидор не удовлетворяет даже этого, казалось бы, справедливого требования их. Что же он может возразить? Он не отрицает ни правильности толкования ими договора, ни факта невозвращения судна в Афины, а утверждает лишь, что выгрузка товара в Родосе была вызвана течью, которая обнаружилась в корабле; пришлось по необходимости войти в гавань Родоса и подвергнуть судно ремонту. Хлеб он и продал там, прочие же товары отправил на нанятых им судах в Афины, выполняя, таким образом, поскольку это было возможно, требования афинского закона. Когда же починка корабля была закончена и он снова мог выйти в море, он уже не обязан было вернуться в Афины, ибо не имел уже груза.

Он готов уплатить полученный капитал, но проценты лишь за действительно совершенное плаванье, т. е. за путь до Родоса,

при чем указывает на то, что другие кредиторы согласились на такое предложение, что в сущности они, Дионисидор и Пармениск, и это платить не обязаны, ибо, в случае аварии и невозможности для корабля достигнуть места назначения, с них всякая ответственность снимается. Памфил и Дарий согласны принять у менялы эту сумму, но отказываются признать обязательство выполненным, почему Дионисидор ничего не платит. На третейский суд он также не намерен идти. Поэтому они и возбуждают дело в специальном торговом суде, рискуя, в случае отказа в иске, подвергнуться высокому штрафу, а при неуплате его—личному задержанию. Об'яснения Дионисидора, по словам кредиторов, не выдерживают критики. Если судно действительно дело течь, то каким образом оно благополучно прибыло в Родос и вскоре оказалось снова вполне пригодным для плаванья? Неверно и утверждение Дионисидора, будто все остальные товары, кроме хлеба, были отправлены на других судах в Афины—это было сделано только с теми, цены на которые стояли в Афинах выше, чем в других местах, прочий же находившийся на корабле груз принадлежал вовсе не Дионисидору, а пассажирам и последним пришлось по необходимости продолжать прерванный путь на других судах. И пример других кредиторов ни для кого не обязателен — надо придерживаться текста договора, а последний нарушен и поэтому уплате подлежит установленная в нем неустойка. Кроме того, другие кредиторы имели основание довольствоваться уплатой процентов лишь за путь до Родоса, ибо они ссуду дали лишь на обратный путь, сами отправились на корабле, получили в Родосе свои деньги обратно и могли их немедленно же поместить в новое предприятие, так как плаванье между этим портом и Египтом совершается безостановочно в течение всего года; в Афинах же корабли вынуждены зимою стоять в гавани, выжидая благоприятного для выхода времени.

Вообще, Памфил и Дарий отказываются понять аргументацию Дионисидора. О чем он говорит—о благополучно прибывшем или о потерпевшем крушение корабле? В первом случае он обязан уплатить все, что выговорено, во втором—ничего. Но он комбинирует обе, взаимно противоречащие друг другу, возможности: капитал он намерен уплатить, исходя из того, что судно достигло гавани, но процентов не желает внести, как будто судно погибло.

Но—что самое главное—должники нарушили афинский закон: вместо того, чтобы исправить свою первую ошибку и отправиться в Афины, они возвращаются снова в Родос, избегая Афин. Креди-

торы не сомневаются в том, каково будет решение суда. Родосский суд, конечно, стал бы на сторону должников, ибо они доставляли хлеб в Родос, афинские же судьи не дадут одержать победу тем, кто нанес ущерб и своим кредиторам и всем афинянам. Если—прибавляют в заключение истцы—сделки, совершенные в коммерческих целях, будут выполняться, то афинскому порту обеспечено процветание, если же суд допустит, что под несущественными предлогами корабли будут отправляться в другие порты и договоры будут односторонне уничтожаться, то никакой заимодавец не будет иметь более необходимой гарантии [1]).

Другой случай. Перед нами иностранные купцы, проживающие в Афинах—Хрисипп с братом и Формион (его не следует смешивать с другим Формионом, к которому перешла—см. ниже—банкирская контора Пасиона). Формион отправляет корабль из Афин к Понту для закупки товаров, а Хрисипп с братом снабжают его суммой в 20 мин. Корабль принадлежит Диону, а капитаном его является Лампис, бывший раб Диона, но затем отпущенный им на волю, имеющий собственное хозяйство и семью и ведущий самостоятельно торговые операции хлебом. Заем совершен на следующих условиях. Формион уплачивает в качестве процентов 6 мин или $33^1/_3$ (за весь срок путешествия), для обеспечения ссуды он обязан нагрузить отправляемый им корабль в Афинах товарами, имеющими ценность вдвое более полученной ссуды—они и являются залогом; в противном случае он обязан уплатить Хрисиппу неустойку в 5 мин. Уплата долга производится таким образом, что Формион, продав товар в Босфоре, нагружает снова судно и возвращается в Афины и по прибытии сюда расплачивается с Хрисиппом. Но Формион, если ему угодно, может и не брать нового груза, но в таком случае обязан уплатить в Босфоре капитал с процентами возвращающемуся обратно капитану корабля Лампису для передачи их Хрисиппу. Риск, сопряженный с плаваньем, несут кредиторы, Хрисипп и его брат; в случае гибели корабля, они теряют свои деньги. Договор составлен в двух экземплярах и для большей верности один из них передан на хранение меняле Киттосу.

Хрисипп не получил ни обратно своего капитала, ни условленных процентов. Основание к тому имелось—на обратном пути корабль потерпел крушение, много людей погибло и только

[1]) Demosthen. VI. C. Dionysodor.

Лампис с несколькими рабами Диона спасся, позже приехал на другом судне и Формион, но платить отказался. И все же возник процесс. Хрисипп заявил, что договор не выполнен, ибо Формион не нагрузил судна в Босфоре и не вручил Лампису денег. В доказательство первого обстоятельства он приводил рассказ самого Ламписа, что, в виду войны со скифами, торговля в Босфоре находилась в полном застое, товары ему трудно было сбыть и груза он приобрести не мог—от последнего, в виду крушения судна, Формион только выиграл. По той же причине он не мог и снабдить капитана деньгами. Это, однако, Формион отрицал, заявляя, что деньги были им переданы, но погибли при кораблекрушении, а за это он не отвечает. Но Хрисипп требовал доказательств передачи денег и признал заявление, что она была совершена без свидетелей, недостаточным. Почему Формион не передал писем, которые Хрисипп ему вручил для своего компаньона в Босфоре и для раба, оставленного им там на зиму, и почему не привлек их в качестве свидетелей? Лампис первоначально признавал, что денег от Формиона он не получил, но затем отказался от своих показаний, заявляя, что он при первом заявлении с ума спятил. Но Лампису, по словам Хрисиппа, верить нельзя — теперь он обманул его, Хрисиппа, раньше обманывал население Аттики, ибо, пользуясь правом беспошлинного вывоза зерна с Понта в Аттику, на самом деле отправил его в другое место под видом предназначенного для Афин. Оратор, выступающий против Формиона, надеется, что судьи не обратят внимания на его отговорки; осудили же они на смерть афинского гражданина, отец которого был полководцем, за то, что он много денег занял в Пирее и лишил кредиторов отданных в залог товаров. Ибо правы те, кто утверждает, что подобного рода злоупотребления подрывают кредит города и наносят ущерб благосостоянию жителей [1]).

Не менее характерен и следующий случай. Купец Протос, ведущий дела в компании с другими, отправляется из Афин в Сиракузы для закупки там хлеба. Капитаном корабля является Гегестрат из Массалии и его сопровождает другой житель этого города Зенофем. Отправляясь в путешествие, Протос делает заем у афинянина Демона и других лиц и для надзора за действиями Протоса Демон посылает на корабле своего агента Аристофана, нанятого им в Пирее.

---

[1]) Demosthen. C. Phormion. XXXIV.

Корабль благополучно доезжает до Сиракуз и здесь берет груз хлеба. Но тут начинается неясность. Протос утверждает, что он, выполняя договор, закупил этот хлеб на наличные деньги и погрузил его. Напротив, свидетели, вызванные впоследствии из Сиракуз отправившимся вместе с ним на корабле жителем Массилии Зинофемом, показали, что деньги для закупки хлеба были получены частью у последнего, частью выданы ими, сиракузянами; на эти деньги капитан Гегестрат приобрел зерно и оно явилось обеспечением ссуды, выданной Зенофемом и жителями Сиракуз. Действительно, у одного из пассажиров корабля оказался документ, в котором Гегестрат признает свой долг Зенофему, заключенный под залог груза. Между тем, Гегестрат утонул и поэтому Зенофем считал по прибытии в Афины, что груз принадлежит ему, ибо долг свой он не может получить обратно. Напротив, Демон, выдавший ссуду Протосу, заявлял о своем праве на груз, и силой удалил Зенофема.

По поводу самой гибели Гегестрата курсировали различные слухи. Утверждали, будто бы, с целью освободиться от обязанности уплаты полученной ссуды, он пытался пустить судно ко дну, пробить в нем дыру—в случае крушения ответственность прекращалась—и когда был пойман на месте преступления, бросился в море и утонул. Зенофем же уговаривал и матросов покинуть корабль и спасаться в лодке, а когда агенту Демона удалось предотвратить это, посулив высокую плату матросам за исправление течи, и добраться до Кефаллении, тот же Зенофем старался направить его не в Афины, а в Массилию, где, повидимому, можно было выгоднее сбыть зерно. Но кредиторы узнали об этом и послали своего агента в Кефаллению, под влиянием которого таможние власти потребовали, чтобы судно возвратилось туда, откуда вышло, т. е. в Афины. Зенофем, напротив, утверждал, что капитан погиб во время бури, что обманщиком является не он, а Протос, который не закупил зерна на занятые деньги, занимался пьянством, похищал и вскрывал чужие письма [1]).

Четвертый случай таков. Иностранец (имя его неизвестно), проживающий в Афинах, занимался в течение многих лет торговлей и ездил многократно в Фракию. Но вот уже семь лет, как он прекратил торговую деятельность и стал выдавать ссуды под корабли и грузы. К нему обращается за помощью владелец корабля

[1]) Demosthen., XXXII. C. Zenophem.

фракиец Апатуриос, которому грозит отнятие корабля за долг, и он устраивает Апатуриосу заем в 30 мин у банкира Гераклида и в 10 мин у другого фракийца, впрочем, покинувшего родину и переселившегося в Мизию, Парменона; в обоих случаях поручителем является названный коммерсант. Апатуриос же переписывает на его имя свой корабль вместе с находящимися на нем рабами, с правом вернуть себе обратно по уплате долга в 40 мин. Таким путем он освобождается от своих прежних долгов. Но тут происходит следующее. Банкир Гераклид, у которого получил ссуду Апатуриос, оказывается банкротом, и последний, опасаясь, что теперь его корабль попадет в конкурсную массу для удовлетворения кредиторов Гераклида, пытается поскорее выехать на корабле из Пирея. Однако, Парменон задерживает судно; после этого оно было продано вместе с матросами-рабами, и вырученная сумма только покрыла долг Апатуриоса в 40 мин. Казалось бы, этим дело должно кончиться. Но суть в том, что, когда Парменон пытался воспрепятствовать отплытию корабля, принадлежавшего Апатуриосу, последний его так избил, что он лишился возможности совершить проектированное им путешествие в Сицилию и от этого понес убыток. Апатуриос на этот иск об убытках представил встречный иск, при чем, в виду отсутствия в данный момент из Афин Парменона, предъявил его к упомянутому купцу и заимодавцу, считая его поручителем за Парменона [1]).

Еще один процесс вызван ссудой, которую получили младшие братья Лакрита, ученика известного оратора Исократа — Артемон и Аполлодор (из Фазелы), для путешествия с торговой целью к черноморскому побережью; кредитором явился афинский купец Андрокл вместе с другим лицом. Ссуда была выдана на срок путешествия туда и обратно в размере 30 мин. под залог груза в 3000 сосудов вина, ценностью в 1 талант (т. е. вдвое более размеров ссуды); груз должен быть принят на пути, в Менде или Скионе. Корабль отправляется к Понту и по продаже там вина погружается снова товарами, с которыми возвращается в Афины. Процент равен $22^1/_2$, если же путешествие не будет совершено до 20 сентября, то повышается до 30, ибо опасность кораблекрушения осенью увеличивается. Если судну не удастся войти в Черное море до 25 июля, то оно должно в течение 10 дней (это период бурь) простоять в Геллеспонте, при чем товары выгружаются в без-

[1]) Demosthen. XXXIII. C. Apatur.

опасном месте, таком, где не может последовать никаких репрессалий. Должники заявляют, что никакого другого займа под обеспечение этого груза ими не заключено и впредь не будет совершено и обязуются в течение 20 дней по возвращении вернуть ссуду в полноценной монете, а до тех пор не обременять груз никакими обязательствами.

Договор был подписан не только участниками, но и свидетелями, в присутствии других свидетелей, при чем составлял и скрепил его печатью старший брат должников Лакрит, который заявил, что он берет на себя ответственность за братьев и остается в Афинах, тогда как один из них, Артемон, отправится с грузом. Казалось бы, все шло гладко. На самом же деле договор нарушался на каждом шагу, и до выхода корабля из Афин, и во время путешествия, и по возвращении обратно. Прежде всего, вместо 3000 сосудов вина было погружено меньше 500, так что ценность груза составляла всего 10 мин и не покрывала ссуды, равняясь лишь $^{1}/_{3}$ ее. Далее, должники тайно получили ссуду еще у другого лица под тот же груз, обманув это лицо заявлением, что груз не обременен долгом. Наконец, по прибытии в Понт, ничего закуплено не было, так что кредиторы лишились всякого обеспечения. И ко всему еще, по возвращении судно не вошло в Пирей, а причалило в каком-то порту за пределами Аттики, где простояло 25 дней. Увидев, что никаких товаров не выгружается, и что вернувшиеся обратно спокойнейшим образом разгуливают по рынку Пирея, кредиторы стали требовать уплаты денег, и так как отправившийся в путешествие Артемон умер (о другом брате Аполлодоре ничего не упоминается), то они пред'явили иск к Лакриту, как поручившемуся за братьев и получившему наследство Артемона; последнее, впрочем, Лакрит отрицал. Он заявил, что платить братья не могут, так как груз в виде соленого мяса, вина и других товаров, погиб во время кораблекрушения (Андрокл на это отвечал, что вина никто не станет везти с Понта в Афины), но все же признал, что около 20 мин., т. е. две трети ссуды, было выручено. Однако брат его дал их взаймы одному знакомому судовладельцу из Фазелы и получить деньги обратно нет никакой возможности. Возмущенный всем этим кредитор называет Лакрита и его братьев настоящими фазелитами, они отняли у него, афинянина, его имущество. Но с каких пор фазелитам предоставлено право заниматься каперством афинских судов? [1])

[1]) Demosthen. XXXV. C. Lacrit.

Приведенные речи дают богатый материал, создающий пред нами яркую картину развития афинской торговли и судоходства, деятельности торгового класса и роли торгового капитала. Но они дают представление и о значении кредита в этой торговле, о существовании на ряду с торговым и кредитного капитала. Как видно из изложенного, ссуды под корабли и грузы — морские ссуды — являлись в Афинах довольно обычным делом.

Кредитуют и афиняне, и проживающие в Афинах иностранцы, делают это и купцы, и бывшие торговцы, но прекратившие торговлю, и специально посвятившие себя кредитным операциям лица, в том числе и банкиры. Кредитованием занимаются товарищества из двух или более лиц, они имеют доверенных лиц за границей, посылают туда и своих рабов для надзора за выполнение договора. Ссуда дается под залог корабля или груза в расчете на то, что они явятся достаточным обеспечением, т. е. что они имеют ценность, превышающую размер ссуды (ибо во время плаванья цены могут упасть) и не будут обременены новыми долгами. Но должники это обязательство далеко не всегда выполняют; им выгодно добыть побольше денег под тот же груз. Они обманывают и первого кредитора, нарушая данное ему обещание, и второго, уверяя его, что корабль или груз свободен от долгов. Они не грузят и указанного в договоре количества товаров, как и не совершают условленного пути, по продаже отправленного груза не берут на корабль новых товаров на обратный путь. Между тем, в сделке займа все это предусматривается, самый путь нередко определяется весьма точно, устанавливаются места назначения, остановки на пути, порты для погрузки товаров. Для устранения возможности этих нарушений кредитор входит в соглашение с живущими в других местах, куда отправляется судно, лицами, поручая им надзор за действиями должников и посылая им письма, сообщающие условия договора. Но все это не всегда приводит к цели, ибо письма приходится вручать капитану того же корабля, над которым устанавливается контроль, и он может не передать их по назначению. Или же один из кредиторов вынужден отправляться сам в путешествие или нанимать для этого агента или даже посылать собственного раба.

Такой надзор был особенно необходим в виду того, что кораблекрушение или захват судна пиратами освобождал должника от обязанности уплаты долга (соединение займа со страхованием). Это обстоятельство, как видно из приведенных случаев, подавало

повод к крупным злоупотреблениям. Должник не нагружал корабля на обратный путь или грузил весьма немного товаров, сохраняя всю вырученную сумму или большую часть ее в виде наличных денег, а затем устраивал фиктивное или действительное крушение, предварительно позаботившись о своей безопасности. Этим он лишал кредитора не только процентов, но и самого капитала. Необходимо было поэтому следить за действиями должника, за нагрузкой корабля, не допуская его выходить порожнем, как и за тем, чтобы не было создано намеренной аварии.

По поводу самого содержания договора в приведенных случаях не происходит споров. Действительно, в договоре, повидимому, предусматривались точно все права и обязанности, хотя и не все возможные случаи (напр., на кого падает ответственность в случае частичной аварии судна или может ли должник делать в пути новые займы, если это необходимо для починки судна). Договор составлялся при свидетелях и подписывался ими, в двух экземплярах, при чем один экземпляр помещался в верном месте, напр. у банкира. Уплата долга должна была происходить в определенный срок. Для обеспечения ее ссуда выдавалась не одному, а по крайней мере двум лицам, под солидарной их ответственностью, при чем одно из них оставалось в месте уплаты, в приведенных случаях в Афинах, для того, чтобы с него всегда можно было взыскать долг с процентами.

III.

В приведенных речах постоянно встречаются банкиры или менялы—трапезиты (от τράπεζα — стол). У них депонируется копия договора (речь против Формиона), через них производится расплата с кредиторами (речь против Дионисидора), наконец, у них в некоторых случаях совершается и самый заем, иногда за поручительством другого лица (речь против Апатуриоса). Согласно надписи III ст. до Р. X., коринфийский банкир Никон выступает поручителем за коринфийца Филона по следуемой с последнего сумме [1]). Нам известны и такие случаи, когда в присутствии трапезитов, быть может, при их участии, заключались договоры, когда у них хранились спорные денежные суммы [2]). Таким образом они играли роль своего рода нотариусов.

[1]) Sylloge. II. № 688.
[2]) Demosthen. LVII. C. Everg. et Mnesibul. LVI. C. Dionysodor. Plutarch. Vitae. 19.

Трапезиты занимались, вообще, самыми разнообразными операциями. Прежде всего они совершали размен денег, весьма важное в те времена дело, в виду многообразия монетных систем и постоянных изменений в чеканке,—отсюда они и получили название «kollubistai» или «kermatistai», ибо «kollubos» или «kerma» именовалась мелкая монета, уплачиваемая за размен [1]).

Камню лидийскому были подобны.
Золота пробуют верную цену на коем меняла [2]).

Эта операция являлась, вероятно, и здесь—как в других странах—первоначальной, к которой затем присоединились и другие. Так, они принимали суммы для выплаты их другим лицам. В этом случае для получателей было выгодно иметь дело с трапезитом, знающим достоинство и чекан монеты, а не с частным лицом, который мог подсунуть и фальшивую или низкопробную монету. Плательщик же имел доказательство произведенной уплаты в виде записи в торговых книгах трапезита [3]). Как видно из надписи IV ст. до Р. Х., найденной около Элатеи, фокеяне переводят следуемую с них сумму в Дельфы через посредство трапезита [4]).

Диоген Лаертий рассказывает о том, что философ Кратес положил свои деньги у трапезита с тем, чтобы они были выданы его детям, однако, за исключением того случая, когда последние не станут философами, ибо тогда они ни в чем нуждаться не будут, и в этом случае деньги должны быть розданы населению [5]). До уплаты деньги хранились у трапезита, и те, кто поручал ему выплату или инкассирование денег, являлись обыкновенно его постоянными клиентами, держали у него деньги на текущем счету. Теофраст, изображая хвастуна, говорит, что такой человек посылает своего раба в меняльную лавку, где у него не лежит и драхмы [6]) (подобно тому, как в настоящее время есть люди, которые выдают чек на банк, где у них ни копейки нет более на текущем счету). Автор речи против Каллиппа (приписываемой также Демосфену) рассказывает нам, как поступали трапезиты. Если кто-либо является к ним и помещает свои деньги, то прежде всего в книгу записывается имя клиента, далее его вклад, затем указывается,

[1]) Pollux. VII. 170.
[2]) Theokrit. XII. 34. (Пер. Сиротинина).
[3]) См. Beauchet. IV. p. 506 сл. Guillard. Les banquiers atheniens. p. 7 сл.
[4]) Sylloge. I. № 141.
[5]) Diogen. Laert. VI. 5,88.
[6]) Theophrast. Charakter. 30.

кому должны быть выданы те или другие суммы. Если получатель лично известен трапезиту, то просто отмечается его имя, если же он неизвестен, то прибавляется и имя того, кто должен удостоверить, что это именно то лицо, которому надлежит произвести уплату [1]).

Трапезиты вели таким образом торговые книги (hypomnemata, ephemerides, grammata), в которые вписывались депозиты и произведенные платежи [2]), хотя имелись ли различные книги и как они велись—мы не знаем. Вероятно, производилось и переписывание с одного счета на другой, если и плательщик и получатель являлись клиентами того же трапезита. Отсюда самое слово «diagraphein», т. е. переписывать, получило значение уплаты; в этом смысле оно употреблено, напр., у Полибия [3]). К эпохе римского принципата относится эпиграмма, содержащаяся в Палатинской Антологии, в которой говорится: эта трапеза открыта как для местных жителей, так и для иностранцев; если ты поместил деньги, то можешь их во всякое время получить обратно; Каик даже ночью возвращает деньги всякому желающему [4]).

Платили ли трапезиты проценты по вкладам, нам неизвестно—источники об этом молчат. Большинство исследователей дает положительный ответ, ссылаясь на римскую практику, где депонированные деньги приносили проценты, как и на тот факт, что сами трапезиты взимали высокие проценты со своих должников, которых они ссужали этими самыми депонированными у них суммами [5]). Но этих соображений еще недостаточно. Что же касается ссуд, то они хотя и производились—как видно из приведенных выше речей—отнюдь не одними трапезитами, но все же составляли существенную операцию последних. Ссуды сопровождались нередко поручительством (как в приведенном выше случае, когда один афинский коммерсант поручился трапезиту Гераклиду за выданную Аполлодору ссуду) или выдавались под заклад ценных вещей (ломбардная операция); Аполлодор отправляется с Никостратом к трапезиту Теоклу и дает распоряжение о выдаче первому 1000 драхм под залог доставленных им, Аполлодором, драгоценностей и золотого венка [6]). Однако ссуды выдавались трапезитами не только—как мы приводили уже—

[1]) Demosthen LII. C. Callipp. 4.
[2]) Demosthen. XXXXIX. C. Timoth. 5,9.
[3]) Polyb. XXXII. 13, 7.
[4]) Antholog. IX. 435. Цит. у Beauchet. IV. p. 335.
[5]) Perrot. Le commerce de l'argent à Athènes. p. 353. Dareste. Plaidoyers civils de Demosthènes. II. p. 185. Beauchet. IV. p. 334.
[6]) Demosthen. LIII. C. Nicostrat. 9.

под залог корабля и груза, но—как мы увидим ни же—и без всякого залога, в виду личного доверия к клиенту.

Среди трапезитов, повидимому, имелось много отпущенных на волю рабов. Демосфен сообщает ряд случаев, когда трапезит передает после смерти свое предприятие своему прежнему рабу, при чем, по желанию своего господина, раб после смерти последнего вместе с тем и женится на его вдове. Так, трапезит Сократ, сам отпущенный на волю, передает свою контору своему рабу и ему же поручает свою вдову, на которой тот должен жениться. Так же поступает трапезит Сокл в отношении своего раба Тимодема и трапезит Стримодор в Эгине дает такое же распоряжение своему рабу Герму [1]).

Все эти факты Демосфен приводит в доказательство того, что трапезит Пасион не совершил ничего недопустимого, когда в своем завещании поручил отпущенному им на волю Формиону жениться на его вдове. Среди полноправных афинских граждан—прибавляет он—такой брак свободной с бывшим рабом не практикуется, но среди трапезитов это принято и делается в интересах предприятия. Таким путем оно сохраняется в семье.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что—как мы узнаем из той же речи Демосфена в защиту Формиона—не только последний, женившийся на вдове трапезита Пасиона, был прежде рабом-иностранцем, купленным Пасионом, но и Пасион сам был несвободного происхождения. Он был рабом Архестрата и работал в банкирской конторе, которая принадлежала последнему в компании с Антисфеном. Благодаря добросовестному выполнению своих обязанностей, он приобрел полное доверие своего господина и последний отпустил его на свободу и на старости передал ему свое предприятие [2]). Из речи Исократа «Трапецитикос» видно, однако, что и впоследствии Архестрат участвовал в делах Пасиона: по просьбе последнего, Архестрат поручился в размере 7 талантов (т. е. 42 тыс. драхм) за одного иностранца (выступающего в этой речи), когда этот иностранец дал ссуду под корабль, который принадлежал жителю Делоса. Собственно говоря афинские законы такой ссуды не допускали, ибо займы можно было заключать только под суда, которые вернутся обратно с грузом в Афины, но судно, вышедшее из Делоса, конечно, не обязано было это выполнить. Необходим был поручитель, которому правительство бы доверяло и который

---

1) Demosthen. XXXVI. Pro Phormion. 29.
2) Demosthen. Ibid.

обязан был поручиться на крупную сумму за то, что судно вернется в Афины. Приятель должника Филипп, которого он просил быть поручителем, не решился на это. Напротив, Пасион при посредстве Архестрата принял на себя поручительство.

И в другом случае Пасион выступает в той же роли поручителя за этого же иностранца. Последний обратился к некоему Стратоклу, который отправлялся к Черному морю, с просьбой дать ему известную сумму денег взаймы, с тем, чтобы Стратокл получил ее обратно у отца своего должника, который был наместником в Босфоре. Но могло случиться, что отец этого лица не заплотит Стратоклу, а пока должник сам во время отсутствия Стратокла уедет из Афин и, следовательно, не с кого будет получить деньги обратно. Поэтому Пасион выступает в качестве поручителя и обязуется уплатить означенную сумму вместе с процентами [1]).

Мы узнаем также, что этот иностранец послан своим отцом с грузом хлеба в Афины и что, прибыв туда, он помещает свои деньги у Пасиона, при чем вклад принят—как подчеркивает владелец его, выступающий в качестве обвинителя против Пасиона—без свидетелей, ибо при заключении договоров с трапезитами свидетелей не требуется [2]). Так как и о выдаче документов нет речи—обвинитель их не пред‘являет—то, очевидно, все сводилось к записи в бухгалтерские книги трапезита, и это считалось вполне достаточным. Этому обычаю, свойственному одним трапезитам, тот же Исократ в другой своей речи противопоставляет иной случай, когда какой-то Никий передал свои деньги (3 таланта) не трапезиту, а другому частному лицу, но получил от него обратно всего 2 таланта. Он не мог ничем доказать, что один талант ему не возвращен, ибо ни при передаче денег, ни при получении части обратно не присутствовало ни одного свидетеля, даже раба, явление совершенно недопустимое. Самая речь эта против Евтина получила название «amarturos», т. е. без свидетелей [3]).

Впрочем, и в первом случае, как утверждает обвинитель, помещенный им у Пасиона вклад не был ему возвращен и старается выставить последнего в самом дурном свете. Но этому обвинению как-будто не совсем соответствуют сообщаемые им же случаи, когда Пасион поручался за него на крупные суммы, неправдоподобно и самое повествование его о том, как это случилось. Суть заклю-

[1]) Isocrat. Trapezitic. 22.
[2]) Ibid 4. 19, 27.
[3]) Isocrat.. C. Eutin. 3—4.

чалась вовсе не в том, чтобы Пасионом отрицалось получение вклада, а в чем-то гораздо более сложном. Обвинитель рассказывает историю о том, как после помещения им денег у трапезита отец его впал в немилость босфорского царя и последний потребовал и от него самого (сына) выдачи имеющихся у него денег. Чтобы избегнуть конфискации их, обвинитель, по совету Пасиона, к которому он обращался не только в денежных делах, но и в других случаях, заявил при свидетелях, что у него ничего нет, и что напротив, он даже должен Пасиону и другим лицам. Впоследствии же обвинитель узнал, что царь Босфора не только восстановил его отца в прежнем положении, но еще более возвысил его, и его сыну теперь уже не было надобности скрывать свое состояние. Когда он после этого потребовал у Пасиона депонированные деньги обратно, то, последний, якобы, отказался их вернуть и сослался на это сделанное при свидетелях заявление [1]).

Как бы то ни было, тот же обвинитель рассказывает, что Пасион имеет много друзей, крупные суммы проходят чрез его руки и он пользуется большим доверием [2]). В это время Пасион был еще метеком, позже он приобрел недвижимость, делал много пожертвований в пользу государства, в особенности доставил тысячу щитов, произведенных в его собственном предприятии, и пять триер, которые он снарядил на свой счет. За все это народ признал его и его потомков афинскими гражданами [3]). Банкирская контора Пасиона была первой в Афинах, к нему близко стояли лица, пользовавшиеся наибольшим почетом и кредит его во всей Греции стоял столь высоко, что когда его сыну, Аполлодору, впоследствии понадобились деньги в Тенедосе, то ему, как сыну Пасиона, не трудно было их добыть [4]).

В различных речах, приписываемых Демосфену, упоминается об операциях, производимых Пасионом. Так, напр., из речи против Калиппа мы узнаем, что Ликон Гераклейский, находясь в Афинах, поместил 1640 драхм в конторе Пасиона; уезжая в Ливию, он переводит эту сумму на имя Кепсиада, которого в это время нет в Афинах. Так как ни Пасиону, ни его служащим последний лично не известен, то два свидетеля, афинские граждане Архебиад и Фразий, должны по возвращении его удостоверить его личность.

---

[1]) Isocrat. Trapezit. 4—7.
[2]) Ibid. 2.
[3]) Demosthen. XXXXVII. Pro Phorm. C. Stephan. I. 85. II. 15. C. Neear. 2. C. Timoth. 46.
[4]) Demosth. C. Aphob. I. 11. C. Polycl, 56.

По дороге в Ливию Ликон попадает в руки пиратов и умирает в Аргосе от полученных ран. Узнав об этом, представитель Гераклеи в Афинах Каллипп требует выдачи ему депонированных Ликоном сумм, но служащий Пасиона (его бывший раб) Формион отказывает ему в этом, в силу сделанного Ликоном до от'езда распоряжения; после этого возвращается Кепсиад и получает эти деньги [1]).

Здесь мы имеем и депозит, и перевод денег, и удостоверение личности получателя. Другая речь дает представление о широком кредите, который Пасион открывал разным лицам, питая к ним, очевидно, доверие. К числу их принадлежал полководец Тимотей. Когда последний выходил со своей эскадрой из Минихиона (в 373 г.), он поручил Пасиону уплатить его казначею Антимаху 1351 драхму, и писец последнего Автоном получил эти деньги. Позже, находясь в Калаврии и нуждаясь в деньгах для уплаты войску, Тимотей сделал заем у Антифана, который был казначеем при капитане корабля Филиппе. Этот долг Тимофей также перевел на имя Пасиона. По прибытии Филиппа в Афины, Пасион отправляется с ним вместе в свой банк и поручает Формиону уплатить ему 1000 драхм за счет Тимотея. Все это совершалось, по словам сына Пасиона Аполлодора, без получения какого-либо залога, Тимотей же впоследствии утверждал, что Филипп внес залог предметами из бронзы.

В другом случае Тимотей обращается к Пасиону с просьбой уплатить в его отсутствие Филонду из Мегары за доставку леса, который подарил ему, Тимотею, царь Аминтас. Он представил лично Пасиону этого Филонда. Филонд привез лес, который был направлен в дом Тимотея в Пирее, и Пасион повел его в свой банк и поручил Формиону уплатить 1750 драхм, которые были опять-таки отнесены на счет долга Тимотея. Наконец, когда Тимотей был обвинен в измене, то в Афины приехали для защиты его Алкет, царь Молоссии и Язон из Феры и поселились у него; Тимотей тогда послал своего слугу к Пасиону с просьбой одолжить для своих знатных гостей ковры и покрывала, два серебряных сосуда и мину серебра. После оправдания его и отъезда гостей Пасион, в виду тяжелого материального положения Тимотея, не требовал с него долга. Между тем, не только деньги не были ему возвращены, но и серебряные сосуды. Эти сосуды, однако, принадлежали афинянину Тимосфену, который, уезжая, передал их вместе с другими серебряными вещами Пасиону на хранение. Раб

---

[1]) Demosth. LII. C. Callipp.

последнего, не зная, что это чужие вещи, передал именно их слуге Тимотея. Когда Тимосфен вернулся и при возвращении отданных им на хранение вещей сосудов не оказалось, то Пасион вынужден был заплатить за них по весу содержащегося в них серебра, именно 237 драхм; и это было отнесено на счет Тимотея.

Впоследствии, после смерти Пасиона, сын последнего Аполлодор взыскивает все эти долги с Тимотея, но тот отрицает их, заявляя, между прочим, что в одном случае отвечает за них получивший деньги казначей его Антимах, в другом случае капитан корабля Филипп, которому они были выданы, и т. д. Но Аполлодор ссылается на торговые книги отца, в которых указано, что деньги выдавались по распоряжению Тимотея, и этого достаточно было для того, чтобы суд признал его иск с Тимотея правильным [1]). В этом случае, в виде исключения, нам известен исход процесса, хотя получил ли Аполлодор всю сумму долга в размере свыше 43 мин. или только часть его, мы не знаем.

На старости, когда Пасион, вследствие болезни, не мог уже более управлять своей конторой, он передал заведывание ею, как и принадлежавшей ему мастерской по выделке щитов, своему помощнику, прежнему рабу, но отпущенному им на волю Формиону. Право собственности оставалось за семьей Пасиона, Формион же получил банкирскую контору и мастерскую в аренду с уплатой 100 мин ежегодно за первую и 60 мин за вторую. Формион, повидимому, никакого капитала не имел, а пользовался для оборотов одними помещенными в банке вкладами, ибо Пасион вынул свой капитал в 3000 мин, который находился в банке. Однако, в виду того, что банком было выдано в качестве ссуд под земли и дома 660 мин, а Формион не в состоянии был бы взыскать их, ибо, будучи метеком, не мог владеть недвижимостью, Пасион признал себя должником банка на эту сумму, которую он и намеревался взыскать—она была достаточно обеспечена залогами.

В завещании своем Пасион распорядился, чтобы после его смерти Формион женился на его вдове и получил в качестве приданого 120 мин, дом ценностью в 100 мин, рабынь, драгоценности и прочее имущество вдовы. Формион был назначен опекуном второго (малолетнего) сына Пасиона Пасикла (старшему Аполлодору минуло уже 24 года) и до его совершеннолетия Формион должен был сохранить за собой аренду банка и мастерской [2]).

---

[1]) Demosth. LIX. C. Timoth.
[2]) Demosthen. Pro Phormion.

Все это и было исполнено. По наступлении совершеннолетия Пасикла Формион представил отчет о своей деятельности в качестве опекуна, который был признан братьями правильным, вернул контору, которая была снова сдана в аренду четырем афинянам за плату в 60 мин (Формион платил 100 мин); Формион же открыл собственную «трапезу», и, подобно Пасиону, получил права афинского гражданина. Со старшим сыном Пасиона Аполлодором у Формиона были первоначально самые лучшие отношения и в храме Афины он торжественно признал правильным все представленные отчимом счеты. Но Аполлодор был крайне расточителен и от унаследованного от отца имущества в виде земли, домов, капиталов у него скоро почти ничего не осталось. Аполлодор отличался и страстью к ведению процессов — с кем он только не судился; сохранился ряд речей, приписываемых Демосфену, но, повидимому, составленных самим Аполлодором, в делах, которые он вел с разными лицами. Не избег процесса с ним и Формион, богатству которого Аполлодор сильно завидовал и на которого он через двадцать лет после смерти отца — столько времени он ждал — подал жалобу, выставив ряд обвинений: Формион присвоил себе средства Пасиона; он, вольноотпущенник, не имел права жениться на вдове последнего; все завещание Пасиона подложное, завещания же вовсе не было; наконец, Формион, чтобы скрыть следы своих преступлений, уничтожил торговые книги. Эти обвинения Аполлодор повторяет и в своей речи против одного из свидетелей Формиона Стефана. «Откуда ты добыл свое состояние — спрашивает Аполлодор Формиона—если ты не украл его, то где ты взял его? Твой отец тебе не оставил его в наследство, ты его не нашел, ты не мог его нигде приобрести, ибо ты был куплен, будучи варваром» [1]).

В речи, произнесенной Демосфеном в защиту Формиона, он отвергает все обвинения Аполлодора, в частности указывает на то, что последний, на основании торговых книг своего отца, взыскал около 1200 мин с бывших его должников—как же он может утверждать, что Формион уничтожил эти книги? На вопрос же Аполлодора, откуда Формион добыл свое богатство, он отвечает: оттуда же, откуда и отец Аполлодора Пасион. Последний также не унаследовал его и не нашел, а оказался добросовестным работником и приобрел доверие своего господина и патрона. Среди людей, которые занимаются торговлей и кредитными операциями—приба-

[1]) Demosthen. Phormion. 71.

вляет Демосфен — составляет редкое явление, если человек одновременно и деятелен и честен; доверие же является для трапезита важнейшим капиталом. Аполлодор забывает, что Антимах, сын того самого Архестрата, рабом которого когда-то был Пасион, живет в нужде, тогда как он, Аполлодор, обращает на себя внимание всех своей расточительностью. И все же Антимах не предъявляет никаких требований на имущество Аполлодора на том основании, что Пасион когда-то принадлежал его отцу, Аполлодор же недоволен тем, что Формион не желает поделиться с ним нажитым богатством. Последний действительно повел свои дела отлично и в состоянии был уплачивать 160 мин аренды и передать в исправности предприятие Аполлодору и его брату, в то самое время, как другие трапезиты, не внося никакой арендной платы, обанкротились. Но в случае присуждения Аполлодору искомой суммы, и его постигла бы та же участь, ему пришлось бы ликвидировать свои дела. Суд отказал Аполлодору в жалобе и присудил с него эпобелию, т. е. шестую часть взыскиваемой суммы, 200 мин, в качестве штрафа [1]).

Здесь, таким образом, перед нами открывается история банкирской конторы на протяжении трех поколений. Мы знакомимся с ее операциями, весьма разнообразными, узнаем о положении и деятельности ее руководителей. Она свидетельствует о разнообразии кредитных операций, производимых в Афинах, о наличности там банков, о роли кредитного капитала. Но в то же время не следует и слишком обобщать эти данные. Из тех же речей видно, что банкирская контора Пасиона составляла в Греции исключительное явление и было бы ошибочно представлять себе всех трапезитов Греции или хотя бы Афин (нам ведь известны из Афин, трапезиты Сократ, Соклес, Киттос, Гераклид, Пилад, Демомел, Теокл и др.) в виде Пасиона. Нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что и операции последнего ограничивались пределами Афин и если клиенты из других мест и посылали ему распоряжения уплатить те или другие суммы за их счет, то все же это были афиняне и счет ликвидировался в Афинах, по их возвращении. Во всяком случае никаких отделений своего банка Пасион в других местах Греции или за пределами ее не имел. Даже в таких местах, как Босфор, Дарданеллы, Египет, Сицилия, где афиняне закупали хлеб и погружали его на суда и где потребность в кредитных учреждениях, связанных с Афинами, была велика, мы их не находим, как не

[1]) Demosthen. Pro Phorm. 17 сл., 28 сл., 48 сл., 49 сл.

видим и сношений Пасиона с другими иногородними и иностранными банкирами и посылки им приказов или выполнения их поручений и т. д. Утверждение нынешних исследователей, что Пасион пользовался мировой известностью, покоится, повидимому, на приведенных выше словах его сына Аполлодора, заявлявшего, что, нуждаясь во время своего плавания в деньгах, он мог их получить в Тенедосе, ибо ему, как сыну Пасиона, охотно давали. Но из этого еще вовсе не вытекает, что Пасион производил операции с другими местами и с иностранными трапезитами.

Банку Пасиона, таким образом, весьма далеко до тех банкиров, которых мы находим, напр., во Флоренции в XIII—XIV ст. и которые имели свои филиалы, своих агентов и представителей во всех странах Европы, производили операции при помощи векселей, являлись кредиторами королей и выполняли их поручения, занимались в то же время торговлей, откупами, эксплоатацией рудников и соляных озер и т. д. О всей этой широкой деятельности здесь нет и помину. Наименования Пасиона, встречающиеся у Белоха, вроде банка «мирового значения» или «греческого Ротшильда», после сказанного едва ли могут быть признаны удачными. Белох намекает и на своего рода «грюндерскую» деятельность Пасиона в виде устроенной им «фабрики» щитов. Получается чуть ли не параллель не только с первой половиной XIX ст., эпохой Ротшильдов, но и с концом этого века—эпохой финансового капитала, берущего в свои руки индустрию, тогда как — как мы видим— этот единственный, повидимому, в своем роде банк того времени невозможно сопоставить даже с итальянскими товариществами XIII—XIV ст. Прочие же трапезиты, надо думать, — хотя установить это невозможно — в первую голову занимались наиболее важной операцией того времени—разменом монеты и лишь в виде дополнения к ней совершали и кредитные сделки.

Пытались найти в Греции вексель, но выяснилось, что ни о векселе, ни о передаче его (цессии), не говоря уже об индоссаменте, в аттическом праве—как указывает Гольдшмидт—и речи нет [1]). «Когда Стратокл—рассказывает лицо, от имени которого говорит Исократ — отправлялся к Черному морю, я же хотел получить оттуда деньги, то я просил его оставить мне имеющееся у него золото; прибыв на место, он получил эту сумму у моего отца». Он прибавляет, что передал Стратоклу письмо к отцу с

---

[1]) Goldschmidt. Inhaber-Order-und exekutorische Urkunden im klass. Altertum. Zeitschr. der Savigny—Stift. für Rechtsgesch., Roman. Abt. B. X. 1889. p. 374.

просьбой вернуть Стратоклу выданную ему сумму [1]). Но следует ли из приведенного, что это был (переводный) вексель, содержащий приказ об уплате Стратоклу соответствующей суммы? Или это был чек, т. е. приказ уплатить пред'явителю? Но чек (или акредитив, как говорит в этом случае Партш) предполагает кредитное учреждение, в котором помещены деньги выдавшего его лица, о чем здесь не упоминается. Очевидно, это было простое письмо, обращенное к отцу и содержащее просьбу об уплате. Ничего иного нам неизвестно [2]).

Что в эпоху Демосфена не существовало, повидимому, ни цессии обязательств, ни уплаты по приказу, ни бумаг на пред'явителя—это видно из приведенных выше случаев, когда Пасион ведет получателя лично в банк и дает распоряжение уплатить ему, как и из указанной выше отметки в самых книгах трапезита лица, которому вместо депозитара должна быть уплочена сумма [3]); и на суде каждый ведет свое дело сам, а не через посредство другого лица (цессионария). Поэтому Гольдшмидт говорит о наличности в древнем мире лишь правовых институтов, свойственных средневековому праву в его первоначальных, примитивных формах [4]).

Несколько более развитые формы мы можем установить в документах более поздней эпохи. Так, в найденных в г. Орхоменосе (в Беотии) и относящихся к 223—170 до Р.Х. надписях, некая Никарета из Феспии является кредитором города Орхоменоса. Казначей города переводит трапезиту Пистоклу в Феспии деньги на имя Никареты; в долговом документе сказано, что его может пред'явить и другое лицо—имеется, следовательно, бумага на пред'явителя. Однако Никарете удалось далеко не сразу получить следуемые ей с г. Орхоменоса суммы. Она вынуждена была вести процесс, который тянулся около трех лет. Ей приходилось прибегать к hyperameria, к протесту, констатирующему в присутствии свидетелей факт просрочки платежа. Только после пяти протестов, касавшихся отдельных частей долга, представители города вступили с кредитором в переговоры, после чего была заключена но-

---

[1]) Isocrates. Trapezit. 35—36.

[2]) См. Guillard. Les banquiers athéniens. p. 10. Caillemer. Etudes sur les antiquités juridiques d'Athènes. Lettre d'échange. p. 9 сл. Huvelin s. v. Mercatura (Daremberg—Saglio. Dictionn. III, 2. p. 1758). Partsch. Griech. Bürgschaftsrecht. p. 315. 363 сл.

[3]) См. выше 225. 228-29.

[4]) Goldschmidt. p. 253. 363 сл.

вая сделка ссуды (новация), при чем должниками являлись три полемарха (стоявшие во главе города), казначей и еще десять граждан (Орхоменоса)—в присутствии семи свидетелей, жителей Феспии. Ответственность установлена солидарная. Когда и это обязательство не было выполнено в срок, Никарета явилась лично в Орхоменос и пред'явила взыскание к должникам. Так как среди последних находились полемархи, то они созвали народное собрание, которое постановило в течение месяца удовлетворить Никарету и воспользоваться для этой цели всеми доходами города. Срок был снова пропущен и только после этого казначей Поллукритиос в присутствии полемарха Афанодора перевел деньги Никарете через банкира Пистокла [1]).

Среди документов г. Аркесины на острове Аморгосе II ст. до Р.Х. находим долговое обязательство, выданное городом Праксиклу из Наксоса, с которым заключен заем в размере 3 талантов. В нем упоминается о том, что кредитор может потребовать сумму обратно и чрез посредство другого лица и что уплата производится в Наксосе кредитору или его приказу—получается нечто вроде простого векселя, снабженного приказом [2]). И в других аморгосских документах этой эпохи содержатся приказы и обязанность уплаты пред'явителю. Ваксмут подчеркивает эти особенности аморгосских документов—как при взыскании долга, так и при востребовании капитала и при уплате его может действовать не кредитор, а третье лицо, и в результате получается, вообще, возможность перевода вытекающих из долгового документа обязательств на других лиц. «Совершенно новым—прибавляет он—является здесь перевод неуплоченных долгов на имя третьих лиц и в этом обстоятельстве можно было бы усмотреть первое проявление идеи современного торгового векселя, но путь к нему еще продолжителен и данных относительно дальнейших шагов в этом направлении нет никаких» [3]).

В обоих упомянутых случаях—и Никарета и Праксикл являются кредиторами города (государства). Мы находим и займы, заключенные между государствами, напр., остр. Перос заключает

---

1) Foucart. B. C. H. III. 460 сл. IV. 1 сл. 119 сл. = I. 9. 3172. Recueil des inscr. jurid. gr. I. № XIV. p. 276—311. (Collitz. Griech. Dialect. № 488. Syll. inscr. Boeot. № 16—19). См. Wachsmuth. Oeffentl. Kredit in der hellenist. Welt. Rhein. Museum. XL. Szanto. Ausgew. Abh. p. 21 сл.

2) B. C. H. VIII. 23 сл. A. (Kumanudis). Syll. № 517. Rec. d. inscr. jur. I. № XV. A. B.

3) Wachsmuth. Oeffentl. Kred. p., 295.

заем у остр. Хиоса (эпоха макед. владычества)[1]. Афины совершают заем в Тенедосе (310 г. до Р.Х.)[2], в Фивах (в 307 г.)[3], в Колофоне[4] и др. местах[5]. Но в большинстве случаев кредиторами являются не государства, а частные лица или же храмы. На ряду с частными банкирами-иноземцами в ранние эпохи хозяйственного развития кредитными операциями занимаются и храмы. И в Греции мы находим и эту вторую группу кредитных учреждений. Появление ее всегда обусловливается, с одной стороны, тем, что в этих священных местах можно было безопасно хранить ценности, почему их охотно помещали там, а с другой стороны, тем, что скопление такого рода сумм, как и значительные собственные богатства храмов давали им возможность снабжать капиталами учреждения и частных лиц, отдавая их под проценты и таким путем увеличивая свои доходы.

В «Эфесе—читаем у Диона Хрисостома—в храме Артемиды помещены крупные денежные суммы, как частными лицами, притом не одними жителями Эфеса, но и людьми со всех концов мира, так и государствами и царями, в виду безопасности, ибо никто не осмелился до сих пор захватить их, сколько ни велось войн и сколько раз ни был завоеван город»[6]. Фукидид упоминает о ценностях, хранящихся в храмах Селинонта[7], а у Ксенофонта читаем о предложении спартанцев 371 г., чтобы союзные города делали вклады в храм Аполлона для того, чтобы на эти средства можно было вести войну с нарушителями мира[8]. И частные лица помещали в храмах ценности, напр., афинянин Клеисфен передал в Самосский храм имущество своих дочерей[9], а спартанец Лисандр положил свои ценности в дельфийском храме[10].

Деньги эти, однако, не являлись простыми вкладами, отданными на хранение, а пускались храмами в оборот. У Фукидида коринфяне, готовясь к войне с афинянами в 432 г., указывают

[1]) I. G. XII. 5, 1. № 112. (Rangabé. Ant. Hellen. № 902).
[2]) C. I. A. II. 117 = Sylloge. № 146.
[3]) I. G. VII. 2405. 2406.
[4]) C. I. A. II. 253.
[5]) C. I. A. II. 252. См. Szanto. Anleihen griech. Staaten (Ausgew. Abh.).
[6]) Dio Chrysost. XXXI, 54 (О Родосе).
[7]) Thukydid. VI. 20.
[8]) Xenophon. Hellen VI. 4, 2.
[9]) Cicero. De legib. II. 16.
[10]) Plutarch. Lysand. 18. См. также Bourguet. L'administration financière du sanctuaire pythique. 1905. p. 63. Francotte. L'administration financière des cités grecs. p. 20, Гензель. Очерки по истории финансов. Вып. I. Древн. мир. 1913.

на то, что для постройки флота можно воспользоваться богатствами, имеющимися в храмах дельфийском и олимпийском. Наиболее осведомлены мы—и, пожалуй, осведомлены только о них—об операциях, совершаемых в делосском храме, благодаря найденным в раскопках, произведенных на этом острове, надписям. Теофиль Гомолль, производивший эти раскопки и изучивший архивы храма, указывает на то, что в Делосе делались дарения разными лицами под условием помещения этих капиталов под проценты; проценты же должны затрачиваться на различные указанные дарителем цели—на совершение жертвоприношений, на приобретение ваз для храма и т. д. Он обращает внимание и на то, что среди лиц, получающих ссуды и уплачивающих их, встречаются одни и те же лица или их наследники—они уплачивают тот же процент в течение ряда лет, так что, очевидно, ссуды каждый раз переводились на новый срок. В течение нескольких столетий делосский храм давал деньги в ссуду в размере 10 проц.—эта норма была установлена законом и не подлежала изменению [1]). Из дальнейших раскопок, совершенных в Делосе, выяснилось большое количество должников храма. В списке должников одни указаны в качестве уплативших следуемые с них проценты, другие же просрочившими сроки уплаты. Некоторые возвращают часть ссуды, другие не отдают ничего, и деньги храма пропадают иногда даже полностью. Из 82 упоминаемых в списке лиц большое количество в течение продолжительного времени не уплачивало долгов и все они по-прежнему числятся в списках, повидимому, они являются неплатежеспособными. А между тем празднества, устраиваемые храмом, должны были производиться на проценты с отданных в ссуду капиталов [2]). В надписях указаны фонды, из которых храмом выданы ссуды. Последние помещаются нередко в форме ипотечной, в особенности под залог дома, иногда под залог земли или мастерской, при чем недвижимость не всегда принадлежит самому должнику, а является иногда приданым жены, согласие которой на установление залога требуется в этом случае [3]).

---

[1]) Homolle. Les archives de l'intendance sacrée à Délos (315—166 av. J. C.). 1887. p. 19, 49, 77. B. C. H. VI. 1. VIII. 282. XIV. 389. 451. XV. 113. 288. Ср. C. I. A. I. № 273. Sylloge. № 306. См. Billeter. Gesch. des Zinzfusses im griech.—röm. Altert. 1898. p. q. 58.

[2]) B. C. H. XXXII. p. 101 сл. 459 сл. (Fouilles de Délos. Débiteurs du Sanctuaire).

[3]) B. C. H. XXXV. p. 129 сл. (Schulhof—Dürrbach. Fouilles de Délos. Inscriptions financières).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Материал, которым мы располагаем, слишком недостаточен для получения ясного и определенного представления о ходе экономического развития древней Греции.

Приходится поневоле ограничиваться гипотезами, исходя из общей эволюции хозяйственных форм, пользуясь аналогиями, заимствованными у других народов. Повидимому, первоначальный племенной коммунистический строй уступил место преобладанию поземельной аристократии, в тесной связи с расширением сельского хозяйства насчет скотоводства, с приобретением землею основного значения в хозяйстве и с утверждением родовой собственности на землю. Но с развитием ремесла, работавшего первоначально на заказ, а затем начавшего производить и для рынка, с появлением денежного хозяйства и товарного хозяйства, с установлением товарообмена между различными областями Греции изменился и весь характер социально-экономического уклада, а это не могло не отразиться и на политическом строе, выражаясь в потере землевладельческой аристократией своей власти и в переходе ее к другим классам населения. В таких областях, как Аттика, Коринф, Эгина торговля приобрела существенное значение, выдвинулся торговый класс и торговый капитал, тогда как в других областях самостоятельной торговли, а тем самым и торгового класса не существовало, а во многих сохранилось прежнее натуральное замкнутое хозяйство, а в связи с этим и власть осталась в руках прежних землевладельческих элементов. В Афинах на ряду с торговым капиталом успел уже возникнуть и кредитный, но до промышленного капитализма древняя Греция не дошла. Объектом торговли являлись сельскохозяйственные продукты, судостроительные материалы, предметы роскоши; промышленных изделий для массового потребления даже Аттика не вывозила, не знала крупных предприятий, работающих для экспорта. Все сводилось к широко развитому ремеслу, к крупным и мелким мастерским, работавшим для местного рынка, да для раздачи призов на состязаниях собиравшимся со всех концов Греции борцам, быть может, и для сбыта на ближайших рынках. Она не только не знала той эпохи развитого капитализма или капиталистического накопления, эпохи капитализма в тесном смысле, которая в Западной Европе наступает с конца XVIII ст., но и период раннего капитализма проявляется лишь в первоначальных формах кредитного и чисто-торгового капитала, тогда как торгового капитала, применяемого в ранней форме ка-

питалистической промышленности, в кустарном производстве, работающем для широкого рынка, не имелось. Ни широкого рынка, ни кустарной промышленности мы не находим. Так что древняя Греция даже в тех областях, где экономическое развитие обнаруживало наибольшие успехи, не может сравниться с итальянскими городами позднего средневековья. Последние характеризуются как развитой цеховой организацией и кустарным производством, так и такими институтами, как вексельные операции, как банки с многочисленными иностранными отделениями и т. д. Соответственно этому и торговое право древней Греции является сильно отсталым, по сравнению с торговым правом средневековой Италии.

Есть основания предполагать в эпоху роста торгового капитала на ряду с образованием крупных состояний и значительное обнищание различных слоев населения, пролетаризацию масс, оторванных от земли. Жалобы на страсть к роскоши и богатству, на жажду наживы, на ненасытность богачей, как и на силу и власть богатства, находим уже ранее—у Гезиода и Феогнида. Но впечатление все же получается такое, что в более раннюю эпоху на первом плане стояла сила, сопряженная с знатностью рода, с владением землей,—она давала и власть, а за ней и богатство; знатному богачу противопоставлялся бесправный бедняк. Напротив, впоследствии это сословное различие как-будто потеряло свое значение, формально и богатый и бедный равноправны и лишь самое богатство дает первому мощь, возможность подчинять себе второго[1]).

---

[1]) Как можно усмотреть из приведенного, при установлении общего хода развития хозяйственной жизни древней Греции мы не расходимся с основными положениями, выдвинутыми А. И. Тюменевым в первом томе его «Очерков экономической и социальной истории древней Греции». Разногласия между нами касаются лишь отдельных частных вопросов. Помимо того, что А. И. Тюменев, по нашему мнению, преувеличивает, по примеру других исследователей, значение внешней торговли в древней Греции, не ограничивая последнюю немногими торговыми центрами и находя даже акционерные банки (стр. 135), о которых в источниках нет ни слова,—он хотя и подчеркивает, что торговля Греции не могла опираться на собственную промышленность и усматривает в отсталости последней, по сравнению с блестящим развитием торговли, внутреннее противоречие, но в то же время утверждает, что эта отсталость промышленности заставила торговую аристократию прибегнуть к широкой эксплоатации рабского труда. В связи с этим он всетаки говорит о существовании крупных промышленных предприятий, о классе крупных фабрикантов, близком к классу денежных капиталистов, о пролетаризации ремесленников и находит, что требования внешнего рынка заставляли, в целях развития промышленности, обратиться к рабскому труду, за отсутствием свободных рабочих. Между тем, как видно из приведенного выше, с этими утверждениями, касающимися развития промышленности согласиться невозможно.

Того же автора.

Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Изд. 6-ое. Т. I. 1922. Т. II. 1923 (готовится седьмое издание).

Основные вопросы международной торговой политики. Изд. 2-ое, дополненное и доведенное до настоящего времени. 1924.

Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала 1924 г. Изд. 2-ое, дополненное. 1924.

Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVIII ст. 2-ое изд. 1922.

Промышленность и условия труда на Западе в XIX веке. 1923.

Очерки финансовой науки. Ч. I. 1919. Ч. II. 1920.

Спорные вопросы организации статистики внешней торговли. 1916.

Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. 1914 (докторская диссертация).

Местное обложение в иностранных государствах. Ч. I. 1911. Ч. II. 1912.

Эволюция прибыли с капитала. Т. I. 1906. Т. II. 1908 (магистерская диссертация).

Русское и иностранное законодательство о кооперативных товариществах. 1906.

Хлебные пошлины и их влияние на народное хозяйство. 1904.

Очерки по истории таможенной политики. 1903.

История русского народного хозяйства. Т. I. и II. (печатается).

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Ленинград, пр. Володарского, 34. Телеф. №№ 2-10-20 и 5-47-76.

ЦЕНТНЕРШВЕР М.—Радий и радиоактивность 1 20
ЭЙНШТЕЙН А.—Основы теории относительности.—4 лекции, прочитанные в Пренстонском университете. . . . . — 75

Из серии «Физика и химия в технич. экскурсиях».

БИЗЮКИН Д. Д., инж.—На железнодорожной станции 1 50
ЕВАНГУЛОВ Е. М. проф.—На металлургическом заводе. . . . . . — 85

Из серии «Победы техники».

Техника пара и газа, под. ред. проф. **А. ПЕТРОВСКОГО** 2 50

ДЖИЛЬБРЕТ Л.—Психология управления предприятиями (распр.) . 1 80

Естествознание.

БУБЛИКОВ М. А.—Биологическ. беседы. 3-е изд., соверш. перераб. 1 35
ЕГО ЖЕ. Опытная ботаника 1 40
ВАСИЛЬЕВ Ю. А., д-р.—Очерки физиологии духа (распр.) . . . . . — 85
ГЕРД С.— Школьный кружок любителей природы. . . . . — —
МОРГАН Т. и ФИЛИПЧЕНКО Ю. А. Наследственны ли приобретенные признаки. — 35
НЕМИЛОВ А. В.,—проф. Биологическая трагедия женщины . . . — 90
ПЭРНА Ник. — Строители живого тела. (Очерки физиологии внутренней секреции) 1 25
РАЙКОВ Б. Е., проф.—Книжка для практич. работ по неживой природе. Пособие для учащихся . . . . — 35
ФИЛИПЧЕНКО Ю. А., проф.—Общедоступн. биолог., 4-е изд. испр. и доп. 1 20
ЕГО ЖЕ.—Происхождение домашних животных . . . . — 70
ШМИДТ П. Ю., проф.—Сила жизни. Биологический очерк . . . . — 65

География.

География, как наука и как учебный предмет. Сборник статей под ред. проф. *С. П. Аржанова* 1 30
ИВАНОВ Г. И.—Начальн. курс географии. Части I и III по . . . . — 85
ЕГО ЖЕ. Часть II . . . . — 70
ЛОТЦЕ Р.—Древность земли. . . . . — 60
ЛУШАН Ф. — Народы, расы и языки. 1 75

Педагогика.

Трудовая школа в свете истории и современности. Сборник статей под ред. проф. *М. М. Рубинштейна* (распр., печ. 2-е изд.) 2 —
СИНКЛЕР Э.—Гусята (Народное образование в Америке) 90

История.

ГРОССМАН С. — Фердинанд Лассаль. — Перевод с немецкого. . . 1 25
КАРЕЕВ Н. И., проф. — Очерки по социально-экономич. истории Западной Европы в новейшее время. 1 50
ЕГО ЖЕ.—Французская революция в историческом романе. . . — 90
ЕГО ЖЕ.—Две английские революции XVII века 1 50
КОЦ Е. С.—Крестьян[illegible] 1 30
ЛОЗИНСКИЙ С. Г., проф.—[illegible] Греция и Рим. 1 10
ЕГО ЖЕ.—Средневе[illegible] . . . . . . — 90
ОЛАР А.—Культ Разу[illegible] во время франц. Революции [illegible] 1 50
СИГРИСТ С. В.—У по[illegible] . . . . . . — 80
ТАРЛЕ Е. В., проф. — [illegible] до Версальского мира 1 50
ТХОРЖЕВСКИЙ С. И.—Народные волнения при первых Романовых. 1 25
ВОЛЬТЕР Ф. А. — Мемуары и памфлеты (распр.) . . . . 1 —

Цена 1 р. 85 к.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Ленинград, пр. Володарского 34. Тел. 2-10-20 и 5-47-76.

Обществоведение и экономика.

Библиот. Обществ. под ред. проф. *Н. Г. Тарасова.*

Т. I. Жизнь общества в первичных формах и сложных образованиях античного рабовладельческого мира. (3-е изд.) . . . . . . 2 —

Т. II. Формы организации труда и общества в Европе в эпоху преобладания натурального хозяйства и развития средиземно-морской торговли (2-е изд.) . . . . . . 2 —

Т. III. Жизнь общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма (2-е изд.) 1 75

Т. IV. Жизнь общества в эпоху новейшей мировой торговли, капиталистич. промышленности и развития социализма (2-е изд.) 2 25

Т. V. Капитализм и социализм. Экономические и государственно-правовые основы жизни общества 1 50

АНЦИФЕРОВ.—Пути изучения города, как социального организма. 1 25

БОЛДЫРЕВ Н. В. проф. и **С. Я. ГЕССЕН.**—Современная Европа . . 2 —

ВИНТЕР Г.—Путь к повышению производительности труда . . . — 85

ГРЕДЕСКУЛ Н. А.—Происхождение и развитие обществен. жизни. 2 25

КУЛИШЕР И. М. Проф.—Очерк экономической истории Древней Греции . . . . . . — —

ФОРЛЕНДЕР К.—История социалистических идей . . . . . . — 85

ФОЙХТ А.—проф.—Техническая экономика. 1 35

ШАФТ С. — Социальная борьба в Западной Европе XIX века . . 2 —

ШТЕЙН В. М., проф. — Развитие экономической мысли, т. I. Физиократы и классики . . . . . . 2 —

Литература и родной язык.

АРТЮШКОВ Р.—Звук и стих. Соврем. исслед. фонетики русск. стиха — 50

АЛЬБАЛА АНТУАН.—Искусство писателя. С предисл. *А. Горнфельда.* 1 —

ВОЛЬПЕР И. И.—Справочник по этимологии русского яз. в табл. — 40

ЕГО ЖЕ.—Новый орфографический словарь . . . . . . — 50

ЕГО ЖЕ.—Правила правописания. . . . . . — 20

КАРСКИЙ Е. Ф., акад.—Диалектология. 2 50

КЛЕЙНБОРТ Л. М. — Очерки народной литературы (1880 — 1923) . 2 75

МИРОНОСИЦКИЙ П. П.—Словечко—букварь . . . . . . — 30

ЕГО ЖЕ.— Как обучать грамоте по „Словечку“ (Методические указания для учителей) . . . . . . — 40

Письма **В. Г. КОРОЛЕНКО** к **А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ.** 1 40

РЕДЬКО А. Е.—Литературно-художеств. искания за последние 25 лет. 2 —

СОЛОВЬЕВА Е. Е. и **ТИХЕЕВЫ Е. И.** и **Л. И.** Русская грамота. Первая после букваря книга для чтения . . . . . . — 75

СИПОВСКИЙ В. В., проф.—Поэзия народа. Пролетарская и крестьянская лирика наших дней . . . . . . — 70

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА. — Сборник статей под редакцией *Н. Л. Бродского.* 2 75

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ДОСТОЕВСКОГО—Сборник статей под редакцией *Н. Л. Бродского.* . . . . . . 2 —

ЭНГЕЛЬГАРДТ Э.—Рабиндранат Тагор, как человек, поэт и мыслитель 1 50

Иностранные языки:

ДОДЕ А—Малыш . . . . . .

ФЕХНЕР Э.—Методика преподав. немецкого языка в русской шк

Ленинградский гублит №1386 Тираж 3000. — 15 л.

2-я Типография 1-й Артшколы им. „Красн. Октября“, пр. Майорова, 53.